

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

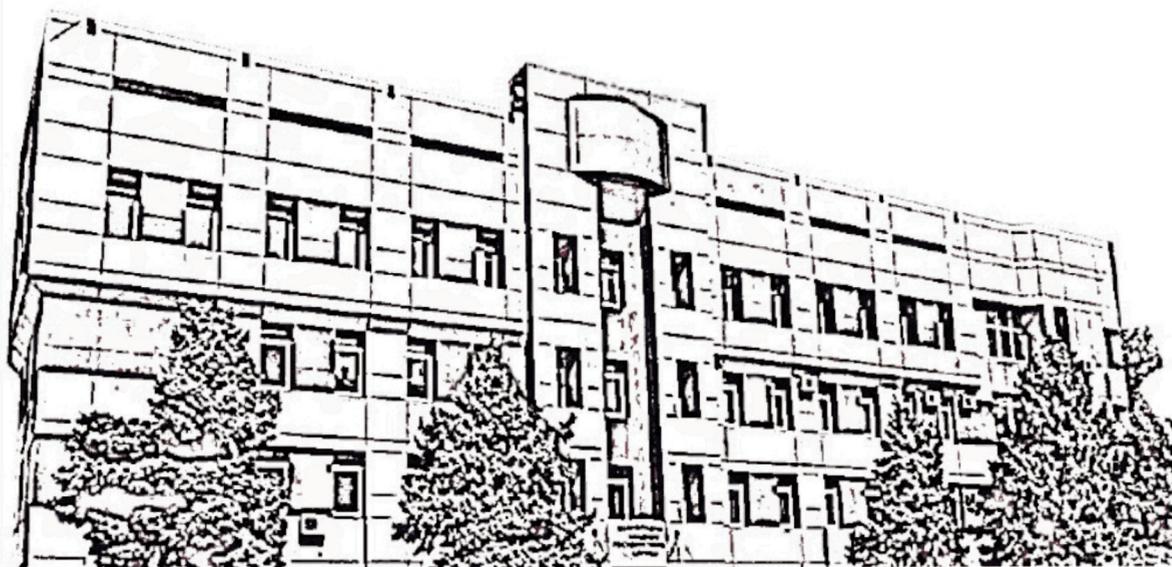
ISSN 2782-5531

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Научный журнал Волгоградского института управления

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

№4(10)
2023
21.12.2023

№4(10) 2023

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ
21 декабря 2023 года
RELEASE DATE:
December 21, 2023

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ВОЛГОГРАД

Сетевое издание

Online publication

**ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

**PARADIGMS
OF MANAGEMENT,
ECONOMICS
AND LAW**

Средство массовой информации зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер:
серия ЭЛ № ФС 77-78424
от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала
ISSN 2782-5531

The media outlet is registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media
(Roskomnadzor).

Registration number:
ЭЛ series no. ФС 77-78424
of June 15, 2020

International Standard Serial Number of the Journal
ISSN 2782-5531

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

FOUNDER:

Federal State Federal-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration»

Главный редактор

Бардаков А. И.

Editor-in-Chief

Aleksey I. Bardakov

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,
ул. им. Гагарина, д. 8
Тел.: (8442) 72-68-46;
e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru
<http://paradigmy34.ru/>

Editorial Office Address:

400066, Volgograd region, Volgograd,
Gagarin Street Campus, building 8
Tel.: (8442) 72-68-46;
e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru
<http://paradigmy34.ru/>

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2023

Publishing House: Publishing and Printing Center
of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, 2023

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление), г. Волгоград, Россия

Чумакова Екатерина Александровна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика), г. Волгоград, Россия

Осетрова Анна Юрьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право), г. Волгоград, Россия

Редакционный совет журнала:

Абдрашитов Вагип Мнирович – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Братановский Сергей Николаевич – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова г. Москва, Россия

Елисеев Вячеслав Сергеевич – Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Кабанов Вадим Николаевич – Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, г. Москва, Россия

Кублин Игорь Михайлович – Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия

Ларионов Аркадий Николаевич – Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, г. Москва, Россия

Панкратов Сергей Анатольевич – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Попкова Елена Геннадьевна – Московский государственный институт международных отношений (университет), г. Москва, Россия

Попелуев Сергей Петрович – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Сафаров Бахтовар Амралаевич – полномочный представитель Республики Таджикистан в Российской Федерации, Республика Таджикистан

Чукин Сергей Георгиевич – Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Дагестан

Редакторы перевода:

Семикина Юлия Геннадьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Гуляева Евгения Вячеславовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Editor-in-Chief

Alexey I. Bardakov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Alexey A. Sokolov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Management), Volgograd, Russia

Ekaterina A. Chumakova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics), Volgograd, Russia

Anna Yu. Osetrova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Law), Volgograd, Russia

Editorial Board:

Agip M. Abdrashitov – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Sergey N. Bratanovsky – Plekhanov Russian University of Economics Moscow, Russia

Vyacheslav S. Eliseev – Kutafin Moscow State Law University, Russia

Vadim N. Kabanov – National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

Igor M. Kublin – Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Arkady N. Larionov – National Research Moscow State University of Civil Engineering Moscow, Russia

Sergey A. Pankratov – Volgograd State University Volgograd, Russia

Elena G. Popkova – Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia

Sergey P. Potseluev – Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don, Russia

Bakhtovar A. Safarov – Plenipotentiary Representative of the Republic of Tajikistan in the Russian Federation, Republic of Tajikistan

Sergey G. Chukin – Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation Saint-Petersburg, Russia

Mukhtar Y. Yahyaev – Dagestan State University, Makhachkala, Dagestan

Translation Editors:

Yulia G. Semikina – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Evgeniya V. Gulyaeva – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Редакционная коллегия журнала:

Али-заде Айдын Ариф оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Алмосов Александр Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Анисимов Алексей Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аширбекова Мадина Таукеновна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Баранов Андрей Владимирович – Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Барсукова Татьяна Ивановна – Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Болтанова Елена Сергеевна – Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Брехова Юлия Викторовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ван Цзиньлин – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Гурбанов Физули Магомед оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Дроздова Юлия Алексеевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Иванова Татьяна Борисовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ишмухамедов Шарип Абдрахманович – Университет Туран, г. Алматы, Казахстан

Карипов Балташ Нурмухамбетович – Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан

Климук Владимир Владимирович – Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь

Лю Янь – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Максимова Ирина Васильевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Маслова Надежда Валентиновна – Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия

Марусинина Елена Юрьевна – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Миронова Светлана Михайловна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Рагозина Татьяна Эдуардовна – Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Россия

Столярова Алла Николаевна – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Талипова Нигора Тулкуновна – Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Устюкова Валентина Владимировна – Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Editorial Council:

Aydin A. Alizade – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Alexander P. Almosov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Aleksei P. Anisimov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Madina T. Ashirbekova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Andrey V. Baranov – Kuban State University, Krasnodar, Russia

Tatyana I. Barsukova – North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Elena S. Boltanova – National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yulia V. Brekhova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Wang Jinling – Changchun University, Changchun, China

Fuzuli M. Gurbanov – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Yulia A. Drozdova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Tatyana B. Ivanova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Sharip A. Ishmukhamedov – Turan University, Almaty, Kazakhstan

Baltash N. Karipov – Shoqan Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

Vladimir V. Klimuk – Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus

Liu Yan – Changchun University, Changchun, China

Irina V. Maksimova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Nadezhda V. Maslova – Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia

Elena Yu. Marusinina – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Svetlana M. Mironova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Tatyana E. Ragozina – Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia

Alla N. Stolyarova – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nigora T. Talipova – Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Valentina V. Ustyukova – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕPOLITICAL
MANAGEMENT**Поломошнов А. Ф.**Русский характер в национальном
самосознании XIX века..... 7**Polomoshnov A. F.**Russian character in national identity
XIX century..... 7**Лотарев К. А., Щербинин С. В.**Военный конфликт на Украине: новая
фаза глобальной конфронтации
России и Западного мира..... 19**Lotarev K. A., Shcherbinin S. V.**Military conflict in Ukraine: a new phase
of the global confrontation between
Russia and the western world..... 19

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Болдина М. Ю.Социальные проблемы молодежи и
пути их решения в рамках государ-
ственной молодежной политики
Волгоградской области..... 29**Boldina M. Yu.**Social problems of youth and ways
to solving them within the framework
of state youth policy
of the Volgograd region..... 29

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

ЭКОНОМИКА И
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВОECONOMY AND
ENTREPRENEURSHIP**Шамрай-Курбатова Л. В.**Теоретические аспекты управления
риском снижения финансовой устой-
чивости в системе
риск-менеджмента..... 43**Shamrai-Kurbatova L. V.**Theoretical aspects of managing
the risk of decreased financial stability
in the risk management
system..... 43

БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

BANKING

Гулямова А. Л., Гулямова Г. С.Использование инновационных услуг
в развитии розничной торговли
банковской системы..... 58**Gulyamova A. L., Gulyamova G. S.**Use of innovative services in the
development of retail trade
banking system..... 58

**БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВАЯ
СИСТЕМА****BUDGETARY
TAX SYSTEM**

Дарелина О. В.
Направления обеспечения
сбалансированности регионального
бюджета..... 68

Darelina O. V.
Directions of ensuring the balance
of the regional
budget..... 68

ПРАВО**LAW****ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО****PUBLIC LAW**

Миронова С. М., Хван Л. Б.
Правовой статус самозанятого
в России и Узбекистане:
сравнительно-
правовое исследование..... 80

Mironova S. M., Khvan L. B.
Legal status of the self-employed
in Russia and Uzbekistan:
comparative legal
research..... 80

Кочубей А. В.
Определение научного статуса
судебной микрообъектологии..... 90

Kochubey A. V.
Determination of the scientific status
of forensic microobjectology..... 90

**Федоренко В. А., Юрин В. А.,
Нурушев А. А., Асанов И. Е.**
Определение дальности выстрела из
пистолета Макарова калибра 9 мм по
глубине внедрения пули в деревянную
преграду..... 100

**Fedorenko V. A., Yurin V. M.,
Nurushev A. A., Asanov I. E.**
Determining the shot range from Makarov
pistol 9 mm caliber for the depth
of bullet integration into
a wooden obstacle..... 100

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 130.2: 323.1

РУССКИЙ ХАРАКТЕР В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ XIX ВЕКА

Андрей Федорович Поломошнов

Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В контексте современного глобального противостояния России и коллективного Запада, крайне важными являются вопросы познания и защиты российской цивилизационной и культурно-антропологической идентичности. Противоречивые поиски российскими мыслителями XIX века сущности русской души и русского характера не утратили актуальности и сегодня, ибо противостояние двух линий национального самосознания: традиционализма (славянофилов) и интегрализма (западников) продолжается и в наше время на всех уровнях российского общества и, в том числе, на уровне философского дискурса.

Методы. В статье на основе методологии историко-философского анализа исследуется, каким образом решалась проблема российской культурно-антропологической идентичности (или русского характера) в противостоянии двух основных линий отечественного философского самосознания: традиционализма и интегрализма в XIX веке.

Анализ. Рассматриваются концепции российской культурно-антропологической идентичности западников (П. Я. Чаадаев и В. С. Соловьев), ранних славянофилов (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский) и поздних славянофилов (Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский).

Установлено принципиальное различие подходов западников и славянофилов к постижению сущности русского национального характера. Если славянофилы выстраивали портрет самобытной российской культурно-антропологической идентичности, то западники обосновывали необходимость формирования в русском народе общеевропейский или общечеловеческой культурно-антропологической идентичности.

Заключение. Борьба альтернативных подходов славянофилов и западников к конструированию концепта русского характера, начавшаяся в XIX веке, стала отправной точкой последующего дискурса о российской культурно-антропологической идентичности в XX веке и вплоть до нашего времени. Поэтому единый, общепринятый портрет русского характера до сих пор не выработан в российской философии.

Ключевые слова: национальный характер, русский характер, славянофилы, западники, интегрализм, традиционализм, евразийство.

UDC 130.2: 323.1

RUSSIAN CHARACTER IN NATIONAL IDENTITY IN XIX CENTURY

Andrey F. Polomoshnov

Don State Agrarian University, Persianovski set, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the context of the modern global confrontation between Russia and the collective West, the issues of knowledge and protection of Russian civilizational and cultural-anthropological identity are extremely important. The contradictory searches by Russian thinkers of the 19th century for the essence of the Russian soul and Russian character have not lost their relevance today, for the confrontation between two lines of national identity: traditionalism (Slavophiles) and integralism (Westerners) continues in our time at all levels of Russian society, including, at the level of philosophical discourse.

Methods. The article, based on the methodology of historical and philosophical analysis, examines how the problem of Russian cultural and anthropological identity (or Russian character) was solved in the confrontation between two main lines of Russian philosophical self-awareness: traditionalism and integralism in the 19th century.

Analysis. The concepts of Russian cultural and anthropological identity of Westerners (P. Ya. Chaadaev and V. S. Solovyov), early Slavophiles (K. S. Aksakov, A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky) and late Slavophiles (N. Ya. Danilevsky, F. M. Dostoevsky). A fundamental difference in the approaches of Westerners and Slavophiles to comprehending the essence of the Russian national character has been established. If the Slavophiles built a portrait of a unique Russian cultural and anthropological identity, then Westerners substantiated the need to form a pan-European or pan-human cultural and anthropological identity among the Russian people.

Conclusion. The struggle between alternative approaches of Slavophiles and Westerners to constructing the concept of Russian character, which began in the 19th century, became the starting point of subsequent discourse on Russian cultural and anthropological identity in the 20th century and up to our time. Therefore, a single, generally accepted portrait of the Russian character has not yet been developed in Russian philosophy.

Keywords: national character, Russian character, Slavophiles, Westerners, integralism, traditionalism, Eurasianism.

Введение. Современный мир сорвался в состояние нарастающей нестабильности и турбулентности. Чем закончится этот безумный полет для России? В чем мы можем найти спасительные средства для сохранения своей идентичности и самого выживания российской цивилизации в будущем мире? В поисках ответа на эти вопросы лучше всего и прежде всего нужно обратиться к нашим корням, основам и историческим архетипам, со-

ставляющим основу нашей российской цивилизационной самобытности и нашу главную историческую силу. Актуальность этого обращения приобретает наивысшую степень остроты в условиях дрящущегося уже второй год глобального цивилизационного конфликта России и Запада, происходящего в форме прокси-войны на Украине. В этом противостоянии решается судьба России и судьба всего мира. Чтобы победить, недоста-

точно одного военного и экономического потенциала, нужно укрепить российский дух, возродить русский характер и великую русскую идею гуманизма. Русский характер и русская идея, другими словами, становятся сегодня решающим фактором нашей глобальной геополитической победы. Поражение означает для России физическое исчезновение великой цивилизации с исторической сцены и физическую «утилизацию» великого русского народа.

Методы. Опираясь на общую концепцию динамики российского национального самосознания, рассмотрим, как же развивалась тема русского национального характера в контексте такой богатой и сложной истории отечественного философского самосознания? Мы не будем детально анализировать историю отечественных концепций русского национального характера, т.к. это тема отдельного исследования, а, точнее, целого комплекса исследований. Мы лишь уточним, каким образом в целом ставилась и решалась проблема российской культурно-антропологической идентичности (или русского характера) в противостоянии линий традиционализма и интегрализма. В связи с этим стоит согласиться с мнением Поломошнова Л. А. о том, что «...тема национального характера как значимого позитивного критерия российской социокультурной идентичности становится значимой лишь в контексте линии традиционализма или национального синтетического интегрализма. Линия ингрессивного интегрализма, в целом негативно относясь, к проявлениям самобытности российской цивилизации, естественно, не проявляет интереса к особенностям российского национального характера» [6, с. 49].

Анализ. Тема специфики русского национального характера разрабатывалась отечественными мыслителями в обязательном сопряжении с темой российской социокультурной идентичности. Для дискурса

XIX века по тематике российской культурно-антропологической идентичности в целом характерно преобладание аналогового, психологического подхода. Целостных, всесторонне концептуально и методологически обоснованных концепций русского национального характера, может быть, за исключением Н. Я. Данилевского, предпринявшего попытку создать такую концепцию, не было создано. На первоначальном этапе дискурса XIX века явился ставший толчком для него критический образ русского национального характера, созданный П. Я. Чаадаевым. Его портрет русского национального характера носит не описательный, а концептуальный характер. Чаадаев исходит из того, что народы – существа нравственные, обладающие собирательным национальным характером и сознанием своей самобытности. «Народы, хотя они и сложные существа, на самом деле существа нравственные, подобно личностям» [12, с. 97].

В чем же состоит по Чаадаеву специфика нравственного лица русского народа? Парадоксально, но Чаадаев утверждает, что у русского народа отсутствует определенное нравственное лицо. «Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру» [12, с. 38].

Итак, главная особенность русского национального характера, по Чаадаеву состоит как раз в отсутствии самобытного и определенного нравственного лица народа. А причиной этого является специфическая история русского народа и отношение русского народа к собственной истории.

Итак, русский народ – народ, лишенный нравственного лица и не помнящий, не хранящий историю, не извлекающий из нее

уроков. Вину за такой общий портрет русского народа, Чаадаев возлагает на безразличие к его судьбе божественного провидения [12, с. 41]. Ссылка на провидение, конечно, мало убедительна. Но, определив главную особенность нравственного лица русского народа Чаадаев переходит к описанию его личностных качеств, которое представляет собой сплошной список недостатков: 1) историческая маргинальность, беспочвенность, отсутствие исторической памяти и преемственности [12, с. 38]; 2) бессмысленная, беспорядочная, бесцельная жизнь [12, с. 36]; 3) беспечность и легкомыслие [12, с. 40]; 4) сиюминутное существование одним днем, направленность только на текущий момент времени, жизнь только настоящим моментом вне временной перспективы и связи с прошлым и будущим [12, с. 37]; 5) культурная, творческая бесплодность и бездарность [12, с. 41]; 6) дополняющая бездарность способность подражания, заимствования чужих культурных достижений. Вроде бы это – не порок. Но Чаадаев обесценивает эту подражательность, подчеркивая, что русские подражают и перенимают чужие культурные формы неумело, заимствуя лишь внешность, а не суть, и искажая эту суть. В-седьмых, по Чаадаеву сам менталитет русского народа порочен. Ему свойственно слепое поверхностное подражание, неспособность к связному последовательному логическому мышлению. «Народ этот не в силах сосредоточить своей мысли на каком ряде идей, которые постепенно развертывались в обществе и понемногу вытекали одна из другой... Лучшие идеи, лишённые связи и последовательности, как бесплодные заблуждения парализуются в нашем мозгу» [12, с. 40]. Русский народ, по Чаадаеву, не способен к серьёзному и систематическому, самостоятельному логическому мышлению [12, с. 52].

Даже нехотя признаваемые Чаадаевым достоинства национального характера Чаадаев интерпретирует так, чтобы обесценить их. «Если мы обладаем некоторыми достоинствами народов молодых и отставших от цивилизации, то мы не имеем ни одного, отличающего народы зрелые и высококультурные» [12, с. 40]. Правда, никакого содержательного перечня этих достоинств молодых, отставших народов Чаадаев вообще не даёт. К ним можно отнести только беспечную отвагу, терпение и выносливость. Однако, обесценивает эти достоинства своей интерпретацией: «То самое начало, которое делает нас подчас столь отважными, постоянно лишает нас глубины и настойчивости» [12, с. 40].

Общепризнанную православную религиозность русского народа Чаадаев также толкует скорее как недостаток, чем достоинство. Православная религиозность, по мнению Чаадаева, является исторически косной, бесплодной религиозностью, не стимулирующей социальный и личностный интеллектуальный и нравственный прогресс.

Сам Чаадаев назвал свой портрет русского национального характера «несколько язвительной филиппикой против его немощей» [11, с. 134]. Основным оправданием своих преувеличений, резкости и язвительности Чаадаев избрал специфический патриотизм. Он стремился доказать, что он любит свою родину, но особой, критической любовью [11, с. 143]. Рассуждения П. Я. Чаадаева о русском характере стали в какой-то степени парадигматическими или программными для всей линии российского западничества XIX века.

Развитием темы русского национального характера стала философско-литературная полемика западника В. Г. Белинского и традиционалиста Н. В. Гоголя, в которой последний идеализировал такие черты русского

народа, как смирение, покорность, религиозность, начальство почитание и т.п., а Белинский их яростно критиковал.

Наибольший вклад в разработку темы русского национального характера в XIX веке, естественно, внесли славянофилы. Славянофилы первого поколения, стимулированные критическим портретом русского национального характера, данным Чаадаевым в его «Философических письмах», сделали противоположный акцент, постаравшись представить русский национальный характер как набор достоинств, безусловно превосходящих национальный характер западных европейцев.

В качестве предмета, на основе которого составлялся позитивный портрет русского национального характера было избрано не дворянство, подверженное западнической порче и нравственно-интеллектуальным болезням социального паразитизма «лишних людей», а российское крестьянство. Славянофилы, не мудрствуя лукаво, идеализировали самобытные начала российского образа жизни: православие, самодержавие, крестьянскую общину и вытекающие из них качества национального образа жизни и народного характера. Славянофилы, будучи последовательными и сознательными защитниками самобытности и национальной идентичности российской цивилизации сформулировали основные инварианты, составляющие ядро российской национальной самобытности и идентичности: 1) самодержавие, 2) православие, 3) соборность. Формально, славянофилы, как и Чаадаев начинают свои рассуждения с тезиса о том, что у каждого народа есть свое нравственное лицо. А. С. Хомяков писал: «Догадались ли мы, что каждый народ представляет такое же живое лицо, как и каждый человек» [10, с. 582].

Логика его рассуждений такова: русская душа, заложенная Богом, произвела самобытную русскую культуру и цивилизацию. «Русский дух создал самую Русскую землю в бесконечном ее объеме, ибо это дело не плоти, а духа; Русский дух утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму общежительности в тесных пределах; Русский дух понял святость семьи и поставил ее как чистейшую и незыблемую основу всего общественного здания; он выработал в народе все его нравственные силы, веру в святую истину, терпение несокрушимое и полное смирение. Таковы были его дела, плоды милости Божией, озарившей его полным светом православия» [10, с. 297]. Сам А. С. Хомяков акцентировал внимание на православии, как специфической форме российской религиозной духовности, с которым связывал соборность как черту российской цивилизации и особенность национального психического склада. «Соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям» [5, с. 48].

К. С. Аксаков акцентировал свое внимание на особенностях российского самодержавия и отношения между народом, обществом и самодержавной властью. Отношения между русским народом и государством по Аксакову основаны на разделении «земли» (общества) и «государства» (самодержавной политической власти). Для русского народа, по мнению мыслителя, характерно добровольное и сознательное отчуждение от политической власти взамен на внутреннюю нравственную свободу духа, слова, веры и жизни. Русский народ – «... это народ негосударственный, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического эле-

мента... *Отделив от себя правление государственное, народ Русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнью»* [1].

Введенное самим русским народом для себя разделение земства и власти предполагает, не полную бесконтрольность и безответственность власти перед народом. Напротив, на нее возложены определенные обязанности. Добровольно отрекшись от участия в политической власти, народ сохраняет за собой право нравственного суда или нравственной санкции права на власть.

Из разделения сфер личной и общественной жизни, с одной стороны, и власти, с другой стороны, Аксаков делает парадоксальное определение сущности свободы русского человека, гарантированной неограниченным самодержавием. «Русский человек, по справедливости, не есть раб, а человек свободный. *Монархическое неограниченное правительство, в русском понимании, является не врагом, не противником, а другом и защитником свободы, свободы духовной, истинной, выражающейся в открыто возмущаемом мнении»* [1].

Обобщая портрет русского национального характера в представлении славянофилов, можно выделить следующие основные его особенности: православная религиозность, набожность, смиренность, любовь к идеалам святости, духовная и социальная соборность, коллективизм (примат интересов коллектива над интересами личности, но не поглощение личности коллективом), гуманизм, высокая нравственность, внутренняя свобода, аполитичность, лояльное отношение к власти. Гуманистическую специфику российского коллективизма составляет то, что: «Личность в русской общине не подавлена, но только лишена своего буйства, исключительности, эгоизма... личность поглощена в

общине только своей эгоистической стороной, но свободна в ней, как в хоре» [2, с. 85].

В целом славянофилы были склонны к неоправданной идеализации элементов русской национальной самобытности, идеализации русского народа и его национального характера и русской истории. В. С. Соловьев ставил эту идеализацию в упрек славянофилам первого поколения. «Вместо объективно достоверных общечеловеческих начал правды славянофилы в основание своей доктрины поставили предполагаемый идеал русского народа» [7].

Особое место среди альтернативных портретов характера русского народа занимает концепция Н. Я. Данилевского, основанная на четко обозначенном и реализованном им методе сравнительного анализа русского и европейского типов национального характера. Перейдем теперь к конкретному описанию русского национального характера Н. Я. Данилевским в соответствии с обозначенным им методом. Данилевский, избирательно комбинирует отдельные факты из истории России, стремясь выделить инвариантные, основные черты национального психического склада русского народа, определяющие стиль его исторической деятельности.

Одно из ключевых качеств – это терпимость по отношению к другим народам. «Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена» [3, с. 213]. Терпимость проявлялась в способе подчинения других народов по мере расширения российского государства. «Слабые, полудикие и совершенно дикие инородцы не только не были уничтожены, стерты с лица земли, но даже не были лишены своей свободы и собственности, не были обращены победителями в крепостное состояние» [3, с. 215].

Второе инвариантное качество русского национального характера – прирожденная гуманность. «Она и отражается во многом

и многом, например в русском законодательстве относительно смертной казни» [3, с. 216].

Третья черта русского национального характера по Данилевскому – приоритет нравственности над практическим, материальным интересом. «Вообще не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание» [3, с. 221]. Эту черту Данилевский выводит из специальной интерпретации способа социокультурных преобразований российского общества [3, с. 217].

Четвертая черта русского национального характера – приоритет общенародного, русского элемента над элементом личным, индивидуальным. Он пишет об «... огромном перевесе, который принадлежит в русском человеке общенародному русскому элементу над элементом личным, индивидуальным» [3, с. 223]. Вся русская история, по Данилевскому, демонстрирует примеры жертвенности русского человека личным ради общенародного, ради общероссийских интересов и ради российского государства. Фактически у Данилевского речь идет о российском патриотизме, без которого распадается цельность русского национального характера.

Описание православной религии как нравственного и духовного стержня, основы российской цивилизационной самобытности и национального психического склада у Данилевского выглядит не особенно убедительным, т.к. он акцентирует внимание не на специфике религиозной веры и чувства россиян, а на принципах православной церковной организации: соборном управлении церковью, разделении власти и функций между церковью и государством. Православную религиозность Данилевский рассматривает как единственно правильную форму интерпретации божественного откровения. Не очень убедительно

Данилевский пытается доказать преимущества православного взгляда на церковь и православной формы христианства в основном методом разоблачения ошибочности, порочности, не соответствия истинному духу христианства католического и протестантского взглядов на церковь.

Наконец, в соответствии со своим замыслом, Данилевский прослеживает ход исторического воспитания русского национального характера. Все историческое воспитание русского народа состоит в преобразовании исходной племенной воли в гражданскую свободу в процессе формирования и укрепления русского национального государства как основы российской цивилизационной идентичности и самого сохранения и развития самобытной российской цивилизации.

Преобразование племенной воли в гражданскую свободу происходило через историческое переживание различных форм зависимости народа, которые у Данилевского выступают как основные исторические факторы становления российской государственности как культурно-политической формы русского народа. Данилевский ссылается на следующие исторические формы зависимости: призвание варягов, данничество в Киевской Руси, татарское данничество, крепостничество.

Все это послужило этапами становления национального государства или обретения русским народом государственности и национальной идентичности. Данилевский обоснованно связывает русский народный характер с основами российской цивилизационной идентичности как его историческими продуктами. Правда, все историческое воспитание национального характера не добавило ему никаких новых черт, а лишь трансформировало одну из его черт: преобразовало племенную анархическую волю в гражданскую

свободу. «Русский народ перешел через различные формы зависимости, которые должны были сплотить его в единое тело, отучить от личного племенного эгоизма, приучить к подчинению своей воли высшим, общим целям, – и цели эти достигнуты» [3, с. 292].

Данилевский дает явно предвзятую, односторонне положительную характеристику русского национального характера, который у него состоит из одних достоинств. Эту характеристику пронизывает патристический пафос отстаивания самобытности и национальных интересов русского народа.

Линия позднего славянофильства в постижении русского характера, помимо Н. Я. Данилевского, представлена Ф. М. Достоевским. Портрет русского национального характера, рисуемый Достоевским, фрагментарен и внутренне противоречив: отдельные качества не сходятся друг с другом. Особенно искусственно выглядят приписываемые Достоевским народу мессианские устремления. Он, во-первых, проводит различие между народным характером и испорченной интеллигенцией. Во-вторых, зачем-то приписывает русскому народу какую-то высшую общечеловеческую миссию: соединить противоречия, примирить, обеспечить общечеловеческое всеединство в Христе. В-третьих, предостерегая от идеализации русского народа сам его идеализирует.

Перейдем, к конкретному перечню черт русского народного характера по Достоевскому. Достоевский, подобно многим мыслителям, конечно, приписывает русскому народу особую врожденную, интуитивную, подсознательную православную христианскую религиозность. «Сердечное знание Христа и истинное представление о нем существует вполне. Оно передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей» [4, с. 63].

Второй чертой народного русского характера по Достоевскому является духовная потребность страдания, жертвенность. «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем» [4, с. 61].

Третья черта народного русского характера – широта души или беспредельность, как стремление и способность во всем доходить до пределов, способность впадать в крайности и метаться от одной к другой. «Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее как ошалелому вниз головой» [4, с. 60].

Четвертая черта русского национального характера, по Достоевскому – высокая духовность, примат идей над материальными интересами. «Вглядитесь и увидите, что у нас прежде всего вера в идею, в идеал, а личные, земные блага лишь потом» [4, с. 141].

Достоевский приписывает русскому народу также такое качество, как свобода духа, способность к духовному подвигу. «Именно народ наш любит точно так же правду для правды, а не для красоты... И все это он сделает и проявит просто, твердо, не требуя ни наград, ни похвал, собою не красуясь» [4, с. 366].

Одна из любимых идей Достоевского о русском национальном характере связана с приписыванием русскому народу некоего общечеловеческого гуманизма. Достоевский искренне верит в «... в общечеловечность, то есть в то, что падут когда-нибудь, перед светом разума и сознания, естественные преграды и предрассудки, разделяющие до сих пор свободное общение наций эгоизмом национальных требований, и что тогда только народы заживут одним духом и ладом, как

братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии» [4, с. 371]. Но он утверждает также, что общечеловечность присуща каждому русскому человеку. «У нас, у нас всех, русских, – эта вера есть вера всеобщая, живая, главнейшая» [4, с. 371].

Общечеловечность русского народа образует особый, любимый пунктик Достоевского вплоть до того, что он отождествляет ее с русской национальной идентичностью. «Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой» [4, с. 375].

Б. Тарасов, оценивая концепцию русского народного характера Достоевского, отмечает, что «Достоевский не идеализировал народ, хорошо видел его недостатки, никогда не скрывал их, а, напротив, стремился выявлять для лучшего осознания и напоминания о их возможных последствиях» [9, с. 25]. Можно говорить о том, что Достоевский, описывая характер русского народа проводил различие между его глубинными позитивными качествами и обусловленными различными социально-историческими причинами искажениями, нарушениями этих качеств. При этом он, безусловно верил в победу лучшего в народном характере.

Противостояла линии славянофильского традиционализма линия ингрессивного интегрализма, предлагавшая интеграцию России в мировое сообщество путем стирания национальной самобытности ради всемирной, общечеловеческой идентичности. Этот специфический подход к русскому национальному характеру демонстрирует В. Соловьев, ища в нем общечеловеческие интегрирующие черты. В. Соловьев анализирует русский национальный характер с точки зрения

своего идеала вселенской теократии, реализация которого про мысли В. Соловьева составляет русскую идею. Соловьев проводит различие между самосознанием народа и его идей. «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [8, с. 187].

Русская идея – замысел Бога о России и состоит в реализации именно русским народом этого идеала. Но народ может и не выполнить этого замысла Бога, ибо Богом же наделяется нравственной свободой. «Идея, которую определяется его существование в мысли Бога, никогда не выступает в качестве материальной необходимости, но только в форме морального обязательства» [8, с. 187].

Поэтому Соловьев придирчиво избирательно анализирует русский национальный характер на тему наличия в нем качеств, обеспечивающих способность реализовать русскую идею. Он обнаруживает такое качество: способность к самоотречению от национального эгоизма. Примеры проявления этого заветного качества Соловьев видит в русской истории. «Прошедшее русского народа представляет два главных акта национального самоотречения – призвание варягов и реформа Петра Великого» [7].

Это заветное качество согласуется и с другими качествами национального характера: христианской религиозностью и др. «Высший идеал самого русского народа (идеал «святой Руси») вполне согласен с нравственными требованиями и исключает всякое национальное самолюбие и самомнение» [7]. Способность самоотречения от национального эгоизма толкуется В. Соловьевым в нравственном смысле «...истинной религиозности, братолюбия, широты взгляда, веротерпимости, свободы от всякой исключительности и прежде всего – духовного смирения» [7].

Но это заветное качество редко проявляется. А русское общество, по мысли В. Соловьева, от народа до властей подвержено порче русского национализма как ложно понятого национального патриотизма. И в этом видит Соловьев главное препятствие в исполнении русским народом возложенной на него Богом русской идеи [7].

Соловьев стремится обосновать необходимость очередного героического подвига, к которому призывает русское общество – подвига перехода от национального эгоизма и патриотизма к христианскому интернациональному, высшему религиозному духовному патриотизму. Аргументация В. Соловьева в пользу актуализации в национальном характере национального самоотречения основана на своеобразной интерпретации интернационального теократического всеединства как истинного смысла христианства и на чисто ценностном противопоставлении позитивного христианского интернационализма негативному национальному патриотизму. В. Соловьев необоснованно считал, что «... вполне возможно соединить вселенское христианство с патриотизмом... Достойным предметом нашей веры и служения может быть только то, что причастно бесконечному совершенству» [7]. Естественно, что подобная аргументация в российском обществе могла вызывать лишь отторжение и недоумение.

Концепция вселенской теократии как идеал гармонического синтеза культур Запада и Востока В. Соловьева стала слишком ранним пророчеством современной глобализации. Современное ему российское общество не поняло и не приняло облеченную в религиозную форму вселенской теократии идею лидерства России в формировании все-

мирной мультикультурной глобальной цивилизации. Призывы В. Соловьева к замене национального патриотизма (в его толковании эгоизма) интернациональным христианским патриотизмом остались без ответа.

Заключение. Русский характер получил неоднозначное отражение в национальном самосознании XIX века, в котором в осмыслении российской культурно-антропологической идентичности противостояли две линии: линия традиционализма (славянофилы) и линия интегрализма (западники).

Линия традиционализма была представлена двумя поколениями славянофилов: ранним (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский) и поздним (Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский). Оба поколения славянофилов искали и акцентировали внимание на самобытную российскую культурно-антропологическую идентичность и обосновывали необходимость ее сохранения, связывая черты русского характера с самобытностью российской цивилизации.

Линия интегрализма наиболее ярко была представлена П. Я. Чаадаевым, а позже В. С. Соловьевым. Если П. Чаадаев подчеркивал негативные черты русского характера с точки зрения западных социокультурных стандартов, то В. Соловьев акцентировал внимание на общечеловеческих чертах русского народа и на его способности национального самоотречения, видя в русском народе потенциал для формирования общечеловеческой идентичности в обществе вселенской теократии. Однако, конструкции русского характера, разработанные в рамках линии интегрализма очевидно противоречили реальным особенностям российского общества и его истории и оказались мало убедительными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аксаков К. С. Записка «О внутреннем состоянии России» // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия. М.: Издательство Московского университета, 2012. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_zapiska.shtml (дата обращения 08.06.2023).
2. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 301 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Изд-во Известия, 2003. 607 с.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. 557 с.
5. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
6. Поломошнов Л. А. Национальный характер как проблема самосознания русской культуры: дис... канд. филос. наук: 24.00.01 / Поломошнов Лев Андреевич. Волгоград, 2021. 192 с.
7. Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Директ-Медиа, 2012. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm> (дата обращения: 10.09.2019) (дата обращения 10.09.2022).
8. Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея / Под ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1992. С. 185–204.
9. Тарасов Б. Отчет о слышанном и прочитанном // Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы / Ф. М. Достоевский. М.: Современник, 1989. С. 5–34.
10. Хомяков А. С. Всемирная задача России / Составление и комментарии М. М. Панфилова / Отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 784 с.
11. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989.
12. Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989.

REFERENCES

1. Aksakov K. S. Zapiska «O vnutrennem sostoyanii Rossii» [Note «On the internal state of Russia»] // Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl'. 1850–1860-e gody: Khrestomatiya. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_zapiska.shtml (data obrashcheniya 08.06.2023).
2. Berdyayev N. A. Russkaya ideya. [Russian idea] SPb.: Azbuka-klassika, 2008. 301 s.
3. Danilevskiy N. Ya. Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romanic one] M.: Izd-vo Izvestiya, 2003. 607 s.
4. Dostoevskiy F. M. Dnevnik pisatelya: Izbrannye stranitsy. [Writer's Diary: Selected Pages] M.: Sovremennik, 1989. 557 s.
5. Losskiy N. O. Istoriya russkoy filosofii. [History of Russian philosophy] M.: Sovetskii pisatel', 1991. 480 s.
6. Polomoshnov L. A. Natsional'nyy kharakter kak problema samosoznaniya russkoy kul'tury: dis... kand. filos. nauk: 24.00.01 [National character as a problem of self-awareness of Russian culture: dis... cand. Philosopher Sciences: 24.00.01] / Polomoshnov Lev Andreevich. Volgograd, 2021. 192 s.
7. Solov'ev V. S. Natsional'nyy vopros v Rossii. [The national question in Russia] M.: Direkt-Media, 2012. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm>

(data obrashcheniya: 10.09.2019) (data obrashcheniya 10.09.2022).

8. Solov'ev V. S. Russkaya ideya [Russian idea] // Russkaya ideya / Pod red. M. A. Maslina. M.: Respublika, 1992. S. 185–204.

9. Tarasov B. Otchet o slyshanom i pročitannom [Report on what you heard and read] // Dostoevskiy F. M. Dnevnik pisatelya: Izbrannye stranitsy / F. M. Dostoevskiy. M.: Sovremennik, 1989. S. 5–34.

10. Khomyakov A. S. Vsemirnaya zadacha Rossii [Russia's global task] /

Sostavlenie i kommentarii M. M. Panfilova / Otv. red. O. A. Platonov. Izd. 2-e M.: Institut russkoy tsivilizatsii, Blagoslovenie, 2011. 784 s.

11. Chaadaev P. Ya. Apologiya sumasshedshego [Apology for a madman] // Chaadaev P. Ya. Stat'i i pis'ma. 2-e izd., dop. M.: Sovremennik, 1989.

12. Chaadaev P. Ya. Filosoficheskie pis'ma [Philosophical letters] // Chaadaev P. Ya. Stat'i i pis'ma. 2-e izd., dop. M.: Sovremennik, 1989.

Информация об авторе

Андрей Федорович Поломошнов, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры иностранного языка и социально-гуманитарных дисциплин Донского государственного аграрного университета, ул. Кривошлыкова, 24, 346493, Южный федеральный округ, Ростовская область, Октябрьский район, п. Персиановский, Российская Федерация, paf1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-9440>, SPIN-код: 9910-7034, AuthorID: 629425

Information about the Authors

Andrey F. Polomoshnov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines of Don State Agrarian University, st. Krivoshlykova, 24, 346493, Southern Federal District, Rostov region, Oktyabrsky district, Persianovsky settlement, Russian Federation, paf1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-9440>, SPIN-код: 9910-7034, AuthorID: 629425

Для цитирования: Поломошнов А. Ф. Русский характер в национальном самосознании XIX века // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 4 (10). С. 7–18. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N4.pdf

УДК 327.5

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА УКРАИНЕ: НОВАЯ ФАЗА ГЛОБАЛЬНОЙ КОНФРОНТАЦИИ РОССИИ И ЗАПАДНОГО МИРА

Константин Анатольевич Лотарев

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Сергей Владимирович Щербинин

МАУ «Новоаннинский редакционно-издательский комплекс»,
г. Новоаннинский, Волгоградская область, Российская Федерация

Аннотация. Введение. После начала специальной военной операции Российской Федерации на Украине 24 февраля 2022 года в значительной степени обострились политические разногласия между нашей страной и так называемым «коллективным Западом», в первую очередь той его частью, которая составляет военный блок НАТО.

Конфронтация с упомянутым блоком не является для РФ чем-то новым, поскольку отмечается в том или ином виде в течение всего срока его существования, однако, в последнее время она неуклонно нарастает, что вызывает известные опасения относительно дальнейшего развития сложившейся ситуации.

Методы. При работе над данной статьей авторами были применены наиболее актуальные подходы к изучению и обобщению информационных материалов, использовались общенаучные методы исследования информации, в том числе сравнительно-сопоставительный и аналитический.

Анализ. Для того, чтобы иметь возможность с максимальной вероятностью прогнозировать возможные сценарии выхода из сложившейся конфронтации, необходимо понимать её истоки, четко видеть имеющиеся у Западного мира в целом и его Североатлантического альянса в частности материальные и политические ресурсы.

Результаты. Представленная статья содержит в себе анализ информационных материалов, полученных из открытых источников, и ставит своей целью исследование генезиса и текущего состояния украинского политического кризиса, вошедшего в фазу стремительной эскалации.

Ключевые слова: Россия, НАТО, Украина, геополитическая конфронтация, специальная военная операция, политический кризис, военное и информационное противостояние.

UDC 327.5

MILITARY CONFLICT IN UKRAINE: A NEW PHASE OF THE GLOBAL CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE WESTERN WORLD

Konstantin A. Lotarev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Sergey V. Shcherbinin

MAI “Novoanninsky Editorial and Publishing Complex”,
Novoanninsky, Volgograd Region, Russian Federation

Abstract. Introduction. After the introduction of the military contingent of the Russian Federation into the Ukraine in February 24, 2022, political disagreements between our country and the so-called “collective West”, primarily the part that makes up the NATO military bloc, intensified.

Confrontation with the mentioned bloc is not something new for the Russian Federation, since it has been noted in one form or another throughout the entire period of its existence, however, recently it has been steadily increasing, which raises well-known concerns regarding the further development of the current situation.

Methods. When working on this article, the authors applied the most relevant approaches to the study and synthesis of information materials, and used numerous general scientific methods for studying information, including comparative and analytical.

Analysis. In order to be able to predict possible scenarios of the ways out, it is necessary to understand the origins of the mentioned confrontation, to clearly see the material and political resources available to the Western world in general and its North Atlantic Alliance in particular.

Results. The presented article contains an analysis of information materials obtained from open sources and aims to study the genesis and current state of the Ukrainian political crisis, which has entered a phase of rapid escalation.

Keywords: Russia, NATO, Ukraine, geopolitical confrontation, special military operation, political crisis, military and information confrontation.

Введение. Затронув в той или иной степени все без исключения составляющие мировой политической системы, украинский кризис коснулся и отношений между Россией и странами НАТО, которые в значительной мере осложнились, вызывая обоснованное беспокойство как российских, так и иностранных экспертов-политологов. Обозначенные отношения всегда объективно оценивались, как непростые, однако, до 2014 года между Россией и «коллективным Западом» никогда еще не было столь явной и безуслов-

ной напряженности, нашедшей свое отношение не только в многочисленных газетных статьях, но и в законодательных актах многих стран.

Последние саммиты стран-участниц Североатлантического договора, прошедшие в Варшаве, Брюсселе, Лондоне и Мадриде, повлекли за собой множественные сложности для России, в числе которых отметим основные: официальное закрепление за Россией ярлыка «страны-агрессора», «страны-ревизиониста»; заморозка практического сотрудни-

чества с ней; увеличение оборонных бюджетов стран НАТО; увеличение штатной численности подразделений оперативного реагирования НАТО до 40 000 человек; размещение дополнительного контингента НАТО в Польше и странах Балтии; усиление присутствия НАТО в акватории Черного моря; формирование новых структурных подразделений в составе сил НАТО, в частности введение в строй 30 новых пехотных батальонов, 30 авиационных эскадрилий и 30 ударных кораблей; регулярное осуждение якобы агрессивных действий России, которое на первый взгляд ничего и не значит, но в долгосрочной перспективе надежно цементирует идеологическое единство стран-членов НАТО, подкрепляя их готовность на самые серьезные ответные меры [12, с. 1033–1034].

Но самым главным достижением всех выше упомянутых саммитов, коих с 2014 года прошло уже восемь, равно как и целого ряда иных официальных встреч высокопоставленных чиновников недружественных России государств, прошедших на многочисленных западных политических площадках, стало единство НАТО в вопросах предоставления Украине военной помощи [8].

Методы. Анализируя текущую геополитическую ситуацию, следует понимать, что, в реалиях сложившегося информационного поля, все вышеупомянутое может выглядеть и не очевидным, формируя в свою очередь вредный, если не сказать большего – опасный, эффект стратегической недооценки военных, экономических и, самое главное, информационных возможностей нынешних противников России.

Только трезвый, непредвзятый, критически осмысленный анализ геополитических предпосылок происходящего дает возможность оценивать текущие события без прикрас и сопутствующих заблуждений, максимально точно прогнозируя их последствия.

Основой научного анализа выступает широкая методологическая база.

Для реализации заявленных авторами целей были использованы методы структурного и сравнительного анализа, а также контент-анализа доступных в сети Интернет материалов, позволяющих получить максимально целостную картину происходящего, ясно видеть те угрозы, которые влечет за собой все более обостряющаяся конфронтация «коллективного Запада» с Россией, поставленной в положение необходимости отстаивать безопасность своих рубежей.

Анализ. Поставки Украине современного оружия и оснащения натовского образца уже давно стали реальностью. Как и интенсификация процессов перевооружения штатных войсковых подразделений действующих членов Североатлантического альянса, осуществляемого в рамках ориентированной на совершенствование наступательного и оборонительного потенциала НАТО программы European Reassurance Initiative («Инициатива по обеспечению европейской безопасности») [1]. Данная программа была разработана и запущена в 2014 году, как реакция НАТО и, в первую очередь, США на политические меры России по отношению к нацистскому режиму на Украине, имея своей основной целью усиление присутствия войск Североатлантического альянса в странах, непосредственно граничащих с РФ.

Бюджет European Reassurance Initiative за прошедшие годы вырос в несколько раз. В 2015 году на указанные цели было выделено 0,985 миллиарда долларов, а в 2018 – уже 4,5 [14].

Следует отметить, что изначально, в первые месяцы специальной военной операции России на Украине, США не спешили поставлять серьезное вооружение киевскому режиму, ограничившись так называемым «нелетальным оборудованием», в число которого

вошли, например, 2 000 бронжилетов, 1 000 касок, 2 000 персональных аптечек и 80 полевых радиостанций [3, с. 184].

Столь незначительные объемы западной помощи можно объяснить отчасти тем, что в России с постоянной периодичностью в средствах массовой информации транслировались материалы о несокрушимой силе военных ресурсов России. В этой связи неудивительно, что лидеры стран-участниц Североатлантического альянса, в том числе и президент США, поначалу (зимой – весной 2014 года) не знали, как вести себя в сложившейся ситуации. Вместе с тем, в ситуации относительной мягкости и избирательности военных мер России, у НАТО прибавлялось уверенности, что можно значительно радикализировать свое участие против России. Нерешительный Б. Обама, пусть и под давлением советников, но все-таки согласился отправить Украине первые образцы летального оружия.

Первые поставки включали в себя переносные противотанковые системы и зенитно-ракетные комплексы, пулемёты, ручные гранатомёты и автоматы, а также некоторую военную технику, в том числе бронетранспортёры и легкие катера [19]. По мере того, как лидеры западных стран все больше впадали в иллюзию о превосходстве НАТО над вооруженными силами РФ, становились все более жесткими и принимаемые ими в отношении России недружественные меры политического и экономического воздействия.

Приемы медийного освещения упомянутых мер год за годом также претерпевали трансформацию, становясь все более и более грубыми и бесцеремонными. Антироссийская, а зачастую и откровенно русофобская, повестка стала трендом для подавляющего большинства западных СМИ, сместивших фокус с внутренней остросоциальной тематики на дискредитацию нашей страны в глазах среднестатистического американского и

европейского обывателя [2, с. 117]. Что немаловажно, в последнее время (с президентских выборов 2018 года, когда градус русофобии американских СМИ достиг невиданных ранее показателей) данная особенность стала присутствовать как либеральным, так и консервативным средствам массовой информации, повестка которых в вопросах политического и экономического воздействия на Россию на сегодняшний день практически не различается.

Прямым следствием этого стал резкий рост среди населения стран-членов НАТО негативных оценок действий России на Украине, явившийся дополнительным основанием для ужесточения политики этих стран в отношении любых инициатив российских властей, пусть даже они носят и откровенно мирный характер. Очевидно, что на сегодняшний день Североатлантический альянс един, как никогда прежде, имея тотальную поддержку населения. Наиболее явно это прослеживается в настроениях американских граждан. Так, например, социологический опрос, регулярно проводимый Фондом Рональда Рейгана в течение многих лет, в 2022 году показал, что 82 % американцев считают Россию агрессором и главной угрозой для США (в 2021 году, к сведению, главной угрозой американцы считали Китай) [11].

Впрочем, рассматриваемая тенденция, и это необходимо подчеркнуть особо, есть следствие не столько собственно действий России на Украине, сколько предвзятого освещения этих действий западными СМИ, старательно и целенаправленно навешивающими на Россию выгодные «коллективному Западу» ярлыки. Возможным подобное стало благодаря многолетнему поступательному развитию западных информационных технологий, которые за последние два десятка лет достигли чрезвычайно высокого уровня манипулятивной эффективности, что стало

следствием колоссального технического роста телекоммуникационной инфраструктуры США и Евросоюза, а значит и значительного целевого охвата современных СМИ.

Фундаментом тому послужил целый ряд оборонно-политических доктрин национального уровня, принятых США еще в 90-х годах прошлого столетия. Многие тезисы из них перекочевали в аналогичные правовые акты прочих стран-членов Североатлантического договора, легли в основу дальнейшей глубокой модернизации и унификации их телекоммуникационных и информационных систем (как военных, так и гражданских). Основополагающее влияние на указанные процессы возымели перечисленные ниже доктрины: «Объединенная доктрина об информационных операциях» от 1996 года (Joint Doctrine for Information Operations 1996) [15]; «Объединенная доктрина об информационных операциях» от 1998 года (Joint Doctrine for Information Operations 1998) [16]; «Стратегия национальной безопасности нового тысячелетия» от 1997 года (A National Security Strategy for A New Century 1997) [13]; «Единая перспектива 2010» от 1996 года (Joint Vision 2010) [17]; «Единая перспектива 2020» от 2000 года» (Joint Vision 2020) [18].

Эти программные документы впервые поставили господство в информационном поле на один уровень с доминированием в воздушном, морском, наземном и космическом пространствах, которые изначально рассматривались американским генералитетом как главные составляющие устойчивого превосходства США над своими потенциальными противниками. Они же, что немало важно, впервые в истории США, признают правомерность применения средств и методов манипулятивного информационного воздействия на широкие массы не только в военное время, но и в мирное.

Апробация наработанной теоретической базы в реальных условиях была произведена США в течение последующих лет на таких их противниках, как Ирак, Афганистан, Сирия, Ливия, Иран и Северная Корея, продемонстрировав высокую результативность, позволяющую добиваться поставленных целей без необходимости расходовать дорогостоящее материально-техническое обеспечение и бесценные в призма западных ценностей человеческие ресурсы.

Теперь же пришел черед России, на которую западная пропаганда старательно примеряет образ врага, причем врага не только США и их ближайших союзников, но и всего цивилизованного мира [9, с. 63]. Под эгидой борьбы с глобальным злом ведется заметная консолидация западных государств, некоторые из которых, как, например, Германия, без видимого восторга, но все же принимают установленные США правила игры, наращивая поставки оружия и оснащения киевскому режиму.

Кроме того, НАТО беззастенчиво проводит курс на милитаризацию Европы, наращивая свое присутствие в граничащих с территорией РФ странах, а именно: размещая на постоянной основе воинские формирования в регионах, где их прежде никогда не было; реконструируя и формируя «с нуля» военную инфраструктуру, явно ориентированную на ведение боевых действий с противником, пришедшим с территории России; реорганизует логистические системы своих членов и партнеров таким образом, чтобы максимально упростить и ускорить переброску военной техники к границам РФ; проводя крупномасштабные учения, нацеленные на отработку приемов ведения войны против противника, оснащенного по российским стандартам [7, с. 54].

Опасность подобных политических действий заключается прежде всего в том, что

современный Западный мир, а значит и Североатлантический альянс, будучи его неотъемлемой военной составляющей, демонстрируют сегодня весьма высокий уровень сплоченности, проявляющийся как в практически единогласном принятии неудобных для России политических решений, так и в наращивании военного строительства (как совокупности организационного, технического и кадрового развития сил НАТО), которое еще 10–15 лет назад показывало явный спад. При этом не стоит принимать главенство демократических институтов, на которых выстроены социально-политические отношения в Западном мире, и обусловленные ими бесконечные разногласия как внутри самого Евросоюза, так и внутри НАТО, за признаки разобщенности и тем более слабости, думать так – представляется не обоснованным. «Коллективный Запад» в своей решимости противостоять России, готов идти не только на экономические жертвы, но и на вполне явные риски втягивания в прямой военный конфликт.

России в данный момент кооперироваться системно с кем-либо трудно. Китай, который декларируется как стратегический партнер, ограничивается лишь выборочной поддержкой некоторых российских инициатив на заседаниях Совета Безопасности ООН, не принимая при этом сколь-нибудь существенных действий, чтобы поддержать Россию в тех случаях, когда это может повредить торговым отношениям с Западом [6, с. 7–8].

Более того, за последние годы Китай сделал ряд сомнительных шагов, которые трудно назвать дружественными по отношению к России, в частности: не признал независимость Абхазии и Южной Осетии; не признал Крым российским субъектом; не согласился реформировать ШОС в военно-политический блок по типу НАТО; не помог обойти запрет на импорт в Россию изделий двойного назначения (в первую очередь, электроники),

отказавшись не только организовать их закупку через подставные компании на своей территории, но и продавать собственные аналогичные разработки. Иными словами, Китай использует Россию как инструмент воздействия на Запад, использует ровно в той мере, в какой это выгодно самому Китаю и не более того. Аналогичную позицию занимает и Белоруссия, еще один «стратегический» партнер, который вот уже не один десяток лет декларирует свою готовность в самом скорейшем времени объединиться с Россией в некое «союзное государство», однако, когда последней вдруг начинает требоваться военная помощь, предпочитает оставаться в стороне, не найдя возможностей, чтобы подпитать своего союзника не только личным составом, но даже и техникой [5].

Подобное поведение, в общем и целом, понятно, поскольку о начале новой «холодной войны» между Россией и Западом сегодня говорят часто. Ошибиться с выбором стороны сейчас – значит обречь свою страну на серьезные экономические, а следовательно, и социальные, проблемы в будущем.

Что касается Белоруссии, то, учитывая ее не вполне стабильное внутривнутриполитическое положение, вывод с территории этого государства даже незначительной части вооруженных сил может привести к трудно прогнозируемым последствиям. Между тем, если сравнивать СВО, которая является сегодня общепризнанным медиатрендом, с «холодной войной», которая не столь на слуху, можно прийти к справедливому выводу, что вторая представляет угрозу куда большую, поскольку отличается куда большей продолжительностью и масштабностью.

Российские эксперты выделяют 9 основных признаков «холодной войны»: существование двух «центров силы» – крупных политических и военных союзов (либо от-

дельных государств, обладающих достаточным потенциалом), имеющих значительные идеологические различия; наличие глобальных противоречий между этими центрами (государствами); утверждение ими стратегических целей, достижение которых принесет неизбежный вред другому «центру силы»; готовность достигать поставленные цели военным путем; регулярное проведение масштабных войсковых учений с целью запугать потенциального противника; поддержка невыгодных для противника военных конфликтов в третьих странах (ведение так называемых «прокси-войн»); использование мер экономического воздействия (как в открытую, так и опосредовано, через страны-сателлиты); гонка вооружений; полный разрыв военного взаимодействия между «центрами силы», заметное снижение уровня дипломатического сотрудничества [10].

Заключение. Оценив сложившуюся геополитическую обстановку, можно сделать вывод о том, что «холодная война» действительно уже началась и развивается в своих направлениях. Внутриукраинский политический кризис с его нынешними последствиями есть не более чем локальная «прокси-война», цель которой – ослабить Россию перед последующим прямым столкновением с силами НАТО.

Принимая к сведению тот факт, что США в последние годы активно прорабатывают различные сценарии локальной ядерной войны против РФ, проводят учения ракетонесущих подводных лодок, отрабатывающих возможные удары по командным пунктам, пусковым установкам и объектам противовоздушной и противокосмической обороны

на территории нашей страны, можно со всей уверенностью говорить о том, что вероятность прямого военного конфликта между двумя «центрами силы» сегодня высока как никогда прежде [4, с. 58]. Эскалация текущей «прокси-войны» может быть лавинообразной и произойти в любой момент, притом, что инфраструктура НАТО уже переведена в активное состояние.

Резюмируя все вышеизложенное, должно признать, что геополитическая обстановка, сложившаяся в мире, является довольно опасной и неблагоприятной для РФ, ставя последнюю перед глобальной угрозой самому ее существованию в качестве суверенного государства и требуя консолидации всех имеющихся сил и средств. В силу своей масштабности и обладания чрезвычайно разнообразными и богатыми государственными и социальными активами, Россия, несомненно, преодолет обострившиеся реалии современного мира. Россия не находится в политической и экономической изоляции. Следовательно, санкции США и коллективного запада ожидаемого эффекта не достигли и не достигнут. На уровне всех уровней власти России и общественной рефлексии происходящих процессов необходимо извлечь уроки. Неизбежно приходится забывать об объективных потребностях государственного и социального бытия: консолидация общества, сильная экономика и внушительные вооруженные силы, восстановление в общественном сознании былого знания отечественной истории и уважения к ней (при всех противоречиях и антагонизмах XX века).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «Атлантическая решимость» и «Европейская инициатива сдерживания» США: основные итоги. URL: <https://eurasia.expert/evropeyskaya-initsiativa-sderzhvaniya-ssha-itogi/> (дата обращения 27.12.2022).

2. Борисова А. Р. Формирование образа врага на новом этапе конфронтации России и США: инструменты информационной войны // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Том 4. № 2. С. 115–128.
3. Елизаров М. В. К вопросу об углублении кризиса в российско-американских отношениях на нынешнем этапе развития // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 4 (46). С. 182–189.
4. Крылова И. А. Военная безопасность России: актуальные проблемы // ЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ. УМЕНИЕ. 2018. № 1. С. 51–63.
5. Лукашенко объяснил, почему Белоруссия не участвует в операции на Украине. URL: <https://ria.ru/20220315/ukraina-1778267092.html> (дата обращения 29.12.2022).
6. Пархалина Т. Г. Россия – Запад: перманентная конфронтация или выход из кризиса? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2019. № 53 (69). С. 2–8.
7. Россия и НАТО: что возобладает – диалог или конфронтация? // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ–OBSERVER. 2020. № 1. С. 53–65.
8. Саммит НАТО в Мадриде: итоги. URL: <https://www.katehon.com/ru/article/sammit-nato-v-madrیده-itogi> (дата обращения 27.12.2022).
9. Семененко И. Социокультурные механизмы формирования и восприятия образа России. Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация // Безопасность Евразии. 2009. № 1 (35). С. 61–77.
10. Сивков К. В. Во главе антизападной коалиции. Идет война холодная, гибридная война. URL: <https://topwar.ru/71101-vo-glave-antizapadnoy-koalicii.html> (дата обращения 27.12.2022).
11. Число американцев, считающих Россию врагом, превысило 80 %. URL: <https://www.moscowtimes.io/2022/12/02/chislo-amerikantsev-schitayuschih-rossiyu-vragom-previsilo-80-a27341> (дата обращения 29.12.2022).
12. Шабловский В. С. Отношения России и НАТО в контексте кризиса на Украине // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 2. С. 1032–1041.
13. A National Security Strategy for A New Century. (1997). URL: <https://clintonwhitehouse2.archives.gov/WH/EOP/NSC/Strategy/> (дата обращения 29.12.2022).
14. European Reassurance Initiative. Department of Defense Budget Fiscal Year. URL: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2018/fy2018_ERI_Book.pdf (дата обращения 27.12.2022).
15. Joint Doctrine for Information Operations. Joint Pub 3-13. (1996). URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_13.pdf (дата обращения 29.12.2022).
16. Joint Doctrine for Information Operations. Joint Pub 3-13. (1998). URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (дата обращения 29.12.2022).
17. Joint Vision 2010. (1996). URL: http://webapp1.dlib.indiana.edu/virtual_disk_library/index.cgi/4240529/FID378/pdfdocs/2010/Jv2010.pdf (дата обращения 29.12.2022).
18. Joint Vision 2020. America’s Military: Preparing for Tomorrow. (2000). URL: <http://pentagonus.ru/doc/JV2020.pdf> (дата обращения 29.12.2022).
19. Russian Aggression Prevention Act of 2014. Text // The Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2277> (дата обращения 28.12.2022).

REFERENCES

1. «Atlanticheskaya reshimost'» i «Evropeyskaya initsiativa sderzhivaniya» SShA: osnovnye itogi. URL: <https://eurasia.expert/evropeyskaya-initsiativa-sderzhivaniya-ssha-itogi/> (data obrashcheniya 27.12.2022).
2. Borisova A. R. Formirovanie obraza vruga na novom etape konfrontatsii Rossii i SShA: instrumenty informatsionnoy voyny // *Kommunikatsii. Media. Dizayn*. 2019. Tom 4. № 2. S. 115–128.
3. Elizarov M. V. K voprosu ob uglublenii krizisa v rossiysko-amerikanskikh otnosheniyakh na nyneshnem etape razvitiya // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2016. № 4 (46). S. 182–189.
4. Krylova I. A. Voennaya bezopasnost' Rossii: aktual'nye problemy // *ZNANIE. PONIMANIE. UMENIE*. 2018. № 1. S. 51–63.
5. Lukashenko ob»yasnil, pochemu Belorussiya ne uchastvuet v operatsii na Ukraine. URL: <https://ria.ru/20220315/ukraina-1778267092.html> (data obrashcheniya 29.12.2022)
6. Parkhalina T. G. Rossiya – Zapad: permanentnaya konfrontatsiya ili vykhod iz krizisa? // *Evropeyskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*. 2019. № 53 (69). S. 2–8.
7. Rossiya i NATO: chto vozobladaet – dialog ili konfrontatsiya? // *OBOZREVATEL"–OBSERVER*. 2020. № 1. S. 53–65.
8. Sammit NATO v Madride: itogi. URL: <https://www.katehon.com/ru/article/sammit-nato-v-madride-itogi> (data obrashcheniya 27.12.2022)
9. Semenenko I. Sotsiokul'turnye mekhanizmy formirovaniya i vospriyatiya obraza Rossii. *Obraz Rossii v mire: stanovlenie, vospriyatie, transformatsiya // Bezopasnost' Evrazii*. 2009. № 1 (35). S. 61–77.
10. Sivkov K. V. Vo glave antizapadnoy koalitsii. Idet vojna kholodnaya, gibridnaya vojna. URL: <https://topwar.ru/71101-vo-glave-antizapadnoy-koalitsii.html> (data obrashcheniya 27.12.2022)
11. Chislo amerikantsev, schitayushchikh Rossiyu vragom, prevysilo 80 %. URL: <https://www.moscowtimes.io/2022/12/02/chislo-amerikantsev-schitayuschih-rossiyu-vragom-previsilo-80-a27341> (data obrashcheniya 29.12.2022).
12. Shablovskiy V. S. Otnosheniya Rossii i NATO v kontekste krizisa na Ukraine // *Postsovetskie issledovaniya*. 2019. T. 2. № 2. S. 1032–1041.
13. A National Security Strategy for A New Century. (1997). URL: <https://clintonwhitehouse2.archives.gov/WH/EOP/NSC/Strategy/> (data obrashcheniya 29.12.2022).
14. European Reassurance Initiative. Department of Defense Budget Fiscal Year. URL: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2018/fy2018_ERI_J-Book.pdf (data obrashcheniya 27.12.2022).
15. Joint Doctrine for Information Operations. Joint Pub 3-13. (1996). URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_13.pdf (data obrashcheniya 29.12.2022)
16. Joint Doctrine for Information Operations. Joint Pub 3-13. (1998). URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (data obrashcheniya 29.12.2022).
17. Joint Vision 2010. (1996). URL: http://webapp1.dlib.indiana.edu/virtual_disk_library/index.cgi/4240529/FID378/pdfdocs/2010/Jv2010.pdf (data obrashcheniya 29.12.2022).
18. Joint Vision 2020. America's Military: Preparing for Tomorrow. (2000). URL: <http://pentagonus.ru/doc/JV2020.pdf> (data obrashcheniya 29.12.2022).
19. Russian Aggression Prevention Act of 2014. Text // *The Library of Congress*. URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2277> (data obrashcheniya 28.12.2022).

Информация об авторах

Константин Анатольевич Лотарев, кандидат политических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, пр-т. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, lotarev@volsu.ru, SPIN-код: 4199-1878

Сергей Владимирович Щербинин, магистр политологии, главный редактор, МАУ «Новоаннинский редакционно-издательский комплекс», пер. Казачки Анны, 5А, 403958, г. Новоаннинский, Волгоградская обл., Российская Федерация, svr150579@yandex.ru

Information about Authors

Konstantin A. Lotarev, candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History and International Relations. Volgograd State University, pr. Universitetskiy, 100, 400062, Volgograd, Russian Federation, lotarev@volsu.ru, SPIN-код: 4199-1878

Sergey V. Shcherbinin, Master of Political Science, Editor-in-Chief, MAU «Novoanninsky Editorial and Publishing Complex», 403958, Novoanninsky, Volgograd region, Russian Federation, svr150579@yandex.ru

Для цитирования: Лотарев К. А., Щербинин С. В. Военный конфликт на Украине: новая фаза глобальной конфронтации России и Западного мира // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 4 (10). С. 19–28. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N4.pdf

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

УДК 316.346.32-053.6

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Марина Юрьевна Болдина

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена определению роли государственной молодежной политики, в том числе на региональном уровне, в решении молодежных проблем. Описана ситуация аномии российского общества, в которой молодежь сталкивается с проблемами выбора ориентиров деятельности и смысла жизни. Государственная молодежная политика призвана способствовать разрешению противоречий в устремлениях и объективных возможностях их реализации среди молодежи. Однако реализация базовых целей молодежной политики возможна, лишь в случае учета не только целей государства в отношении молодежи, но целей и проблем их достижения, значимых для самих молодых людей.

Материалы и методы исследования. Анализ нормативной базы и практики реализации молодежной политики в Волгоградской области позволил выявить ее достижения и слабые стороны. Проведение социологического исследования молодежи Волгоградской области методом онлайн-опроса дало возможность для проведения сопоставительного анализа актуальных молодежных проблем и проблем, на решение которых нацелена государственная молодежная политика. При анализе результатов использовались методы интерпретативного анализа текстов и графического представления результатов.

Основная часть. Описаны теоретические основы разработки государственной молодежной политики. Проведен анализ нормативно-правовой базы молодежной политики на федеральном и региональном уровне. Определены цели и задачи государственной молодежной политики. На парадигмальном уровне определены принципы данной управленческой практики.

Представлен анализ результатов анкетирования молодежи по вопросам актуальных для них проблем. Выявлено содержание проблем трудоустройства, профессионального роста, сохранения здоровья и развития нравственности молодых людей.

Описано содержание программы молодежной политики на территории Волгоградской области. Выявлено соотношение молодежных проблем и проблем, признанных актуальными в рамках государственной программы.

Выводы. Сопоставление направленности мероприятий государственной молодежной политики Волгоградской области с выявленными эмпирическим путем молодежными проблемами позволило выявить области улучшения молодежной политики. Разработаны рекомендации по оптимизации молодежной политики с учетом социального запроса молодежи.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, молодежные проблемы, нормативная база, социологическое исследование, трудоустройство, патриотическое воспитание, рекомендации.

UDC 316.346.32-053.6

SOCIAL PROBLEMS OF YOUTH AND WAYS OF SOLVING THEM WITHIN THE FRAMEWORK OF STATE YOUTH POLICY IN THE VOLGOGRAD REGION

Marina Yu. Boldina

Volograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to determining the role of state youth policy in solving youth problems. In a situation of anomie in Russian society, young people are faced with the problems of choosing guidelines for their activities and the meaning of life. State youth policy is aimed at resolving contradictions between demands and opportunities. However, it is necessary to take into account not only the goals of the state, but also the goals and problems of young people themselves.

Materials and methods of research. The regulatory framework and practice of implementing youth policy in the Volgograd region are analyzed. The strengths and weaknesses of youth policy have been identified. A sociological study of youth in the Volgograd region was conducted using an online survey. A comparison of youth problems and problems declared in the state youth policy was carried out. When analyzing the results, methods of text analysis and graphical presentation of results were used.

Main part. The theoretical foundations for the development of state youth policy are described. An analysis of the regulatory framework for youth policy at the federal and regional levels was carried out. The goals and objectives of the state youth policy are defined. At the paradigmatic level, the principles of this management practice are defined.

An analysis of the results of a survey of young people on issues relevant to them is presented. The content of the problems of employment, professional growth, health preservation and moral development of young people has been identified.

The content of the youth policy program in the Volgograd region is described. The correlation between youth problems and problems recognized as relevant within the framework of the state program has been revealed.

Conclusions. Areas for improving youth policy have been identified. Recommendations have been developed to optimize youth policy taking into account the social needs of young people.

Keywords: state youth policy, youth problems, regulatory framework, sociological research, employment, patriotic education, recommendations.

Введение. Значение государственной молодежной политики в современных условиях сложно переоценить. Молодежь – это будущее нашей страны, и от того, насколько пристально уделяется внимание вопросам формирования человека в обществе, зависит как экономическое процветание государства в будущем, так и его социальное развитие.

Многочисленные исследования показывают, что только в высокоорганизованном обществе с устойчивыми моральными нормами возможно процветание. Пропаганда нездорового образа жизни, поддержание негативных стереотипов поведения приводит к постепенному упадку самых, казалось бы, развитых и процветающих государств. Эти постулаты давно подтверждены историей. Так, непростой период в социальной и экономической сфере Российского государства в 90-х годах прошлого столетия породил ряд негативных последствий. Произошла не только смена власти и курса на новые экономические основы, произошел полный переворот сознания общества в результате отказа от однопартийной системы и коммунистической идеологии. Как итог, были потеряны отдельные нравственные ориентиры, разрушены привычные для того времени комсомольская и пионерская организация. В результате возник некий вакуум, который надо было срочно заполнить. Это время нельзя назвать потерянным, это был определенный опыт развития страны, тем не менее, с приходом, казалось бы, более эффективной экономической модели в нашу жизнь пришли и чужие нравственные ценности. В последние годы ситуация стала меняться в лучшую сторону и все

благодаря тому, что Правительство РФ обратило внимание на такой инструмент государственной власти как государственная молодежная политика. Именно с подачи государства осуществляется регулирование молодежных объединений, их поддержка или, напротив, запреты определенных направлений деятельности.

Роль государства в становлении молодежи как части общества очень велика. Это не только формирование правовых основ функционирования молодежных объединений, это и запрет пропаганды насилия, запрет на рекламу алкоголя и сигарет, развитие и поддержка социальной рекламы и пропаганда здорового образа жизни на самом высоком уровне. Помимо этого, государство имеет достаточное количество рычагов влияния на состояние рынка трудовых ресурсов, а также на формирование общественных организаций и объединений, влияющих на становление молодежи как части гражданского общества. Тем не менее, несмотря на значительные изменения в сфере регулирования вопросов государственной молодежной политики, пока еще остаются недоработки, которые требуют пристального внимания. Как результат, вопрос формирования и развития государственной молодежной политики по-прежнему крайне актуальный.

Отдельно следует упомянуть про региональный аспект формирования и реализации государственной молодежной политики. Российская Федерация характеризуется неравномерным развитием территорий, этот момент необходимо учитывать при реализации государственной молодежной политики. Причем

различия заключаются не только в финансовых возможностях, но сюда можно также включить социальный, исторический и религиозный аспект.

Материалы и методы исследования.

В процессе решения поставленных в статье задач использовались анализ научной литературы и нормативно-правовых источников, анализ статистических данных, систематизация и обобщение полученной информации. В феврале 2023 года проведено социологическое исследование методом онлайн-опроса с использованием анкеты в Google Формах. Аудитория опроса – молодежь Волгоградской области в возрасте 14–35 лет. Опрошено 300 человек. Выборка стихийная.

Информационной базой исследования выступали нормативно-правовые акты Правительства Российской Федерации и региональных органов власти в области реализации молодежной политики.

Основная часть.

Нормативные основы и принципы молодежной политики в Российской Федерации. Молодежная политика – это особое направление государственного регулирования. Государственная молодежная политика представляет собой систему мер нормативно-правового, кадрового, финансово-экономического и организационного характера, направленных на раскрытие творческого потенциала молодежи, на ее становление как прогрессивной движущей силы, способствующей достижению стратегических целей и задач государства. Достижимость целей и задач государственной молодежной политики возможна в тесном взаимодействии с институтами гражданского общества (общественными организациями, гражданами) [3, с. 263].

В. Д. Хренников выделяет следующие ключевые принципы реализации государственной молодежной политики как парадигмы управления:

- обеспечение защиты законных интересов и прав молодежи;
- научная обоснованность проведения государственной молодежной политики;
- комплексный и системный подход к проведению государственной молодежной политики;
- обеспечение гласности в процессе реализации государственной молодежной политики;
- обеспечение сочетания общественных и государственных интересов, а также прав и свобод отдельной личности в процессе реализации государственной молодежной политики;
- активное привлечение молодежи к участию в формировании и реализации государственной молодежной политики;
- обеспечение социально-экономических и правовых гарантий, носящих компенсационный характер, в связи с наличием ограничений, обусловленных социальным статусом молодежи;
- обеспечение приоритета конкурсных механизмов при реализации программ в сфере государственной молодежной политики [6, с. 383].

Распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р были утверждены «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.» [5]. Важным элементом данного нормативно-правового документа выступает такой момент как установление целей и задач государственной молодежной политики.

Цели государственной молодежной политики:

1. Установление и развитие правовых основ формирования государственной молодежной политики;
2. Разработка направлений по повышению роли молодежи в жизни общества;

3. Установление и развитие социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи;

4. Разработка мероприятий, способствующих раскрытию потенциала молодежи и ее интеграции в обществе.

Задачи государственной молодежной политики:

- формирование системы ценностей, которые бы учитывали многонациональность российского государства и способствовали воспитанию молодежи, осознающей свои конституционные права и обязанности;

- разработка мероприятий по развитию просветительской работы с молодежью, что может заключаться в применении соответствующих образовательных и воспитательных технологий;

- формирование условий для физического развития молодежи, а также формирование ценностей здорового образа жизни;

- формирование условий для реализации потенциала молодежи в социальной и экономической сфере, внедрение инновационных технологий, так называемого «социального лифта»;

- создание благоприятных условий для проживания молодых семей, с целью улучшения демографических показателей;

- формирование информационного поля, способствующего патриотическому воспитанию молодежи и развитию процесса взаимодействия с общественными объединениями.

Немаловажным моментом выступает тот факт, что под каждой определенной задачей расписаны те направления и мероприятия, с помощью которых Правительство Российской Федерации планирует достигать поставленные ориентиры.

В качестве субъектов государственной молодежной политики можно выделить: государственные органы власти (федеральный уровень); региональные и местные (муниципальные) органы власти; другие государственные организации и учреждения, имеющие непосредственное отношение к работе с молодежью; общественные организации, молодежные и детские общественные объединения.

Молодежь (молодые семьи, молодые специалисты и др.) представляет собой объект приложения государственной молодежной политики [1, с. 66].

В конце 2020 года президентом РФ В. В. Путиным был подписан закон «О молодежной политике в Российской Федерации». Здесь уточняется возраст молодежи, в частности определяется, что «молодежь, молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации» [4].

Принятия решения о поднятии верхней границы возраста молодежи с 30 до 35 лет на государственном уровне имеет исключительное значение для многих молодых семей. Это связано с тем фактом, что для категории граждан от 30 до 35 лет становятся доступны льготы и преференции, предусмотренные государственными программами.

Закон также уточняет содержание понятия государственная молодежная политика. В соответствии с данным правовым актом, молодежная политика определяется как комплекс мер (финансового, управленческого, информационного и др. характера), которые реализуются в процессе взаимодействия всех субъектов гражданского общества. Данные меры направлены на создание специальных условий для молодежи, с целью ее реализации в различных сферах жизнедеятель-

ности. В правовом акте предусмотрено создание специальной государственной информационной системы, а также проведение мониторинга в данной сфере. В числе задач - обеспечение межнационального и межконфессионального согласия в молодежной среде, предотвращение формирования экстремистских молодежных объединений и иных проявлений идеологии экстремизма, национализма [4].

Молодежные проблемы и их характеристика. Очевидным фактом является необходимость ориентации молодежной политики на решение конкретных молодежных проблем. Исследование трудов отечественных специалистов, а также проведенное анкетирование среди молодежи, позволило систематизировать проблемные области жизнедеятельности молодых людей:

- демографическая проблема – сокращение численности молодых людей;
- проблема самоопределения и невозможности применения собственных талантов;
- проблема трудоустройства после окончания учебного заведения;
- проблема алкоголизма и табакокурения, наркомания и преступность;
- отсутствие социальных ориентиров, патриотического настроения;
- подмена ценностей, навязанные западные ценности, отсутствие связи поколений;
- уровень здоровья молодых людей;
- уровень образования и престиж образования [7, с. 112].

Проанализируем содержание представленных выше социальных проблем молодежи. Во-первых, одной из самых острых проблем выступает демографическая проблема. Данная проблема в большей степени носит общегосударственный характер, од-

нако ее истоки следует искать именно в государственном регулировании вопросов поддержки молодежи. Население Российской Федерации долгое время сокращалось и достаточно высокими темпами, прирост наблюдался лишь за счет иммиграционных процессов, когда на родину возвращались граждане бывших советских республик. Стабильные докризисные годы позволили исправить ситуацию, чему также способствовали важные государственные решения в социальной сфере (например, принятие закона о так называемом «материнском капитале»). В результате «русский крест» (превышение количества умерших над количеством рожденных) в демографии был преодолен. Но новый виток кризисных явлений, начавшийся в 2014 году, вернул проблему в прежнее русло.

Для иллюстрации проблем воспользуемся также данными проведенного анкетирования. Анкетирование проводилось среди молодежи Волгоградской области в феврале 2023 года методом онлайн-опроса, число респондентов составило 300 чел. Целью исследования было установить проблемы, наиболее значимые для молодежи на современном этапе развития социально-экономической сферы, а также информированность и вовлеченность волгоградской молодежи в мероприятия, реализуемые в рамках молодежной политики.

Кратко остановимся на «портрете» респондентов. Из 300 чел. – 52 % составляют женщины и 48 % мужчины; 19 % – в возрасте от 14 до 20 лет, 29 % – в возрасте от 21 до 25 лет, 31 % – в возрасте от 26 до 30 лет, 21 % – в возрасте от 31 до 35 лет. Большая часть опрошенных имеет доход до 25 тыс. руб. – 33,5 %. 22,5 % пока не имеют дохода, так как относятся к категории школьников или студентов. 23,5 % – относятся к группе, доход которых составляет от 25 до 35 тыс. руб. и только 3 % имеют доход свыше 35 тыс. руб.

Образовательный уровень респондентов представлен следующим распределением: неполное среднее – 16 %, среднее – 12 %, среднее специальное – 28 %, неоконченное высшее – 17 %, высшее – 27 %.

Одной из проблем молодежи выступает отсутствие реальных рабочих мест в экономике Российской Федерации. Нестабильность современной экономики России порождает ряд социальных проблем, связанных с трудоустройством молодежи. Оторванность современной экономики от образовательных учреждений приводит к тому, что при остром дефиците одних специальностей на рынке труда, наблюдается избыток специалистов в таких сферах как финансы и экономика. Диспропорции в фактической потребности в рабочей силе и имеющихся трудовых ресурсах приводит к тому, что,

даже получив высшее образование, молодые люди работают не по специальности и на низкооплачиваемых должностях. Помимо этого, в силу ряда причин, связанных с отсутствием реального практического опыта, уровень оплаты труда молодых специалистов значительно ниже уровня заработной платы старших работников. Как результат, у молодежи наблюдается недостаток финансовых средств для обеспечения достойного уровня жизни.

Для иллюстрации выявленной социальной проблемы воспользуемся данными проведенного исследования. В частности, респондентам были задан следующий вопрос: в чем, на Ваш взгляд, заключаются основные трудности молодежи при трудоустройстве? Результаты распределения ответов представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «В чем, на Ваш взгляд, заключаются основные трудности молодежи при трудоустройстве?», %

Примечание – составлено автором.

Как видно, по мнению 35 % основанная проблема заключается в том, что все работодатели требуют опыт работы. 17 % респондентов отмечают сложности устроиться по своей специальности, 19 % считают, что для решения их проблемы нужны связи или знакомства. 27 % респондентов склонны считать, что основная

проблема заключается в отсутствии продуманной государственной политики в области трудоустройства молодежи.

Еще один вопрос касался степени участия государства в процессе трудоустройства, его результаты иллюстрируются рисунком 2.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какое участие государство должно принимать в трудоустройстве выпускников учебных заведений?»

Примечание – составлено автором.

Более половины всех опрошенных (51 %) считают, что государство должно оказывать поддержку в поиске работы по желанию выпускника. Частично такая работа ведется центрами занятости населения. По мнению 11 % респондентов, государство должно гарантировать первое рабочее место и только 32 % опрошенных считают, что государство не должно вмешиваться в процессе трудоустройства молодых специалистов.

Одной из значительных проблем выступает отсутствие социальных ориентиров у молодежи. Во многом социальные ориентиры формируют семья, учебные заведения и средства массовой информации, в которые в последнее время входит сеть интернет, включая и социальные сети. Одним из недостатков существующей социальной сферы выступает отсутствие каких-либо социальных ориентиров для молодежи. В прошлом остался «комсомол» и «пионерия», однако взамен ничего подобного не пришло. Не всегда позитивное влияние на современную молодежь оказывают современные средства массовой информации. Не случайно СМИ называют «четвертой властью», учитывая современную популярность сети Интернет и различных социальных сетей, можно констатировать, что

влияние средств массовой информации на современную молодежь только усилилось.

Для оценки наличия социальных ориентиров один из вопросов звучал следующим образом: «Считаете ли Вы себя патриотом России?». Больше половины опрошенных (56 % в совокупности) не считают себя патриотами, среди них 39% ответили: «Скорее нет, чем да», 17 % – «Нет». Только 26 % безоговорочно ответили, что считают себя патриотами; 18 % – «Скорее да, чем нет».

Социальная и творческая активность, по результатам исследования, также оценивается невысоко: только 22,5 % опрошенных выразили желание участвовать в творческих, социальных или научных проектах, 64 % такого желания не высказали, остальные затруднились ответить.

Определенные положительные тенденции можно отметить в пропаганде здорового образа жизни, Правительство РФ несколько скорректировало сложившуюся ситуацию, однако проблема наличия вредных привычек у молодежи по-прежнему остается нерешенной. В рамках анкетирования часть вопросов касалась наличия вредных привычек и связанных, в связи с этим проблем, ответы респондентов распределились следующим образом (рисунок 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие проблемы Вы считаете актуальными для современной молодежи?»

Примечание – составлено автором.

В тоже время молодежь, по большей части, не считает, что государственная молодежная политика способна оказать влияние на уровень потребления алкоголя, наркотиков и табакокурения, отрицательная оценка дана 56,5 % опрошенных.

Роль региональной молодежной политики в решении молодежных проблем. В 2016 году Постановлением Администрации Волгоградской области была утверждена программа «Региональная молодежная политика Волгоградской области» [2]. В качестве ответственного исполнителя программы был установлен Комитет образования, науки и молодежной политики Волгоградской области. Структура программы включает подпрограммы «Вовлечение молодежи Волгоградской области в социальную практику» и «Гражданско-патриотическое воспитание граждан Волгоградской области». Таким образом, программа охватывает только два направления государственной молодежной политики – это социальная сфера и патриотическое воспитание граждан. Другие направления остаются без внимания региональных органов власти. Необходимо отметить, что

если первоначально программа охватывала период 2017–2020 гг., то потом в документы были внесены изменения, в результате которых период реализации программы был продлен до 2030 года.

Цель региональной программы практически полностью дублирует цель, установленную в новом федеральной законе, и заключается в создании особых условий для развития молодежи в процессе самореализации и социализации. Особый акцент делается на патриотическое воспитание молодежи.

В целом цели и задачи региональной программы совпадают с целями и задачами, декларируемыми в рамках проводимой государственной молодежной политики. Выделены два целевых показателя в рамках реализуемой программы, это:

- удельный вес молодежи, охваченной проводимыми на территории Волгоградской области мероприятиями по формированию здорового образа жизни;
- удельный вес молодежи, охваченной проводимыми на территории Волгоградской области мероприятиями, направленными

на повышение уровня культуры, знаний истории Волгоградской области и развития патриотизма.

Немаловажным моментом выступает тот факт, что в рамках программы выделены основные проблемы формирования и реализации государственной молодежной политики, в частности это:

- низкий уровень вовлеченности молодых людей в социально-экономическую жизнь общества, как результат инфантильность и равнодушие;
- отсутствие комплексной системы поддержки молодежи и молодых людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации;
- отсутствует достоверная статистическая и аналитическая информация о фактическом состоянии социально-экономического положения молодежи;
- внедрение в молодежную среду и рост популярности экстремистских и религиозных идей, приводящих к противоправным действиям.

Необходимо отметить, что риски реализации программы достаточно существенные, так, например, расчет целевых показателей определяется простым соотношением участвующих в мероприятиях молодых людей и численностью молодежи на территории Волгоградской области. Однако здесь не учитывается тот факт, что зачастую в подобных мероприятиях принимает участие одна и та же активная молодежь. Таким образом, расчет показателя должен быть изменен.

Другим моментом выступает тот факт, что для привлечения молодежи на территории Волгоградской области задействуется административный ресурс, когда участие для определенных категорий (студентов вузов, колледжей и техникумов) является обязательным. В этом случае эффект от участия в мероприятиях молодежи будет минимальный.

При этом все программные мероприятия финансируются за счет средств регионального бюджета, средства федерального бюджета и сторонних организаций не привлекаются.

С целью повышения эффективности патриотического воспитания молодежи предполагается использование уже имеющегося опыта проведения ежегодных конкурсов и военно-патриотических игр на базе спортивно-патриотических лагерей, а также вовлечение новых молодежных общественных организаций с целью повышения охвата молодежи планируемыми мероприятиями.

В рамках реализации мероприятий по патриотическому воспитанию молодежи был установлен ряд проблем, среди которых:

- отсутствие специалистов в области патриотического воспитания молодежи или низкий уровень их квалификации;
- отсутствие систематической работы по сбору статистического материала и информации о потребностях молодежи;
- недостаточность финансовых ресурсов для реализации более масштабных мероприятий;
- жизненные установки молодежи и потребности государства не совпадают;
- у молодежи отсутствует интерес и потребность участия в общественной жизни;
- существующие социальные институты не пользуются доверием молодых людей;
- у молодежи слабые навыки общественного управления.

В тоже время выявленные проблемы не подтверждены социологическими исследованиями и никак не обоснованы. Необходимо отметить, что анализ содержания программы по реализации молодежной политики на территории Волгоградской области позволил установить как ее сильные стороны, так и недостатки. Так программой охвачены только

два направления – это вовлеченность молодежи в социально-политическую жизнь общества и патриотическое воспитание. Другие направления остаются без внимания региональных органов власти. Данное положение свидетельствует о существенной недоработке программы и необходимости существенного ее расширения.

Выводы и рекомендации. С целью решения рассмотренных ранее проблем нужны более решительные шаги в области государственной молодежной политики. Как показал проведенный анализ главной «заботой» государства выступает патриотическое воспитание молодежи с целью предотвращения экстремизма. В значительной части такой подход связан с теми социально-политическими процессами, которые наблюдаются в последние годы, а именно с возникновением оппозиционных сил и активизацией проведения несанкционированных акций. Однако наиболее серьезные проблемы, которые требуют большего количества усилий и финансовых ресурсов, ни Правительство РФ, ни региональные органы власти не решают.

Для решения современных социальных проблем молодежи определенные усилия должны быть направлены на формирование социальных ориентиров в обществе, с этих позиций государство и региональные органы власти должны:

1. Провести исследование содержания современных программ, транслируемые на телевидении, радио, а впоследствии попадающих в сеть интернет, на предмет их содержания. Учитывая качество и содержание информации, попадающей в современные СМИ и интернет, объективной необходимостью выступает разработка программ, направленных на повышение уровня самосознания и ответственности. Помимо этого, следует более активно блокировать информационные матери-

алы, попадающие в сеть интернет, содержание которых пропагандирует наркоманию, пьянство и другие антисоциальные явления.

2. Особое внимание должно быть уделено созданию детских и юношеских организаций и объединений. Возрождение таких крупных и масштабных объединений как «пионерия» и «комсомол» в современных условиях не представляется возможным, однако государство и региональные органы власти должно найти возможные замены данным организациям и создать подобные с ориентацией на патриотическое воспитание.

В этой связи можно проанализировать опыт создания таких организаций в рамках политических партий. В частности, политической партией «Единая Россия» создана молодежная организация «Молодая гвардия Единой России – МГЕР». Целями организации является поддержка и реализация проектов, программ, мероприятий, инициатив, направленных на вовлечение молодежи в процессы построения демократического общества, политические процессы в обществе, а также воспитание патриотизма у молодого поколения. Организация поддерживает идеи Всероссийской политической партии «Единая Россия».

В тоже время, данная организация политизирована и членство в ее рядах подразумевает необходимость поддержки политической линии партии «Единая Россия». Как представляется, необходима такая форма патриотического воспитания, которая не была бы привязана к конкретной политической партии, в противном случае возможен повтор отрицательного опыта СССР, что противоречит идеям демократии.

3. Важным направлением государственной молодежной политики должно стать трудоустройство молодежи. Здесь, помимо прочего, необходимо тесное взаимодействие региональных органов власти и предприятий коммерческого сектора экономики.

Во-первых, необходимо провести исследование потребности коммерческого сектора в трудовых ресурсах определенных профессий и квалификаций, выделить те отрасли, в которых наблюдается недостаток кадров. Это возможно сделать через центры занятости населения. Во-вторых, информировать высшие и средние специальные учреждения Волгоградской области о результатах исследования. Обозначить те специальности, которые не находят спроса на рынке трудовых ресурсов Волгоградской области, и, напротив, те в которых на данном этапе нуждается рынок.

Здесь возможно создание единого информационного ресурса, который бы содержал информацию о трудонедостаточных и трудоизбыточных сферах. Такой ресурс может

быть создан на базе официального сайта Администрации Волгоградской области. Предполагается, что основными «потребителями» данной информации станут абитуриенты.

4. Еще одним шагом в области трудоустройства может стать межрегиональное взаимодействие по вопросам трудовой миграции. В рамках формируемой государственной молодежной политики возможно проведение общероссийского исследования рынка трудовых ресурсов и тенденций его развития за последние годы.

5. Также необходимо более активно пропагандировать здоровый образ жизни. Для этого необходимо задействовать весь имеющийся в наличии административный ресурс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лопатина И. Ю., Овечко И. М. Организационный механизм формирования и реализации государственной молодежной политики // Сфера услуг: инновации и качество. 2019. № 44. С. 64–75.

2. Об утверждении государственной программы Волгоградской области «Региональная молодежная политика Волгоградской области» (с изменениями на 25 сентября 2023 года): постановление Администрации Волгоградской области от 21 декабря 2016 года № 713-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444962516> (дата обращения 02.10.2023).

3. Подъячев К. В. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 263–276.

4. Российская Федерация. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 года. № 489-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения 17.10.2023).

5. Российская Федерация. Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. URL: <https://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения 01.10.2023).

6. Хренников В. Д. Государственная молодежная политика как составляющий элемент национальной безопасности России // Молодой ученый. 2020. № 19 (309). С. 382–385.

7. Черных Н. Б., Абрамов А. П. Актуальные социальные проблемы российской молодежи // Научный журнал Дискурс. 2019. № 4 (30). С. 111–117.

REFERENCES

1. Lopatina I. Ju., Ovechko I. M. Organizacionnyj mehanizm formirovaniya i realizacii

gosudarstvennoj molodezhnoj politiki [Organizational mechanism for the formation and imple-

mentation of state youth policy], *Sfera uslug: innovacii i kachestvo* [Service sector: innovation and quality], 2019. No. 44. Pp. 64–75.

2. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Volgogradskoj oblasti «Regional'naja molodezhnaja politika Volgogradskoj oblasti» (s izmenenijami na 25 sentjabrja 2023 goda): postanovlenie Administracii Volgogradskoj oblasti ot 21 dekabrja 2016 goda № 713-p. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444962516> (data obrashhenija 02.10.2023).

3. Podjachev K. V. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika v sovremennoj Rossii: koncept i realii [State youth policy in modern Russia: concept and reality], *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Sociology], 2020. T. 20. No. 2. Pp. 263–276.

4. Rossijskaja Federacija. O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj

zakon ot 30 dekabrja 2020g. № 489-FZ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (data obrashhenija 17.10.2023).

5. Rossijskaja Federacija. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj molodezhnoj politiki RF na period do 2025g.: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29 nojabrja 2014 g. № 2403-r. URL: <https://base.garant.ru/70813498/> (data obrashhenija 01.10.2023).

6. Hrennikov V. D. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika kak sostavljajushhij jelement nacional'noj bezopasnosti Rossii [State youth policy as a constituent element of Russian national security], *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2020. No. 19 (309). Pp. 382–385.

7. Chernyh N. B., Abramov A. P. Aktual'nye social'nye problemy rossijskoj molodezhi [Current social problems of Russian youth], *Nauchnyj zhurnal Diskurs* [Scientific journal Discourse], 2019. No. 4 (30). Pp. 111–117.

Информация об авторе

Марина Юрьевна Болдина, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия Адрес: 400066, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, koma34@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6506-1176, SPIN-код: 1580-5954, AuthorID: 668023

Information about the Author

Marina Yu. Boldina, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology, Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia Address: 8, Gagarina str., Volgograd, 400066, Russian Federation. koma34@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6506-1176, SPIN-код: 1580-5954, AuthorID: 668023

Для цитирования: Болдина М. Ю. Социальные проблемы молодежи и пути их решения в рамках государственной молодежной политики Волгоградской области // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 4 (10). С. 29–41. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N4.pdf

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

ECONOMY AND ENTREPRENEURSHIP

УДК 338.1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКОМ СНИЖЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В СИСТЕМЕ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА

Лидия Викторовна Шамрай-Курбатова
АНО ВО Волгоградский институт бизнеса,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассмотрены различные подходы к определению термина «риск» с отображением основных характерных черт. Через функции риска и классификацию риска определено место и суть риска снижения финансовой устойчивости организации.

Методы. Используемые методы индукции позволили аккумулировать существующие подходы к дефиниции «риск», собраны и проанализированы функции риска и конкретизирован инструментарий повышения финансовой устойчивости в системе риск – менеджмента.

Анализ. Исследование теоретических аспектов управления риском снижения финансовой устойчивости в системе риск – менеджмента позволило продемонстрировать авторскую трактовку дефиниции риск, привести широкую классификацию рисков по различным критериям. Факторы возникновения риска снижения финансовой устойчивости поделены на две отдельные большие группы: факторы внешние и факторы внутренние, что позволяет в практической деятельности повысить качество мониторинга факторов внешней и внутренней среды предприятия посредством систематизации их в рамках указанных группировок и комплексно идентифицировать риски снижения финансовой устойчивости и, как следствие, учитывать их в системе управления финансовой устойчивостью компании. Продемонстрированы этапы и приемы организации управления риском.

Результаты. Систематизированы внутренние и внешние факторы, генерирующие риск снижения финансовой устойчивости компании.

Ключевые слова: риск, факторы риска, классификация, риск – менеджмент.

UDC 338.1

THEORETICAL ASPECTS OF MANAGING THE RISK OF DECREASED FINANCIAL STABILITY IN THE RISK MANAGEMENT SYSTEM

Lidiya V. Shamrai-Kurbatova

Volgograd Institute of Business,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article discusses various approaches to define the term “risk”, displaying the main characteristic features. Through risk functions and risk classification, the location and essence of the risk of reducing the financial stability of the organization is determined.

Methods. The induction methods used made it possible to accumulate existing approaches to the definition of “risk”, collect and analyze risk functions and specify the tools for increasing financial stability in the risk management system.

Analysis. The study of the theoretical aspects of managing the risk of reducing financial stability in the risk management system made it possible to demonstrate the author’s interpretation of the definition of risk and provide a broad classification of risks according to various criteria. Risk factors for reducing financial stability are divided into two separate large groups: external factors and internal factors, which allows in practice to improve the quality of monitoring of factors in the external and internal environment of an enterprise by systematizing them within the specified groupings and comprehensively identifying the risks of reducing financial stability and, how Consequently, they must be taken into account in the company’s financial stability management system. The stages and techniques of organizing risk management are demonstrated.

Results. The internal and external factors that generate the risk of reducing the financial stability of the company are systematized.

Keywords: risk, risk factors, classification, risk management.

Введение. Финансовая устойчивость – залог успешного конкурентного существования компании на рынке. Вместе с тем, различные социальные, экономические и политические волнения оказывают большое влияние на изменение ситуации в экономике, что, безусловно, ведет к возникновению различного рода рисков, которые непосредственно оказывают прямое влияние на обеспечение финансовой устойчивости той или иной компании. Поэтому финансовая устойчивость любой организации независимо от ее организационно-правовой формы, профиля деятельности, времени нахождения на рынке и дру-

гих факторов напрямую связана с учетом, диагностикой, анализом и управлением рисками.

Материалы и методы исследования.

Теоретической и методологической основой исследования явились труды отечественных и зарубежных учёных, посвященные теоретическим и методическим аспектам управления риском снижения финансовой устойчивости в системе риск – менеджмента. Кроме того, использованы следующие методы исследования: метод интерпретационного анализа текста, метод систематизации, метод структурирования.

Анализ. Вопросам исследования категории «риск» посвящены работы многих отечественных и зарубежных авторов. Несмотря на широкое использование понятия «риск» и достаточно длительный исторический период развития данного термина, само

понятие не является устоявшимся в настоящее время и в экономической литературе среди авторов нет единого подхода к его определению.

Основные подходы к определению риска приведены в таблице 1.

Таблица 1

Подходы к определению термина «риск»

Автор	Содержание термина
Л. Н. Тэпман	Возможность возникновения неблагоприятных ситуаций в ходе реализации планов и исполнения бюджетов предприятия
Л. Н. Коршунова, Н. А. Проданова	Все внутренние и внешние предпосылки, которые могут негативно повлиять на достижение стратегических целей в течение точно определенного отрезка времени наблюдения
М. Г. Лапуста, Л. Г. Шаршукова	Риск – это ситуация, когда наступление неизвестных событий весьма вероятно и может быть оценено количественно
Л. Дж. Гитман, М. Д. Джонк	Вероятность получения неблагоприятного результата
В. А. Гамза, В. Н. Вяткин	Риск – это неопределенность в отношении возможных потерь на пути к цели
Стандарт ISO 31000: 2018 Risk management – Principles and guidelines	Влияние неопределенности на цели хозяйствующего субъекта
Стандарт риск-менеджмента RMS-FERMA	Вероятное наступление положительных возможностей или отрицательных последствий
С. В. Ермасов, Н. Б. Ермасова	Возможная опасность потерь, вытекающая из специфики тех или иных явлений природы и видов деятельности человека
А. Н. Ряховская, О. Г. Крюкова, М. О. Кузнецова	Возможное, вероятное событие (предвиденное или непредвиденное), которое в состоянии изменить ожидаемый в определенный период результат деятельности, направление развития сложной системы или ее состояние, что связано не только с вероятностью негативных событий и их последствий, но и с позитивными возможностями

Обзор пособий, стандартов и научных публикаций разных авторов, позволяет сделать вывод о многоаспектности данного термина. Иначе говоря, существующая экономическая литература по риск-менеджменту характеризуется неоднозначностью в интерпретации понятия «риск». Однако можно заметить, что в общем «риск» как категория включает в себя несколько основных характерных черт:

- возможность отклонения от предполагаемой цели, ради которой осуществлялась выбранная альтернатива (отклонения как отрицательного, так и положительного свойства);
- вероятность получения дополнительной прибыли (достижения желаемого положительного результата);

- вероятность материальных и других различного рода потерь в условиях неопределенности;
- связь риска с принятием решения, направленного на достижение поставленной цели;
- вероятность наступления частично известных событий, которая может быть оценена количественно;
- отсутствие возможности предсказать конечный результат наверняка;
- отсутствие уверенности в достижении поставленной цели.

Помимо вышесказанного, сущность категории «риск» проявляется и в рамках его функций. Среди научных исследователей принято выделять четыре основных функции риска: инновационная, защитная, регулятивная и аналитическая.

Инновационная функция связана с пониманием риска как стимула прогресса, что проявляется в ситуациях с преодолением повышенного риска путем внедрения новых решений, инновационных технологий и др.

Защитная функция, в свою очередь, связана с принятием каких-либо действий по минимизации проявления рисков путем, например, составления бизнес-плана и обозначения в нем возможных рисков, путем принятия и закрепления прав и обязанностей всех лиц, осуществляющих деятельность в организации, путем заключения договоров с надежными партнерами и т.д.

Регулятивная функция отражает противоречивый характер риска и проявляется с двух сторон: конструктивной (когда риск отождествляется с получением дополнительных выгод) и деструктивной (когда риск ассоциируется с вероятностью потерь, невозможностью достижения цели).

И, наконец, аналитическая функция определяется выбором одного из возможных

вариантов (альтернатив) управленческого решения, в связи с чем предполагается анализ таких вероятных вариантов, их ранжирование и соизмерение.

Кроме того, необходимо отметить, что с учетом рассмотренных определений риск включает в себя, по крайней мере, три элемента: частичную неопределенность, ожидаемые потери или выгоды социального и экономического характера, противоречивость и альтернативность.

Альтернативность предполагает возможность выбора того или иного варианта развития событий.

Неопределенность вытекает из альтернативности, поскольку риск существует только тогда, когда возможно несколько вариантов развития событий в будущем, которое поддается частичному пониманию в процессе идентификации и анализа с определением вероятности, и исходов. Исход всегда точно неясен, а только с определённой степенью достоверности и погрешностью.

Понятие риска носит противоречивый характер, так как, с одной стороны, риск осуждается, а с другой – одобряется. Иначе говоря, в то время как для одних индивидуумов риск является возможной опасностью или источником материальных, или иного рода потерь, для других он предстает как возможность получения дополнительных выгод и отождествляется с благоприятным исходом.

То есть решения по риску связаны не только с возможными потерями, но одновременно и с возможными выгодами социального или экономического характера. Если ожидаемая потеря является непреднамеренным сокращением в физическом или стоимостном измерении в результате реализации опасности, то ожидаемая выгода становится своеобразной премией за принятие повышенного риска.

Вместе с тем, развитие активной формы управления рисками предполагает, что можно предотвращать возникновение опасности, вызывающей рисковое событие, снижать степень воздействия и масштабы последствий.

Таким образом, риск – это потенциальная возможность возникновения управляемого события в условиях неопределенности среды осуществления экономической деятельности, которая поддается количественной и качественной оценке.

Изучив сущность понятия «риск», для дальнейшего анализа фактора рисков и опре-

деления направлений их снижения необходимо классифицировать существующие риски. Под классификацией рисков понимается распределение рисков на конкретные группы в соответствии с определенными общими признаками и для достижения поставленных целей. При этом проанализировав экономические литературные источники, посвященные изучению проблем риска и риск-менеджмента, можно отметить, что в настоящее время отсутствует единая система их классификации. Однако, как показывает практика, в настоящее время риски классифицируются по следующим основным категориям, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2

Классификация рисков

Классификационный признак	Виды рисков	Характеристика рисков
По сфере возникновения	Внутренние	Риски, определяющиеся непосредственно деятельностью и функционалом предприятия
	Внешние	Риски, связанные с процессами, протекающими в окружающей среде: неожиданные изменения в экономической политике, стихийные бедствия, изменения спроса населения, инфляция, изменения в законодательстве, политическая нестабильность, санкционное давление и т.д.
По возможности предвидения	Прогнозируемые	Риски, вероятность наступления которых можно спрогнозировать на основе информации, имеющейся у риск-менеджеров, финансовой службы и руководства компании
	Непрогнозируемые	Форс-мажорные риски, не фиксируемые и не предполагаемые ранее
По масштабам	Отдельной операции	Риски, возникающие в результате осуществления определенной операции
	Локальные	Риски отдельной компании
	Отраслевые	Риски, связанные со спецификой отрасли
	Региональные	Риски, свойственные всем объектам и субъектам региона
	Национальные	Риски на уровне макроэкономики (ввиду неожиданных изменений в политике, законодательстве, кредитовании, налогообложении и т. п.)
	Международные	Риски, связанные с изменениями в конъюнктуре мирового рынка, со взаимоотношениями между странами, масштабными бедствиями и т. д.
По возможности страхования	Страхуемые	Риски, поддающиеся количественному определению и страхованию организациями
	Нестрахуемые	Группа рисков (форс-мажорные, масштабные и др.), которые не берутся страховать страховые компании
По уровню финансовых потерь	Допустимые	Риски потерь, отражающие то, что деятельность организации становится низкорентабельной, но при этом все еще является прибыльной
	Критические	Риски потерь, показывающие, что у компании недостаточно имеющихся ресурсов для преодоления последствий риска в случае его реализации (наступления)

Классификационный признак	Виды рисков	Характеристика рисков
	Катастрофические	Риски потерь в размере, превышающем все состояние компании (т.е. отражающие то, что организация становится неплатежеспособной и у нее возрастает угроза банкротства)
По сферам проявления	Политические	Риски потерь или недополучения прибыли из-за неблагоприятных изменений политической ситуации в государстве или действий региональной власти
	Социальные	Риски, связанные с социальными кризисами и проблемами
	Экологические	Риски, связанные с наступлением ответственности за нанесение ущерба окружающей среде, а также жизни и здоровью третьих лиц
	Коммерческие (рыночные)	Риски изменений конъюнктуры рынка и других условий коммерческой деятельности предприятия
	Операционные (производственно-технологические)	Риски возникновения нарушений в функционировании основных, вспомогательных и обслуживающих бизнес-процессов предприятия
	Профессиональные	Риски, связанные с выполнением профессиональных обязанностей
	Финансовые	Риски возникновения потерь в финансовой сфере деятельности предприятия
По природе возникновения	Субъективные	Риски, возникающие в результате человеческого фактора: недостатка опыта, образования, профессиональной квалификации; нарушения технических правил и т.д.
	Объективные	Риски, возникающие в результате неожиданного изменения остальных объективных внутренних и внешних факторов: недостаток информации; поломка оборудования, стихийные бедствия; неожиданное изменение конъюнктуры рынка, законодательства, условий кредитования и т. д.

При этом необходимо иметь в виду, что предложенная классификация не является обязательной для всех организаций. Представленный перечень рисков определяется исходя из специфики и направления деятельности компании. Более того, на практике риски не существуют обособленно, а являются взаимосвязанными и взаимоопределяющими, выступают комплексно в виде некой системы.

Однако в данной системе рисков важно определить место и суть риска снижения финансовой устойчивости организации, на который оказывают влияние различные производственные, социальные, экономические, политические явления, который непосредственно характеризует возможные финансовые потери и, который, в связи с этим, имеет первостепенное значение. Понимание данного риска облегчает дальнейшую работу по его минимизации.

В первую очередь, стоит отметить, что на текущий момент в рамках риск-менеджмента проблема риска снижения финансовой устойчивости в организациях является малоизученной [5, с. 67].

Так, аналогично, как и с понятием «риск», в экономической литературе относительно сущности категории «риск снижения финансовой устойчивости» нет единого мнения. При этом научными авторами отмечается, что данный риск выражается в денежной форме, отражает неблагоприятные финансовые последствия для компании, а также имеет только финансовый характер и связан с неэффективной структурой капитала. Однако указанные особенности риска снижения финансовой устойчивости, хоть и отграничивают его от других рисков, но не исключают их влияния друг на друга, поскольку на финансовую устойчивость в долгосрочной перспективе оказывают влияние факторы различного характера (не только финансового). Иными

словами, с данным риском так или иначе связаны все остальные риски предприятия и уровень этого риска обуславливается другими многочисленными рисками компании, и, более того, их совокупное негативное влияние увеличивает риск снижения финансовой устойчивости и риск неплатежеспособности организации, что, в свою очередь, может привести к ее экономической несостоятельности, т.е. банкротству.

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующее определение: риск снижения финансовой устойчивости – это экономическая категория, характеризующая возможность возникновения неблагоприятных финансовых последствий под воздействием совокупности как внешних, так и внутренних факторов различного характера (финансового, социального, политического, производственного и др.) в условиях неопределенности.

Таким образом, все вышесказанное и определяет место, значение и суть риска снижения финансовой устойчивости в общей системе рисков компании.

Подводя итог, стоит отметить, что риски в настоящее время являются неотъемлемой чертой бизнес-деятельности любой компании независимо от ее организационно-правовой формы, профиля деятельности, времени нахождения на рынке и других факторов. И в данной системе особое и важное место занимает риск снижения финансовой устойчивости компании.

На сегодняшний день проблема риска снижения финансовой устойчивости особенно актуальна для любого предприятия независимо от его сферы деятельности, поскольку буквально ежедневно появляются все новые и новые элементы неопределенности, что увеличивает, в свою очередь, количество причин и факторов возникновения рискованных ситуаций.

Под причинами риска принято понимать его источники: экономические, социальные, политические, производственные, технологические, экологические и другие условия. Тогда как факторы риска характеризуются в качестве обстоятельств, при которых причины риска проявляются, что приводит к возникновению рискованных ситуаций.

Как было отмечено ранее, риск снижения финансовой устойчивости определяется совокупностью различного рода факторов и вместе с тем зависит как от внутренней деятельности предприятия и управления ею непосредственно владельцами компании, так и от факторов, оказывающих влияние извне. В связи с этим факторы возникновения риска снижения финансовой устойчивости принято делить на две отдельные большие группы: факторы внешние и факторы внутренние.

Внешние факторы, как правило, определяются условиями, влияющими на компанию извне, которые менеджмент организации изменить не может, но при этом должен учитывать, поскольку они оказывают достаточно большое влияние. Именно грамотный риск-менеджмент на предприятии способен предотвратить какие-либо потери от данной группы факторов, поскольку их сложнее всего учесть, определить и оценить. В свою очередь, внешние факторы представляется целесообразным разделить также на две группы, которые представлены на рисунке 1.

Факторы прямого воздействия оказывают влияние на результаты деятельности компании напрямую, в то время как факторы косвенного воздействия только лишь опосредованно способствуют их изменению. Так, к факторам прямого воздействия можно отнести правовые факторы (изменения в законодательстве налоговом, трудовом, банковском, таможенном и др.), которые влияют непосредственно на ту отрасль, в которой функци-

онирует данное предприятие, также это инфляционные процессы, изменения процентных ставок, появление и действия конкурентов, взаимоотношения с контрагентами, валютные изменения (колебания курсов и др.) [6].

тов, взаимоотношения с контрагентами, валютные изменения (колебания курсов и др.) [6].

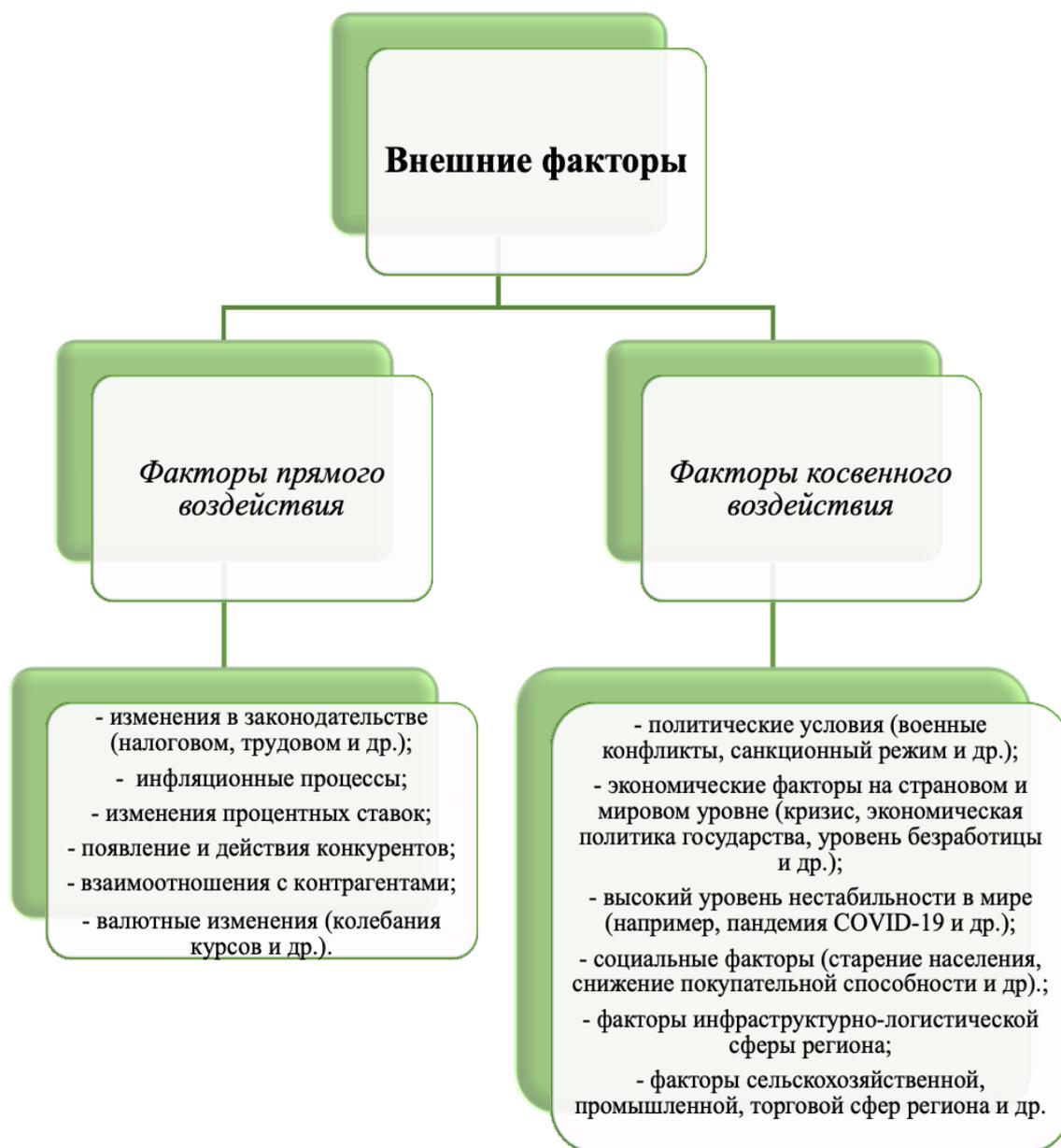

Рис. 1. Перечень внешних факторов, генерирующих риск снижения финансовой устойчивости компании

Таким образом, внешние факторы подчеркивают изменения, нестабильность и неопределенность внешней среды, но при этом зависят в крайне важной степени от специфики деятельности предприятия, поскольку не все вышеотмеченные факторы в обязательном порядке оказывают влияние

на каждое предприятие. В свою очередь, внутренние факторы характеризуются тем, что зависят непосредственно от деятельности самой организации, ее стратегии и менеджмента. Иначе говоря, данные факторы находятся в зоне управления самой организации.

В частности, внутренние факторы риска снижения финансовой устойчивости компании целесообразно разделить на три большие группы, представленные на рисунке 2.

Так, совокупность производственных факторов представляется такими факторами как производственный потенциал компании,

средства и предметы труда (оборудование предприятия, его количество, стоимость и состояние), складской фактор (для тех предприятий, которые производят/продают товары, а не оказывают услуги, в связи с чем возникает необходимость в хранении таких товаров) и др.

Рис. 2. Основные группы внутренних факторов, генерирующих риск снижения финансовой устойчивости компании [составлено автором]

Организационно-управленческие факторы связаны с отраслевой принадлежностью компании (отраслевые особенности влияют на проявление тех или иных факторов), со стратегией и внутренней «политикой» предприятия (финансовая, маркетинговая, производственная и др. стратегии организации), с наличием системы управления рисками в компании, с качеством менеджмента (методы, приемы, формы управления руководством и принятие ими эффективных управленческих решений напрямую влияют на про-

цесс управления риском снижения финансовой устойчивости), с кадровой политикой компании и ее персоналом (численность, возраст, уровень образования, профессиональная квалификация, честность и добросовестность персонала, уровень текучести кадров, условия труда в совокупности определяют уровень производительности труда) и др. [3, с. 51].

И, наконец, к финансово-экономическим факторам относятся состав и структура активов и пассивов (размеры и состав оборот-

ных и внеоборотных активов, величина запасов, денежных средств и др.), долговая нагрузка (оптимальное соотношение собственного и заемного капитала), наличие необходимых финансовых ресурсов для ведения деятельности и развития компании, платежеспособность и т.д.

Среди обозначенных на рисунке 2 групп внутренних факторов наибольшее влияние на риск снижения финансовой устойчивости оказывают, безусловно, финансово-экономические факторы, однако они так или иначе обусловлены влиянием как организационно-управленческих, так и производственных факторов.

Таким образом, предложенная обобщенная классификация внутренних и внешних факторов, генерирующих риск снижения финансовой устойчивости организации, позволяет:

- 1) повысить качество мониторинга факторов внешней и внутренней среды предприятия посредством систематизации их в рамках указанных группировок;

- 2) комплексно идентифицировать риски снижения финансовой устойчивости и, как следствие, учитывать их в системе управления финансовой устойчивостью компании [4, с. 257].

Важно отметить, что представленная группировка факторов риска снижения финансовой устойчивости не является закрытым перечнем и может не только дополняться, но и меняться. И, более того, такой перечень факторов будет определяться напрямую сферой и отраслью деятельности конкретного предприятия. А в рамках данного исследования научный практический интерес, несомненно, представляет данная классификация рисков в сфере ресторанного бизнеса.

Также необходимо заметить, что в вышеприведенной классификации отмечаются не только факторы финансового характера,

но и особое значение и влияние на риск снижения финансовой устойчивости также оказывают нефинансовые факторы и, к тому же, все эти факторы находятся во взаимосвязи, дополняя друг друга, имеют смешанный характер.

А последствиями влияния всей совокупности указанных факторов могут быть дополнительные непредвиденные расходы, упущенная выгода, снижение прибыли и иные потери различного рода, что в итоге может привести к потере компанией позиции на рынке или, в конечном итоге, к ее банкротству.

Таким образом, рискованные ситуации генерируются различными причинами и факторами риска, которые можно поделить на две большие группы: внешние и внутренние. При этом причины и факторы возникновения риска снижения финансовой устойчивости выступают одними из начальных звеньев цепи, приводящей к возможному банкротству предприятия. И в целях недопущения этого необходима идентификация таких факторов с учетом сферы деятельности компании, их анализ и оценка, а также принятие необходимых дальнейших управленческих решений по результатам анализа.

Как было отмечено ранее, изучение причин и факторов, генерирующих риск снижения финансовой устойчивости необходимо для принятия эффективных управленческих решений. В связи с чем можно сказать, что риск непосредственным образом связан с управлением. При этом управление риском снижения финансовой устойчивости является с одной стороны, одним из звеньев системы управления всего предприятия наряду с управлением кадрами, производством, финансами, а с другой стороны также представляет собой сложную самостоятельную систему [2, с. 871].

Процесс риск-менеджмента (управления риском) – это процесс выработки компромисса, заключающийся в установлении баланса между выгодами от снижения риска и необходимыми для этого затратами, а также принятие решения о том, какие действия предпринять и от совершения каких отказаться.

Цель управления риском снижения финансовой устойчивости заключается в управлении подверженностью компании этому риску и контроль за тем, чтобы он и влияющие на него факторы находились в приемлемых пределах.

Как было отмечено выше управление риском снижения финансовой устойчивости является сложной системой, в связи с чем, как и любая другая система, она имеет свою совокупность элементов: субъект, механизм, объект и результат управления.

Субъектом управления в данной системе является, в первую очередь, руководство компании, а также ее риск-менеджмент (при наличии), финансовые службы.

Механизм управления определяет каким образом непосредственно будет осуществляться управление. В связи с этим механизм управления включает в себя, прежде всего, совокупность различных форм и методов управленческого воздействия, направленных на предотвращение и минимизацию, контроль риска снижения финансовой устойчивости компании.

Возможность реализации методов управления риском снижения финансовой устойчивости компании определяется наличием инструментов управления – средствами, при помощи которых субъект управления воздействует на объект. Такими инструментами могут быть, например, цены в договоре, заключенным между предприятием и контрагентом (поставщиком), процентные ставки и многие другие.

Методы и инструменты управления обязательно применяются в рамках действующего законодательства, которое, в свою очередь, регламентирует различные аспекты предпринимательской деятельности, финансовые отношения компаний с банковской, бюджетной, таможенной системами и т.д.

И, наконец, механизм управления не будет являться эффективным без должного информационного обеспечения в компании, поскольку процесс риск-менеджмента всегда предполагает получение, передачу, переработку и использование информации. А получение надежной, качественной и достаточной в данных условиях информации играет ключевую роль, поскольку оно позволяет принять руководству компании конкретное решение по действиям в условиях риска.

Что касается объекта управления (то, чем управляют субъекты), то он представлен совокупностью из складывающихся экономических отношений на предприятии, денежных потоков, финансовых результатов и возникающих рисков ситуаций.

И, наконец, результатом управления (конечной целью) является поддержание оптимального уровня финансовой устойчивости предприятия и недопущение возникновения риска ее снижения путем применения механизма управления [1, с. 211].

Таким образом, система управления риском снижения финансовой устойчивости хоть и выступает составной частью всей системы управления в компании, в то же время и сама по себе является достаточно большой и сложной. Исходя из этого, система управления риском снижения финансовой устойчивости также имеет свою структуру, которая в общем виде представлена рядом важных этапов. Однако, важно заметить, что содержание этапов управления рисками для каждой компании индивидуально и определяется в основном спецификой рынка, на котором действует конкретная организация.

Первым этапом организации управления риском является определение лиц, участвующих и ответственных за управление рисками компании. Как правило, в крупных организациях (особенно за рубежом) есть отдельная должность – риск-менеджер. Он непосредственно занимается анализом рисков, а также наряду с финансовой службой и руководством предприятия участвует в принятии решений и ищет способы того, как снизить вероятность наступления нежелательных опасных рисков или избежать их. Если же в организации отсутствует такая должность то, как правило, вопросами риска занимается финансовый менеджер.

Далее на этапе получения информации об окружающей среде, определяются необходимые данные для принятия в дальнейшем управленческого решения в пользу того или иного действия. Имеющаяся информация позволяет проводить диагностику рисков, а также их оценку и анализ.

На основе полученной информации начинается процесс идентификации рисков, во время которого определяются факторы риска, присущие данному виду и сфере деятельности компании, а также устанавливаются критерии для того, чтобы в дальнейшем получить перечень рисков, ранжированный по степени их значимости (опасности для предприятия). Это позволит уделить внимание наиболее критичным рискам из всего перечня.

При этом важно отметить, что стадия идентификации (диагностики) рисков предполагает проведение качественного анализа посредством применения различных методов. Как правило, в качестве основных принято рассматривать: опрос, интервью, анкетирование, SWOT-анализ, BPEST-анализ, PESTLE-анализ, метод коллективных экспертных оценок, мозговой штурм, риск-аудит и др.

Опрос, интервью, анкетирование являются такими методами сбора информации, которые предполагают ее получение от экспертов по технологии «вопрос-ответ».

Метод коллективных экспертных оценок предполагает проведение совместной работы между экспертами, объединенными в общую комиссию в целях проведения открытой дискуссии при обсуждении исследуемой проблемы для формирования единого мнения. Мозговой штурм, в свою очередь, также предполагает совместное коллективное обсуждение, базирующееся на творческой деятельности людей, предложении ими различных идей по обсуждаемой проблеме, однако в отличие от метода экспертных комиссий, по итогам такого обсуждения может быть сформировано несколько вариантов, из которых в дальнейшем осуществляется выбор.

PEST-анализ используется в целях установления факторов внешней среды по таким направлениям, как бизнес, политика, экономика, социальные и технологические аспекты. PESTLE-анализ аналогичен PEST-анализу, но дополнен и расширен правовым и экологическим факторами.

Риск-аудит проводится в целях получения информации о фактическом положении дел на основе данных проверок и ревизий.

Однако наиболее распространенной методикой идентификации рисков является SWOT-анализ. Данный метод позволяет учитывать и внутренние, и внешние факторы, влияющие на деятельность компании и делить их на четыре категории. Сначала формируется перечень сильных и слабых сторон предприятия, затем определяются угрозы и возможности компании, а вслед за этим происходит установление связей между ними с помощью формирования матрицы SWOT. Матрица позволяет определить потенциаль-

ные зоны и факторы риска, что позволяет осуществить оценку рисков, а также разрабатываются мероприятия по предупреждению или избеганию угроз.

Далее после стадии идентификации рисков лица, ответственные за управление рисками в организации, обязаны провести количественный анализ, который базируется на инструментарии математической статистики и заключается в определении влияния выявленных рисков факторов на финансовую устойчивость компании в числовом измерении, а также в установлении из них наиболее опасных для предприятия.

То есть, количественная оценка опирается на ту базу, те результаты, которые дал проведенный качественный анализ, а ее целью является определение критических факторов риска снижения финансовой устойчивости при помощи таких моделей и методов как метод финансовых коэффициентов, пятифакторная модель Альтмана, модель Таффлера, модель Л. В. Донцовой и Н. А. Никифоровой и других аналитических и статистических методов. В основе таких моделей лежат финансовые показатели, а также статистические параметры – дисперсия, среднеквадратическое отклонение, коэффициент вариации, что дает возможность провести анализ различных вариантов развития событий.

Таким образом, на стадиях «Идентификация рисков» и «Оценка и анализ рисков» обязательно проводятся два основных вида анализа – качественный и количественный, поскольку они работают в совокупности. Так, качественный анализ отвечает за идентификацию и определяет перечень факторов риска, тогда как количественный позволяет определить величину влияния этих факторов в числовом измерении и выделить наиболее значимые факторы путем их ранжирования.

После того, как определены наиболее опасные риски, проводится анализ вариантов

управления ими, оценка достоинств и недостатков предложенных вариантов, а также возможность их применения в существующих условиях. На сегодняшний день существует большое число методов по управлению и минимизации рисков: страхование и самострахование, уклонение от риска, организация диверсификации деятельности, создание резервных фондов, лимитирование рисков и др. Конкретный состав методов определяется компанией с учетом специфики ее деятельности. Вышеперечисленные методы начинают работать в том случае, когда риск реализовался (или должен реализоваться) в убытках и потерях. Такой подход в целях построения стратегии управления рисками в рамках данного исследования не представляется эффективным. Важно понимать, что необходимо определять и закладывать затраты на недопущение возникновения риска, а не на устранение его последствий.

Затем наступает стадия реализации выбранных методов и мероприятий воздействия на риски с целью минимизировать возможный ущерб в будущем.

И наконец, заключительным этапом управления риском являются контроль результатов и корректировка методов и мероприятий управления рисками с учетом новой информации от менеджеров.

Заключение. Подводя итог, стоит отметить, что процесс управления риском снижения финансовой устойчивости представляет собой сложную систему, которая имеет свою структуру. Цель управления данной системой заключается в управлении подверженностью компании риску снижения финансовой устойчивости со стороны руководства, риск-менеджмента и финансовых служб и контроль за тем, чтобы риск и влияющие на него факторы находились в приемлемых пределах. Вместе с тем грамотный и поэтапно по-

строенный процесс управления риском снижения финансовой устойчивости в компании дает организации возможность успешно

функционировать, иметь финансовую устойчивость, высокую конкурентоспособность и стабильную прибыльность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артонкина Н. В. Гости по риск-менеджменту: управление технико-производственными рисками и оценка рисков инвестиционных проектов // Управление финансовыми рисками. 2022. № 3. С. 206–213.

2. Кильдиярова Э. Р. Сущность риск-менеджмента и управление рисками в АО «Башкирская электросетевая компания» // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2. № 11 (28). С. 870–874.

3. Ключко А. В., Ещеркина О. С. Задачи риск-менеджмента в классификации рисков // Экономика и управление: ключевые проблемы и перспективы развития: Материалы VI международной научно-практической конференции, Тихорецк, 27 октября 2017 года / Под общей редакцией Е. В. Королюк. – Тихорецк: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2017. С. 50–53.

4. Попова Е. А. Современные экологические риски международных нефтегазовых компаний и их интеграция в риск-менеджмент // Мировая экономика и мировые финансы: проблемы и перспективы развития. Сборник научных статей студентов по результатам проведения XV Всероссийского Фестиваля науки, секции Факультета международных экономических отношений Финансового университета. Москва, 2021. С. 254–258.

5. Товченник Д. С., Павлов Д. В. Система управления рисками на предприятии: риск-менеджмент // Парадигма. 2022. № 1. С. 65–68.

6. Kiseleva I. A., Tramova A. M., Chernikova E. A., Mambetova F. A., Sulumov S. Kh. Risk management of strategic marketing in modern business projects // Brazilian Journal of Law and International Relations. 2023. Т. 6. № 39.

REFERENCES

1. Artonkina N. V. Gosty po risk-menedzhmentu: upravlenie tekhniko-proizvodstvennyimi riskami i otsenka riskov investitsionnykh proektov // Upravlenie finansovymi riskami. 2022. № 3. S. 206–213.

2. Kil'diyarova E. R. Sushchnost' risk-menedzhmenta i upravlenie riskami v AO «Bashkirskaya elektrosetevaya kompaniya» // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. Т. 2. № 11 (28). S. 870–874.

3. Klochko A. V., Eshcherkina O. S. Zadachi risk-menedzhmenta v klassifikatsii riskov // Ekonomika i upravlenie: klyuchevye problemy i perspektivy razvitiya: Materialy VI

mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tikhoretsk, 27 oktyabrya 2017 goda / Pod obshchey redaktsiey E. V. Korolyuk. – Tikhoretsk: FGBU «Rossiyskoe energeticheskoe agentstvo» Minenergo Rossii Krasnodarskiy TsNTI – filial FGBU «REA» Minenergo Rossii, 2017. S. 50–53.

4. Popova E. A. Sovremennye ekologicheskie riski mezhdunarodnykh neftegazovykh kompaniy i ikh integratsiya v risk-menedzhment // Mirovaya ekonomika i mirovye finansy: problemy i perspektivy razvitiya. Sbornik nauchnykh statey studentov po rezul'tatam provedeniya XV Vserossiyskogo Festivalya nauki, sektsii Fakul'teta mezhdunarodnykh

ekonomicheskikh otnosheniy Finuniversiteta. Moskva, 2021. S. 254–258.

5. Tovchennik D. S., Pavlov D. V. Sistema upravleniya riskami na predpriyatii: risk-menedzhment // Paradigma. 2022. № 1. S. 65–68.

6. Kiseleva I. A., Tramova A. M., Chernikova E. A., Mambetova F. A., Sulumov S. Kh. Risk management of strategic marketing in modern business projects // Brazilian Journal of Law and International Relations. 2023. Т. 6. № 39.

Информация об авторе

Лидия Викторовна Шамрай-Курбатова, кандидат экономических наук, доцент, проректор по учебной работе и управлению качеством, АНО ВО «Волгоградский институт бизнеса», 400010, Волгоград, улица Качинцев 63, Российская Федерация, shamraylv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1952-0500>, SPIN-код: 4363-3911

Information about the Author

Lidia V. Shamray-Kurbatova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Quality Management, Volgograd Institute of Business, 400010, Volgograd, Kachintsev Street 63, Russian Federation, shamraylv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1952-0500>, SPIN-код: 4363-3911

Для цитирования: Шамрай-Курбатова Л. В. Теоретические аспекты управления риском снижения финансовой устойчивости в системе риск-менеджмента // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 4 (10). С. 43–57. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N4.pdf

БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

BANKING

УДК: 336.7

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ УСЛУГ В РАЗВИТИИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Анора Латиповна Гулямова

Филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Гульшахноз Собировна Гулямова

Университет мировой экономики и дипломатии, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. Введение. В условиях усиливающейся глобальной конкуренции между банками в мире инновации определяют уровень развития деятельности, в частности являются основной моделью развития банковского сектора в области дистанционного банковского обслуживания. Именно развитость инновационной деятельности в банковской системе обеспечивает их высокую конкурентоспособность на глобальном финансовом рынке.

Процесс цифровизации как одна из современных тенденций в развитии банковско-финансового сектора Узбекистана становится индикатором, определяющим границы развития национальной экономики. Исходя из этого, цифровая трансформация банковско-финансового сектора в нашей Республике признается в качестве опорной отрасли для цифровизации во всех отраслях национальной экономики.

Методы. В статье использовались методы научной абстракции, сравнительного и структурного анализа, индукции и дедукции, экономико-статистической и эконометрической оценки.

Анализ. В настоящей статье авторы на основе статистических данных Центрального банка Республики Узбекистан провели анализ системы дистанционного банковского обслуживания в банковской системе. В работе выделены основные процессы, определяющие текущие тенденции развития рынка дистанционных банковских услуг.

Результаты. В качестве вывода авторы выделили основные процессы, определяющие текущие тенденции развития рынка дистанционных банковских услуг: – использование современных информационных технологий, внедрение новых сегментов рынка онлайн-банкинга и инструментов онлайн-банкинга банковского сектора, усиление конкуренции между банками на рынке онлайн-банкинга и повышение качества банковских услуг клиентам в секторе онлайн-банкинга.

Ключевые слова: стартап-проекты, банковские инновации, продукты, цифровой маркетинг, инновационный менеджмент, интернет-банкинг.

UDC: 336.7

USE OF INNOVATIVE SERVICES IN THE DEVELOPMENT OF RETAIL TRADE BANKING SYSTEM

Anora L. Gulyamova

Branch of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Tashkent,
Republic of Uzbekistan

Gulshakhnoz S. Gulyamova

University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. Introduction. In the context of increasing global competition between banks in the world, innovation determines the level of development of activities, in particular, they are the main model for the development of the banking sector in the field of remote banking services. It is the development of innovative activities in the banking system that ensures their high competitiveness in the global financial market.

The digitalization process, as one of the modern trends in the development of the banking and financial sector of Uzbekistan, is becoming an indicator that determines the boundaries of the development of the national economy. Based on this, the digital transformation of the banking and financial sector in our Republic is recognized as a supporting industry for digitalization in all sectors of the national economy.

Methods. The methods of scientific abstraction, comparative and structural analysis, induction and deduction, economic-statistical and econometric assessment are used in the article.

Analysis. In this article, the authors, based on statistical data from the Central Bank of the Republic of Uzbekistan, analyzed the system of remote banking services in the banking system. The work highlights the main processes that determine the current trends in the development of the market for remote banking services.

Results. As a conclusion, the authors identified the main processes that determine the current trends in the development of the market for remote banking services: the use of modern information technologies, the introduction of new segments of the online banking market and online banking tools of the banking sector, increased competition between banks in the online banking market and improved quality banking services to clients in the online banking sector.

Keywords: startup projects, banking innovations, products, digital marketing, innovation management, Internet banking.

Введение. Процесс цифровизации как одна из современных тенденций в развитии банковско-финансового сектора Узбекистана становится индикатором, определяющим границы развития национальной экономики. Исходя из этого, цифровая трансформация банковско-финансового сектора в нашей Республике признается в качестве опорной

отрасли для цифровизации во всех отраслях национальной экономики.

Также в стратегии реформирования банковской системы Республики Узбекистан на 2020–2025 годы в качестве одного из важных направлений определено: «повышение эффективности банковской системы путем создания на финансовом рынке

равных конкурентных условий, кредитования исключительно на рыночной основе, снижения зависимости банков от государственных ресурсов, модернизации банковского обслуживания, создания эффективной инфраструктуры и автоматизации деятельности банков, а также поэтапной отмены непрофильных функций банков» [6]. Это, в свою очередь, требует от коммерческих банков предоставления цифровых услуг, которые выражают новые инновационные решения в предоставлении своих услуг клиентам. Также целесообразно проводить научные исследования, направленные на увеличение доходов коммерческих банков, действующих в нашей стране, от инновационной деятельности, в частности, от дистанционного банковского обслуживания, и увеличение их охвата в банковской системе за счет предоставления качественных банковских услуг населению.

Методы. В качестве анализа эффективности и инновационной деятельности коммерческих банков исследованы такие вопросы, как анализ эффективности коммерческих банков Узбекистана [2], уровень развития системы дистанционного банковского обслуживания в

банковской системе, анализ состояния использования инноваций в повышении эффективности банков.

В анализе был использован показатель ROA, показывающий насколько прибыльным является банк. Он также показывает, насколько эффективно руководство банка использует активы [4].

Анализ. Из приведенного ниже рисунка видно, что средний показатель ROA коммерческих банков, действующих в Узбекистане в 1999–2022 годах, составил около 3,11 %. Тенденция коммерческих банков к снижению рентабельности активов может быть объяснена внедрением инновационных технологий в банковском секторе и значительным усилением межбанковской конкуренции в результате увеличения числа банков. Для инвесторов показатель ROA коммерческих банков, превышающий 1 %, считается привлекательным для инвестирования. По мнению крупного инвестора У. Баффета, особенно когда рентабельность активов составляет около 1,3 % или 1,5 %, это является причиной роста цен акций коммерческого банка [7].

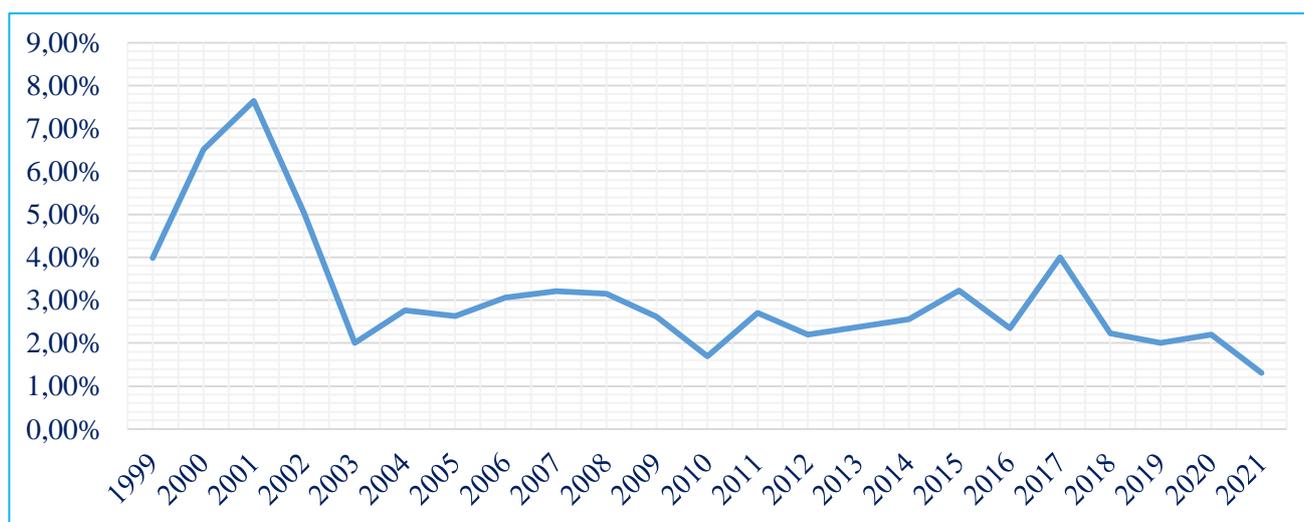

Рис. 1. Показатель ROA банков (1999–2021 гг.) [3]

В США средняя капиталотдача банков за этот период оценивалась в 10,62 %.

В период с 1999 года до глобального финансового кризиса 2008–2009 годов сред-

няя капиталотдача американских банков составляла 14,6 %, в то время как средняя капиталотдача за период до 2018 года была равна 8 %.

Рис. 2. Показатель ROE банков (1999-2021 гг.) [3]

Под влиянием этого за последние пять лет резко увеличилось количество юридических и физических лиц, пользующихся дистанционными банковскими услугами в банковской системе, количество пластиковых карт в обращении, количество терминалов, банкоматов и инфокиосков,

установленных банками. В статье изучено влияние инноваций на банковскую эффективность в деятельности банков с государственной долей, как АК «Узсаноаткурилишбанк» и АКБ «Туронбанк», частного банка ЧАК «Траст-банк», а также банка с участием иностранного капитала «Invest Finance bank».

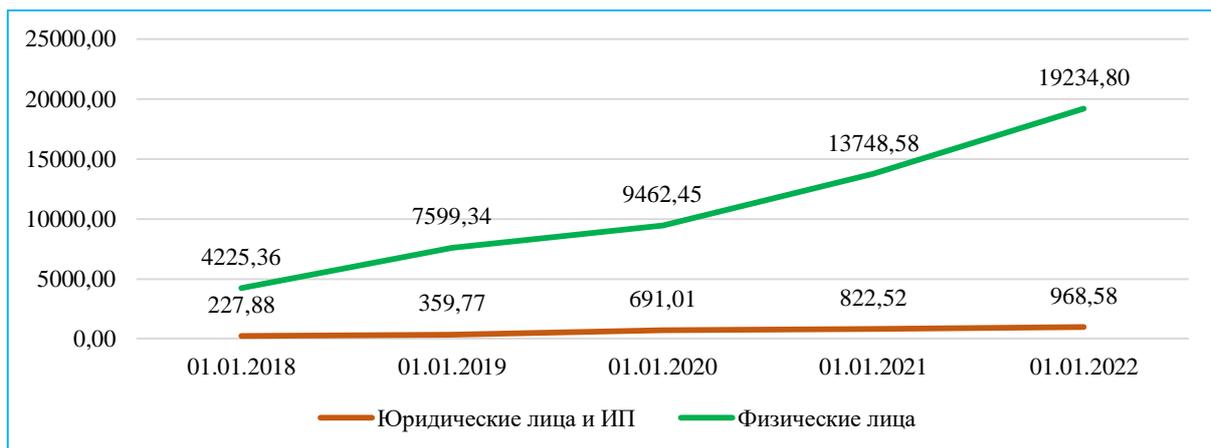

Рис. 3. Динамика числа пользователей систем дистанционного банковского обслуживания в банковской системе (тыс. чел.) [3]

В последние годы число юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и

физических лиц [5], пользующихся системами дистанционного банковского обслужи-

вания, резко возросло. В частности, по состоянию на 1 января 2018 года количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей составило 227,88 тыс., по состоянию

на 1 января 2022 года этот показатель составил 968,58 тыс., а общий прирост составил более чем 4 раза.

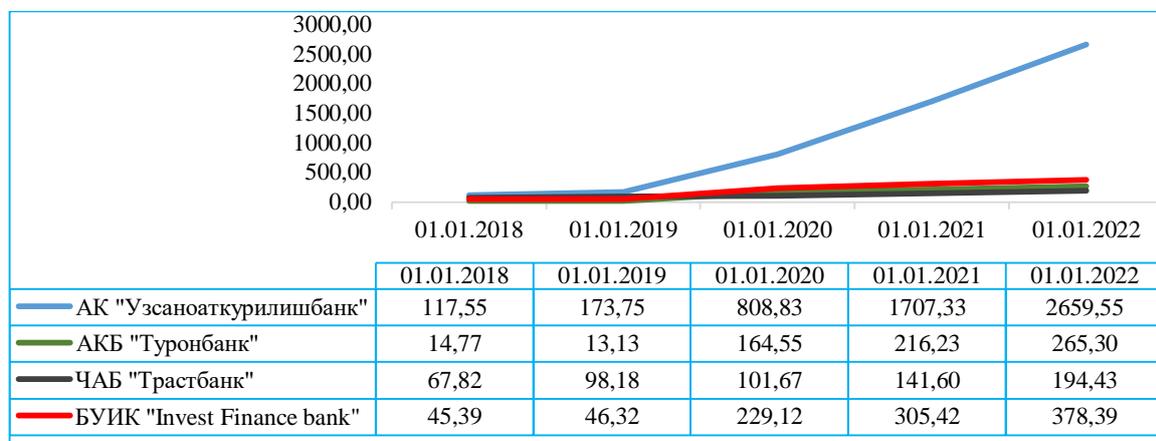

Рис. 4. Общее число клиентов, пользующихся системами дистанционного банковского обслуживания в выбранных банках (тыс. человек) [3]

В последние годы значительное повышение уровня инфляции снизило реальную стоимость показателей, которые выглядят привлекательно в номинальной стоимости.

В реальном выражении анализ поступлений через платежные терминалы показывает, что в 2019 и 2020 годах наблюдалось снижение роста по сравнению с предыдущим годом. В частности, в 2019 году по сравнению с 2018 годом поступления через платежные

терминалы уменьшились на – 3,24 процента. Также в 2020 году по сравнению с 2019 годом поступления через платежные терминалы выросли на 2,66 процента.

Мы можем отнести часть этой тенденции, а именно ситуацию в 2020 году, к пандемии COVID-19. В 2020 году снижение валового спроса населения и юридических лиц привело к сокращению суммы производимых ими платежей.

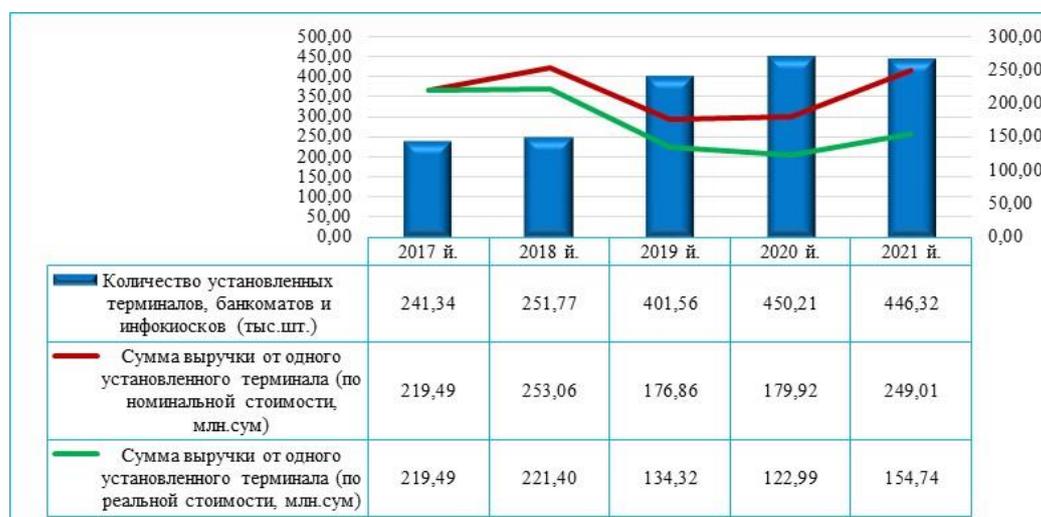

Рис. 5. Эффективность платежных терминалов, банкоматов и инфокисков, установленных банками Узбекистана [3]

Путем анализа эффективности платежных терминалов, установленных банками Республики Узбекистан, мы видим, что с увеличением их количества эффективность снизилась. Анализ эффективности платежных терминалов в ЧАБ «Трастбанк» показывает, что выручка от платежных терминалов в 2021 году удвоилась по сравнению с 2017 годом.

Одним из важнейших вопросов для коммерческих банков всегда является увеличение их количества за счет создания условий

для удаленных юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц [5]. Для коммерческих банков важно увеличить количество удаленных клиентов, а также повысить их эффективность. То есть постоянно увеличивающееся количество клиентов для банка может снизить их эффективность через определенный период. Банкам желательно найти баланс между количеством удаленных клиентов и эффективностью, которую они могут получить от них.

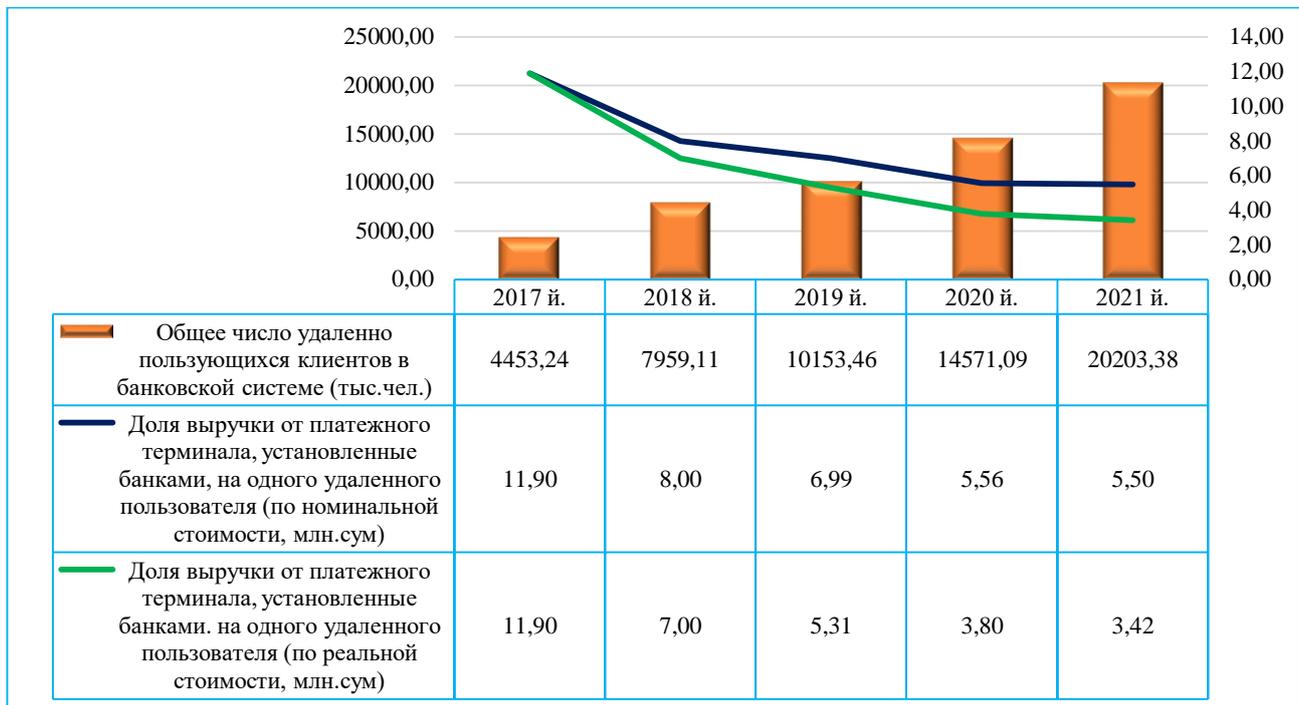

Рис. 6. Доля выручки от платежного терминала, установленные банками, на одного удаленного пользователя [3]

За прошедшие годы количество клиентов, использующих удаленные платежные терминалы, установленные в банковской системе Узбекистана, резко увеличилось. В частности, в 2017 году количество удаленных пользователей банка составило 4453,24 тыс., а к концу 2021 года увеличилось более чем в 4 раза до 20203,38 тыс. человек. По мере увеличения количества удаленных клиентов в коммерческих банках их эффективность

снижалась. В частности, доля квитанций, полученных через платежные терминалы, установленные банками, на одного удаленного клиента составила на конец 2017 года 11,90 млн сумов, на конец 2021 года 5,50 млн. сумов. Мы видим, что, несмотря на увеличение количества удаленных клиентов, снизилась эффективность приема платежей через платежные терминалы, установленные в банковской системе [8].

Для коммерческих банков целесообразно рассчитывать эффективность выпущенных пластиковых карт, таких как квитанции, полученные через платежные терминалы, обеспечивающие эффективность работы удаленных пользователей. Хотя внедрение пластиковых карт в практику Узбекистана нача-

лось в конце 90-х годов, до 2017 года пластиковые карты не выполняли функцию денег. В результате масштабных реформ банковской системы, начавшихся в 2017 году, доверие населения к пластиковым картам возросло, и пластиковые карты стали выполнять функцию денег.

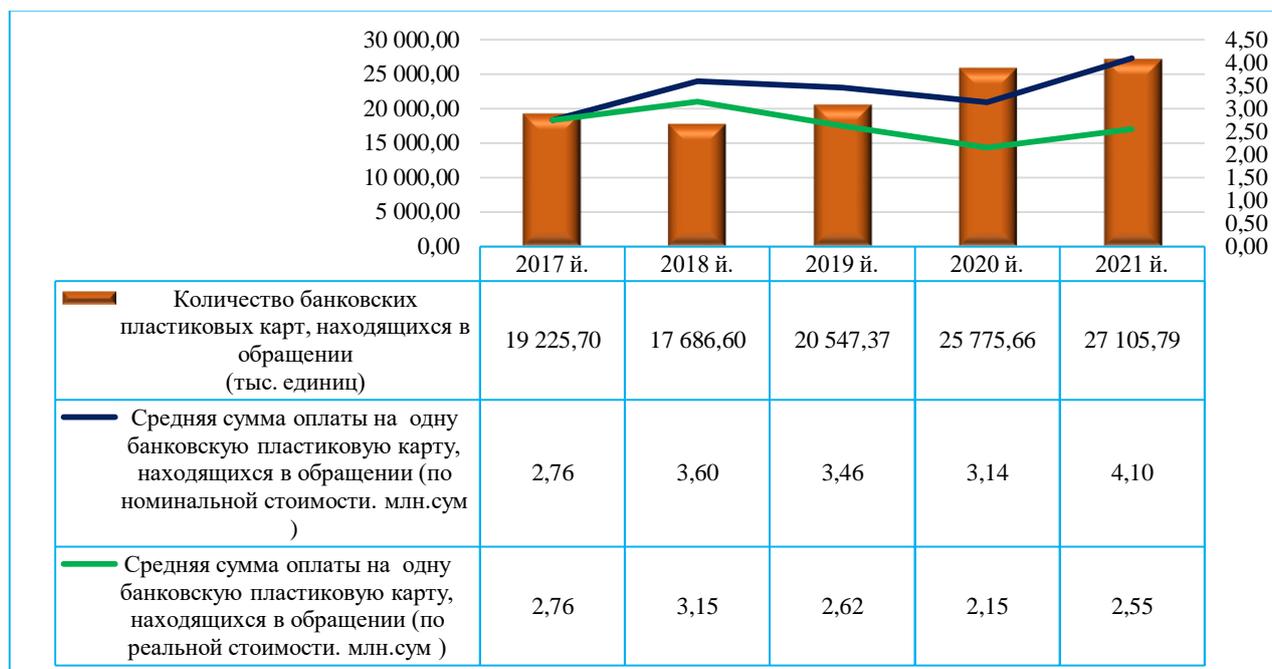

Рис. 7. Эффективность банковских пластиковых карт, выпущенных в обращение банковской системой Узбекистана [3]

Номинальные значения статистических данных с финансовыми значениями не помогают нам сделать достаточные выводы. Поскольку оборот средств в банковских пластиковых картах в 2021 году (4,10 млн. сум) был выше значения 2017 года (2,76 млн. сум), в реальных значениях этот показатель мог быть ниже. В подтверждении наших слов мы также подсчитали реальную стоимость статистических данных. В частности, в 2017 году средняя сумма оборота на одну пластиковую карту, находящейся в обращении, составила 2,76 млн. сум, на конец 2021 года этот показатель в реальном значении составил 2,55 млн. сум, произошло снижение по сравнению с 2017 годом.

Результаты. В качестве вывода можно выделить следующие основные процессы, определяющие текущие тенденции развития рынка дистанционных банковских услуг [1]:

- использование современных информационных технологий, интенсивное развитие которых позволяет банкам расширять спектр банковских продуктов и услуг, которые они предоставляют клиентам, а также сокращать временные, транзакционные и финансовые издержки клиентов и банков;

- внедрение новых сегментов рынка онлайн-банкинга и инструментов онлайн-банкинга банковского сектора;

- усиление конкуренции между банками на рынке онлайн-банкинга и повышение качества банковских услуг клиентам в секторе онлайн-банкинга.

Также особое внимание следует уделить внедрению новых инновационных служб в банках. Потому что, согласно результатам исследования, тот факт, что дистанционные банковские услуги в банках довольно хромают с точки зрения предложения их клиентам, с одной стороны, приводит к тому, что клиенты банков не могут использовать такие услуги, а с другой стороны, это ограничивает возможности сокращения объема работы в самом банке.

Сегодня наиболее популярными направлениями инноваций, основанных на

финансовых технологиях, в банковской отрасли являются технологии онлайн-платежей, биометрическая идентификация и роботизация. За последние несколько лет в банковской системе нашей республики произошли значительные технологические изменения. Роль и значение цифровых технологий в мировом развитии определяется ежегодным ростом числа юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также физических лиц, пользующихся этими технологиями. Особенно широкое внедрение процессов технической трансформации в финансовых секторах еще больше повышает эффективность банковских систем, платежных операций, кредитования и других услуг такого типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гулямова А. Л. Проблемы и перспективы формирования цифровой трансформации коммерческих банков Узбекистана // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 1. С. 322–329.
2. Макин М. В., Конорев А. М., Быстрицкая А. Ю., Пахомова Е. В. Исследование эффективности деятельности коммерческого банка // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/08ECVN119.pdf> (дата обращения 05.10.2023).
3. Официальный сайт Центрального банка Республики Узбекистан. URL: www.cbu.uz (дата обращения 05.10.2023).
4. Талипова Н. Т. Основные экономические риски и источники финансирования инвестиционных проектов // Стратегии противодействия угрозам экономической безопасности в условиях нестабильности мировых рынков. Материалы международной научно-практической конференции. М.: ИПР РАН, 2020. С. 135–138.
5. Талипова Н. Т., Гулямова А. Л. Вопросы использования инновационных технологий в образовательной деятельности Республики Узбекистан // Трансформация моделей образования: уроки пандемии. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции «Плехановский форум преподавателей». М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2021. С. 288–294.
6. Указ Президента Республики Узбекистан от 12 мая 2020 года № УП-5992 «О стратегии реформирования банковской системы Республики Узбекистан на 2020–2025 годы», приложение-1. URL: <https://lex.uz/docs/4811025> (дата обращения 05.10.2023).
7. David Ahern, 'Return On Assets: How To Find Banks That Generate Profits Seeking Alpha', 2017. URL: <https://seekingalpha.com/article/4083227-return-on-assets-how-to-find-banks-generate-profits> (дата обращения 05.10.2023).
8. Gulyamova Gulshahnoz, S. A. Innovations in the study of global commodity markets / S. A. Gulyamova Gulshahnoz, A. L.

Gulyamova // Инновационные технологии в менеджменте: управленческий и социальный аспекты: материалы международной научно-

практической конференции, Москва, 30 июня 2020 года. Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2021. P. 300–309.

REFERENCES

1. Gulyamova A. L. Problemy i perspektivy formirovaniya tsifrovoy transformatsii kommercheskikh bankov Uzbekistana // Byulleten' nauki i praktiki. 2021. T. 7. № 1. S. 322–329.

2. Makin M. V., Konorev A. M., Bystritskaya A. Yu., Pakhomova E. V. Issledovanie effektivnosti deyatelnosti kommercheskogo banka // Vestnik Evraziyskoy nauki. 2019. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/08ECVN119.pdf> (data obrashcheniya 05.10.2023).

3. Ofitsial'nyy sayt Tsentral'nogo banka Respubliki Uzbekistan. URL: www.cbu.uz (data obrashcheniya 05.10.2023).

4. Talipova N. T. Osnovnye ekonomicheskie riski i istochniki finansirovaniya investitsionnykh proektov // Strategii protivodeystviya ugrozam ekonomicheskoy bezopasnosti v usloviyakh nestabil'nosti mirovykh rynkov. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: IPR RAN, 2020. S. 135–138.

5. Talipova N. T., Gulyamova A. L. Voprosy ispol'zovaniya innovatsionnykh tekhnologiy v obrazovatel'noy deyatelnosti Respubliki Uzbekistan // Transformatsiya

modeley obrazovaniya: uroki pandemii. Materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Plekhanovskiy forum prepodavateley». M.: REU im. G. V. Plekhanova, 2021. S. 288–294.

6. Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 12 maya 2020 goda № UP-5992 «O strategii reformirovaniya bankovskoy sistemy Respubliki Uzbekistan na 2020- 2025 gody», prilozhenie-1. URL: <https://lex.uz/docs/4811025> (data obrashcheniya 05.10.2023).

7. David Ahern, 'Return On Assets: How To Find Banks That Generate Profits Seeking Alpha', 2017. URL: <https://seekingalpha.com/article/4083227-return-on-assets-how-to-find-banks-generate-profits> (data obrashcheniya 05.10.2023).

8. Gulyamova Gulshahnoz, S. A. Innovations in the study of global commodity markets / S. A. Gulyamova Gulshahnoz, A. L. Gulyamova // Innovatsionnye tekhnologii v menedzhmente: upravlencheskiy i sotsial'nyy aspekty: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 30 iyunya 2020 goda. Moskva: Moskovskiy universitet im. S. Yu. Vitte, 2021. P. 300–309.

Информация об авторах

Анора Латифовна Гулямова, PhD, старший преподаватель кафедры «Международная экономика и бизнес», Ташкентского филиала РЭУ имени Г. В. Плеханова, 100164, Республика Узбекистан, г.Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахриобод, дом 3, anoragulyamova7@gmail.com, SPIN-код: 6819-1310, AuthorID: 1092851

Гульшахноз Собировна Гулямова, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международные финансы и инвестиции» Университета мировой экономики и дипломатии, 100192, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо Улугбекский район, проспект Мустакиллик, 54, Ggulyamova@uwed.uz

Information about Authors

Anora L. Gulyamova, PhD, senior lecturer of the department of “International Economics and Business”, Tashkent branch of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, 100164, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo-Ulugbek district, Yalangach massif, Shahriobod Street, building 3, anoragulyamova7@gmail.com, SPIN-код: 6819-1310, AuthorID: 1092851

Gulshakhnoz S. Gulyamova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of International Finance and Investments, University of World Economy and Diplomacy, 100192, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo Ulugbek district, Mustakillik Avenue, 54, Ggulyamova@uwed.uz

Для цитирования: Гулямова А. Л., Гулямова Г. С. Использование инновационных услуг в развитии розничной торговли банковской системы // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 4 (10). С. 58–67. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N4.pdf

БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА

BUDGETARY TAX SYSTEM

УДК 336.02

НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

Оксана Валерьевна Дарелина

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассмотрены основные направления обеспечения сбалансированности регионального бюджета. Эти направления связаны с совершенствованием инструментов мобилизации доходов. В настоящее время сбалансированность бюджетов регионального уровня не обеспечивается собственными доходными источниками регионов, что приводит к высокой степени зависимости от налоговых решений, принимаемых федеральными органами власти.

Методы. Используются метод сравнительного анализа динамики показателей, при определении основных направлений обеспечения сбалансированности регионального бюджета синтез, метод обобщения.

Анализ. Рассмотрены основные элементы системы управления сбалансированностью бюджета. Проведена оценка сбалансированности бюджета Волгоградской области в динамике за 2020–2022 годы, сформулированы основные проблемы и механизмы обеспечения сбалансированности регионального бюджета в современных условиях.

Результаты. Обеспечение сбалансированности регионального бюджета возможно путём мобилизации доходов, а также путем оптимизации расходов. Основными способами мобилизации доходов являются: создание условий для развития экономического потенциала региона; меры по взысканию задолженности по налоговым платежам; легализации теневой занятости; оценка налоговых льгот на предмет их эффективности. Оптимизационные мероприятия расходной части должны привести к сокращению неэффективных расходов, изменению структуры в сторону роста расходов на развитие бюджетной сети.

Ключевые слова: сбалансированность бюджетов, региональный бюджет, дефицит, профицит, доходы бюджета, расходы бюджета.

UDC 336.02

DIRECTIONS OF ENSURING THE BALANCE OF THE REGIONAL BUDGET

Oksana V. Darelina

Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article discusses the main directions of ensuring the balance of the regional budget. These areas are related to the improvement of income mobilization tools. Currently, the balance of regional budgets is not ensured by the regions' own revenue sources, which leads to a high degree of dependence on tax decisions made by federal authorities.

Methods. The methods of observation, comparative analysis of the dynamics of indicators are used in determining the main directions of ensuring the balance of the regional budget synthesis, the method of generalization.

Analysis. The main elements of the budget balance management system are considered. An assessment of the balance of the budget of the Volgograd region in dynamics for 2020-2022 was carried out, the main problems and mechanisms for ensuring the balance of the regional budget in modern conditions were formulated.

Results. Ensuring the balance of the regional budget is possible by mobilizing revenues, as well as by optimizing expenditures. The main ways of income mobilization are: creating conditions for the development of the economic potential of the region; measures to collect arrears on tax payments; legalization of shadow employment; assessment of tax benefits for their effectiveness. Optimization measures of the expenditure part should lead to a reduction in inefficient expenditures, a change in the structure towards an increase in the costs of developing the budget network.

Keywords: budget balance, regional budget, deficit, surplus, budget revenues, budget expenditures.

Введение. Одной из основных характеристик бюджета любого уровня является его сбалансированность. От того, насколько сбалансированным является бюджет, зависит способность публично – правового образования обеспечивать финансирование принятых на себя расходных обязательств. В свою очередь несбалансированность бюджета может привести к задержке оплаты по государственным и муниципальным контрактам, и, как следствие, к судебным решениям и оплате по исполнительным листам с учётом штрафов и пени. Самое негативное последствие несба-

лансированности бюджета – это неисполнение социальных обязательств государства перед гражданами, что влечёт за собой социальную напряжённость и рост протестных настроений, а для соответствующих должностных лиц привлечение к ответственности.

Методы. В рамках исследования использован метод сравнительного анализа динамики показателей, при определении основных направлений обеспечения сбалансированности регионального бюджета синтез, метод обобщения. Количественные данные представлены на основе официальных данных.

Анализ. Сбалансированность бюджета представляет собой величину, фиксированную на определенный момент времени, являющуюся результатом сопоставления доходной и расходной части бюджета на основе балансового метода. Исходя из этого получается, что необходимо соблюдать равенство между предусмотренными бюджетом расходами и объемом доходов в совокупности с поступлениями источников финансирования дефицита.

Следует обратить внимание, что равенство доходной и расходной частей бюджета достигается лишь в редких случаях. Обычно происходит следующее: образование дефицита (превышение расходов над доходами), который может быть восполнен из источников финансирования бюджета, или профицита (доходы превышают объем расходов) бюджета.

В настоящее время законодательно установлены инструменты достижения сбалансированности лишь в отношении бюджета, исполненного с дефицитом.

Интересным является тот факт, что до 2000 года законодательство РФ запрещало составлять бюджет с профицитом [3]. В связи с этим в Бюджетном кодексе были также обозначены меры по ликвидации образовавшегося превышения доходной части строго до утверждения бюджета. Сокращение привлечения доходов от продажи государственной и муниципальной собственности, дополнительное погашение долговых обязательств за счет «сверхдоходов», передача части доходов бюджетам других уровней – все эти и многие другие мероприятия были направлены на уменьшение положительных денежных потоков бюджета и позволяли избавиться от запрещенного в те времена профицита.

В связи с тем, что превышение доходов над расходами – это один из вариантов нарушения основного принципа бюджетной системы, в последнее время стали вновь пред-

приниматься попытки ограничить законодательно не только дефицит, но и профицит бюджета [1].

Следует отметить, что, согласно современному российскому законодательству, составление и представление регионами РФ несбалансированных бюджетов не является императивом, а рассматривается лишь как некий идеал соотношения поступления и выбытия бюджетных средств.

Целесообразно выделить причины несбалансированности региональных бюджетов. Безусловно, в каждом конкретном случае присутствует своя специфика, но существует общие подходы экономистов к определению причин несбалансированности. Так, О. В. Капицкая, Е. В. Орлова, А. Ю. Иванов определяют следующие причины несбалансированности бюджетов:

- недостаточная экономическая обоснованность разграничения и распределения налогов между различными бюджетами бюджетной системы;

- недостаточный объем прав органов государственной власти субъектов РФ и муниципальной власти в управлении налоговыми доходами бюджетов;

- низкий уровень ответственности властей за развитие налогового потенциала и отсутствия достаточной мотивации [2, с. 86].

М. В. Шевченко, С. Н. Меликсетян выделяют следующие причины несбалансированности бюджетов:

- несовершенство механизма оказания финансовой помощи бюджетам нижестоящих уровней;

- отсутствие самостоятельности региональных и местных бюджетов;

- недостаток собственных доходных источников бюджетов регионального и местного уровня;

- несовершенство бюджетного законодательства по выравниванию дисбалансов бюджетов;

- централизация весомой доли доходных источников [6, с. 195].

Рассмотрим сбалансированность бюджета Волгоградской области за период 2020–2022 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Анализ сбалансированности бюджета Волгоградской области за 2020–2022 гг.

Показатель	2020	2021	2022
Доходы	131000277,4	144149544,1	157919463,1
Расходы	135383929,6	145 010688,1	157736571,5
Дефицит/Профицит бюджета	-4383652,2	-861144	182891,6

По данным, представленным в таблице 1, можно сделать выводы о том, что бюджет Волгоградской области в 2020 и 2021 гг. был исполнен с дефицитом, в то время как в 2022 г. наблюдается профицит бюджета.

Грамотная финансовая политика региона позволила осуществить конкретные шаги, которые привели к профициту бюджета: сокращение неэффективных расходов и их концентрация на приоритетных направлениях, которые направлены строго на решение ключевых задач в каждой конкретной отрасли; получение дивидендов от вложенных бюджетных средств в виде увеличения налоговых поступлений от реального сектора экономики.

2020 и 2021 год был завершён для бюджета Волгоградской области с дефицитом. Официально было заявлено, что причиной дефицита бюджета являлась борьба с COVID-19 и его последствиями. Для решения возникшей непредвиденной ситуации были применены следующие мероприятия:

- получение безвозмездных поступлений из федерального бюджета;
- безвозмездные поступления из областного бюджета для муниципалитетов на выравнивание их бюджетов;
- получение кредитов и размещение государственных ценных бумаг Волгоградской области;

- отсрочка по выплате долга по бюджетным кредитам, которую федеральный центр предоставил регионам в связи с пандемией коронавирусной инфекции.

Следует отметить, что хотя в целом, в анализируемый период наблюдается стабильное состояние бюджета Волгоградской области, обеспечивающее сбалансированность расходов и доходов, все же существует ряд проблем.

Волгоградская область в анализируемый период столкнулась с проблемой снижения уровня самостоятельности. Волгоградская область получает значительные дотации из федерального бюджета, что указывает на недостаток собственных доходных источников. Эта зависимость от федерального бюджета ограничивает регион в принятии самостоятельных решений и разработке собственных приоритетов развития.

Снижение уровня самостоятельности Волгоградской области, может иметь несколько причин и последствий:

Зависимость от федерального бюджета: получение значительных дотаций из федерального бюджета указывает на то, что регион не обладает достаточными собственными доходами. Это может быть результатом недостаточно развитой экономики региона или недиверсифицированности его доходных источников. Когда регион полностью или в

значительной степени зависит от федеральных средств, его способность принимать самостоятельные решения и разрабатывать собственные приоритеты развития ограничиваются.

Ограничение в принятии самостоятельных решений: когда регион полагается на федеральные дотации, федеральное правительство может накладывать определенные условия и ограничения на использование этих средств. Это может включать необходимость согласования проектов и программ с федеральными органами власти или придерживаться определенных федеральных политик. Это может снижать степень самостоятельности региона в принятии решений, связанных с его развитием.

Ограничение экономической независимости: когда регион полагается на федеральные дотации, его способность развивать собственные доходные источники ограничена. Региональная экономика может оставаться слабой и недостаточно разнообразной, поскольку регион не стимулируется к созданию собственных индустрий и предприятий. Это может сказаться на уровне рабочих мест, доходах населения и общем экономическом развитии региона.

Неравенство развития регионов: зависимость региона от федеральных дотаций может усиливать неравномерность развития между регионами. Регионы, которые имеют собственные доходные источники и могут принимать самостоятельные решения, имеют больше возможностей для развития и достижения своих приоритетов. В то же время, регионы, зависящие от федеральных средств, могут оставаться отсталыми и иметь ограниченные возможности для своего собственного развития.

Ограничение государственных расходов: дефицит бюджета приводит к ограниче-

нию возможностей региона для финансирования различных программ и проектов. Это может включать сокращение средств на социальные программы, образование, здравоохранение, транспортную инфраструктуру и другие области, что негативно сказывается на качестве жизни граждан и развитии региона.

Увеличение государственного долга: дефицит бюджета часто приводит к увеличению государственного долга региона. Погашение этого долга требует дополнительных финансовых ресурсов и увеличивает бремя расходов на выплату процентов. Высокий уровень государственного долга может ограничить доступ региона к кредитам и инвестициям, что затрудняет экономический рост.

Снижение инвестиций и предпринимательской активности: дефицит бюджета может отпугивать инвесторов и предпринимателей. Ограниченные финансовые ресурсы региона означают, что государство не может предоставить достаточную поддержку для развития бизнеса и привлечения инвестиций. Это может привести к снижению предложения рабочих мест, ограничению новых предприятий и оттоку квалифицированных специалистов.

Увеличение социальной напряженности: ограничение государственных расходов может привести к сокращению социальных программ, таких как пособия по безработице, помощь малообеспеченным семьям, программы поддержки малоимущих граждан и прочее. Это может увеличить социальную напряженность в регионе и вызвать недовольство среди населения [5, с. 2999].

Ослабление экономической безопасности: дефицит бюджета ослабляет экономическую безопасность региона. Ограниченные финансовые ресурсы могут затруднить реализацию мер по обеспечению безопасности, включая защиту от чрезвычайных ситуаций,

борьбу с преступностью и терроризмом, обеспечение общественного порядка и безопасности граждан.

Волгоградская область также сталкивается с другими проблемами, которые отражаются на бюджете и его исполнении. Некоторые из этих проблем могут включать недостаточную эффективность расходования бюджетных средств, слабую финансовую дисциплину, отсутствие прозрачности и отчетности в использовании бюджетных ресурсов:

Некорректное планирование доходов: Волгоградская область может столкнуться с проблемой недооценки или завышения прогнозируемых доходов. Недостаточно точные прогнозы доходов могут привести к дефициту в бюджете или неэффективному использованию средств.

Недостаточная эффективность использования бюджетных средств: эта проблема может быть вызвана неправильным распределением бюджетных средств, недостаточной оценкой эффективности программ и проектов, а также коррупционными практиками. В результате может происходить неоправданное расходование средств на неприоритетные задачи, что снижает эффективность бюджетного процесса.

Отсутствие разнообразия доходных источников: зависимость от федеральных дотаций указывает на недостаточное разнообразие доходных источников Волгоградской области. Основными источниками доходов могут быть налоги, сборы, собственные предприятия и инвестиции. Развитие дополнительных источников доходов может снизить зависимость от федерального бюджета и обеспечить большую финансовую самостоятельность.

Обеспечение сбалансированности регионального бюджета возможно путём мобилизации доходов, прежде всего налоговых, а также путем оптимизации расходов.

Результаты. По нашему мнению, основным способом мобилизации доходов регионального бюджета является создание условий для развития экономического потенциала региона. В рамках данного направления региональная власть должна содействовать организации и развитию производства на территориях промышленных (индустриальных) парков и территорий опережающего социально-экономического развития. Помимо привлечения инвесторов в специальные инвестиционные институты региональная власть должна содействовать и развитию экономической деятельности вне указанных институтов.

Развитие экономического потенциала территории нам представляется важным, поскольку, развивая экономику территории региональная власть создаёт основу для формирования доходной части как регионального, так и местных бюджетов. Новые производства, либо модернизированные существующие в перспективе, приведут к увеличению поступлений налога на прибыль, налога на имущество организаций при увеличении основных фондов, создание высокопроизводительных рабочих мест даст рост поступлений налога на доходы физических лиц в региональный и местные бюджеты, также в местные бюджеты будет платиться земельный налог. Однако, при планировании поступлений доходов в региональный бюджет от создания новых производств следует учитывать и временной лаг. Данный временной лаг составит 4–6 лет, поскольку в период начальной реализации инвестиционный проект будет «льготироваться», соответственно поступлений в бюджет в этот период не будет.

В дальнейшем, региональной власти необходимо проводить мониторинг реализации инвестиционных проектов, с целью выявления соответствия целевых показателей, которые должны были быть достигнуты инвестором при получении налоговых льгот и иных преференций.

Чрезвычайно актуальной нам представляется проблема неравных возможностей субъектов Российской Федерации в предоставлении налоговых льгот потенциальным инвесторам. Регионы с высоким уровнем бюджетной обеспеченности имеют большие возможности для привлечения инвесторов, используя налоговые льготы. Регионы с низкой бюджетной обеспеченностью таких возможностей не имеют. Таким образом, инвесторы «идут» в «богатые» регионы увеличивая их и так значительную доходную часть, а у «бедных» регионов отсутствуют возможности для развития.

Для стимулирования инвестиционной деятельности и обеспечения в субъектах Российской Федерации равных условий в привлечении инвесторов, а также предотвращения использования отдельными субъектами Российской Федерации демпинга посредством максимально возможных налоговых преференций, считаем целесообразным адаптировать и распространить на территорию всех субъектов Российской Федерации механизм предоставления налоговых льгот по налогам, подлежащим зачислению в региональные бюджеты, для стратегически важных инвестиционных проектов. В качестве критерия определения стратегической важности инвестиционного проекта рационально определить объем инвестиций в процентах от объема собственных доходов регионального бюджета (10–15 %). В отношении инвесторов, реализующих такие инвестиционные проекты, федеральным законодательством

должны быть установлены одинаковые налоговые преференции.

Использование данного механизма позволит обеспечить более равные условия для всех субъектов в привлечении инвесторов.

Кроме того, необходимо отметить, что большинство налоговых преференций сегодня законодательно предоставляется за счет доходов региональных бюджетов.

В связи с этим представляется важным рассмотреть возможность вовлечения в систему налогового стимулирования федеральных ресурсов. Учитывая значимость налога на добавленную стоимость, а он составляет почти 50 % от совокупных налоговых платежей обрабатывающих производств, льгота по уплате НДС может стать эффективным инструментом привлечения инвестиций в отстающие регионы.

С учетом задач развития страны в целом в отношении НДС рационально предусмотреть снижение ставки для определенных видов продукции обрабатывающих отраслей, приоритетных и критических с точки зрения импортозамещения, доля импортной продукции в потреблении, по которым превышает 60 %.

Такие важные виды продукции широко представлены в станкостроении, тяжелом машиностроении, машиностроении для пищевой промышленности, радиоэлектронной промышленности, легкой промышленности, фармацевтической и медицинской промышленности и в ряде других отраслей. Доля импорта в указанных отраслях и в настоящее время достаточно велика.

Указанная мера, с одной стороны, будет способствовать притоку инвестиций в регионы с наиболее слабым уровнем социально-экономического развития, а с другой, поддержке диверсификации российской экономики, промышленного роста, поскольку от

этого выигрывают, в первую очередь, высокотехнологичные промышленные предприятия, будут сформированы стимулы для производства новых видов конкурентоспособной продукции. Высвободившиеся средства будут направлены на дополнительные инвестиции в основной капитал, на расширение и перевооружение производства.

Также, для увеличения поступлений налоговых и неналоговых доходов регионального бюджета необходимо принять меры по урегулированию и взысканию задолженности по налоговым платежам в региональный бюджет. Такими мерами должны быть:

- направление в адрес налогоплательщиков-должников требований об уплате налога, сбора, пени, штрафа;
- принятие мер принудительного взыскания в соответствии со статьей 46 Налогового кодекса Российской Федерации;
- направление постановления о взыскании задолженности за счет иного имущества должников.

На наш взгляд, при взыскании задолженности по налоговым платежам в бюджет налоговым органам следует более активно пользоваться возможностью по привлечению к субсидиарной ответственности руководителей и собственников компаний – должников. Субсидиарная ответственность – это право взыскания неполученного долга с другого лица, если первое лицо не может его погасить. Субсидиарную ответственность несут контролирующие лица, то есть лица, имеющие право определять действия компании, давать обязательные для исполнения указания или иным образом влиять на компанию. Привлечение к ответственности может грозить любому лицу, которое фактически принимало решение по бизнесу и получало выгоду.

Особое внимание при мобилизации доходов региональных бюджетов необхо-

димо обратить на действующую в регионе систему налоговых льгот с точки зрения их эффективности. Ряд льгот, прежде всего социального характера, приводят к выпадающим доходам региональных бюджетов. При этом эффективность таких мер поддержки бывает низкой. В этой связи, полагаем целесообразным провести актуализацию региональной нормативной правовой базы по оценке эффективности установленных и планируемых к установлению налоговых льгот с учетом единой методики, разработанной на федеральном уровне. Кроме того, необходимо провести оценку эффективности налоговых льгот, предоставляемых по налогам и сборам органами государственной власти региона, оценить бюджетный эффект от предоставляемых льгот, с последующей пролонгацией либо отменой льгот, ужесточением критериев предоставления льгот, заменой льгот на субсидирование.

Важным инструментом повышения поступлений налога на доходы физических лиц в региональный бюджет является проведение мероприятий по легализации теневой занятости. По экспертным оценкам в 2022 году доля работающих неофициально в Российской Федерации достигла 18,6 % [1].

Указанная тенденция характерна для большинства регионов Российской Федерации. Анализируя баланс расходов и доходов населения видно, что существует разрыв между тем, что люди формально зарабатывают и тем, что тратят. И траты эти существенно превышают доходы, что свидетельствует о наличии доходов, не вовлеченных в налогообложение.

Решение данной проблемы требует изменений в законодательство и консолидации усилий региональной власти совместно с федеральными службами и ведомствами, а также повышения правосознания нашего общества.

Практически в каждом регионе действует комиссия по легализации заработной платы и объектов налогообложения. Однако, действующее законодательство не позволяет принимать какие-либо меры воздействия, кроме порицания, к недобросовестным работодателям.

Необходимо ужесточить законодательство и ввести наказание для работодателей, использующих в своей деятельности неформально занятых в виде крупного штрафа, накладываемого как на юридическое лицо, так и на физическое лицо, осуществляющее полномочия работодателя. За повторное аналогичное нарушение считаем целесообразным ввести уголовную ответственность работодателя.

Особое место в работе по мобилизации доходов в региональные бюджеты должна занимать работа по мобилизации неналоговых доходов, и прежде всего, доходов от использования государственного и муниципального имущества. Мобилизацию неналоговых доходов следует проводить путём активизации работы по инвентаризации государственного имущества. В этой связи, органам управления государственным и муниципальным имуществом необходимо:

- обеспечить тотальный учёт государственного и муниципального имущества;
- выявить неиспользуемое (бесхозное) имущество и установить направления его эффективного использования;
- обеспечить ведение перечня имущества, свободного от прав третьих лиц, предлагаемого для сдачи в аренду с целью увеличения доходов, получаемых в виде арендной платы или иной платы за сдачу такого имущества во временное владение и использование;
- выявить неиспользуемые основные фонды государственных учреждений и принять соответствующие меры по их продаже или сдаче в аренду.

Отдельным направлением мобилизации доходов является *проведение мероприятий по повышению роли имущественных налогов в формировании местных бюджетов*. Данное направление не относится непосредственно к доходной части регионального бюджета, однако опосредованно положительно влияет на сбалансированность регионального и местных бюджетов поскольку рост поступлений имущественных налогов местных бюджетов положительно отражается на их сбалансированности и, как следствие, не требует дополнительных расходов регионального бюджета на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности бюджетов муниципалитетов.

Для повышения объёма поступлений имущественных налогов на наш взгляд целесообразно:

- проведение работы в отношении объектов налогообложения, не участвующих в налоговом обороте, и в отношении объектов налогообложения, требующих уточнения отдельных сведений в Едином государственном реестре недвижимости по следующим направлениям: установление (уточнение) адресов места нахождения земельных участков, зданий, помещений, сооружений, занесение уточненных данных об адресе объекта в Федеральную информационную адресную систему; установление (уточнение) категорий и (или) видов разрешенного использования, площадей земельных участков; уточнение сведений о переводе жилого помещения в нежилое помещение, нежилого помещения в жилое помещение;
- осуществление муниципального земельного контроля в отношении земельных участков, являющихся объектами налогообложения, не участвующими в налоговом обороте, но фактически незаконно используемыми; выявление объектов недвижимости и земельных участков, используемых без

оформления в установленном порядке прав пользования, проведение мероприятий по привлечению владельцев таких объектов недвижимого имущества к регистрации соответствующих прав пользования;

- проведение органами местного самоуправления совместно с налоговыми органами информационной кампании (август – сентябрь) об обязанности уплаты имущественных налогов в установленные законодательством сроки, а также проведение работы по погашению просроченной задолженности и предупреждение образования задолженности по имущественным налогам физических лиц – сотрудников органов местного самоуправления и подведомственных им учреждений.

Считая приоритетным направлением обеспечения сбалансированности регионального бюджета мероприятия по мобилизации собственных доходов, полагаем целесообразным органам управления государственным финансами региона наряду с увеличением доходной части, особое внимание уделять оптимизации расходов регионального бюджета и

повышению их эффективности.

Основными направлениями оптимизации и повышения эффективности расходов областного бюджета являются:

- оптимизация расходов на содержание органов государственной власти региона;

- оптимизация численности работников и сети бюджетной сферы, а также расходов на их содержание;

- совершенствование системы закупок для государственных и муниципальных нужд;

- оптимизация мер социальной поддержки населения;

- оптимизация инвестиционных расходов, субсидий юридическим лицам и дебиторской задолженности;

- ликвидация просроченной кредиторской задолженности регионального бюджета.

Таким образом, предложенные направления по мобилизации доходов и оптимизации расходов позволят обеспечить сбалансированность регионального бюджета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Злобин А. Неформальная занятость в России упала до минимума за 11 лет. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/486775-neformal-naa-zanatost-v-rossii-upala-do-minimuma-za-11-let> (дата обращения 22.11.2023).

2. Капицкая О. В. Управление сбалансированностью бюджетов субъектов Российской Федерации / О. В. Капицкая, Е. В. Орлова, А. Ю. Иванов // Актуальные вопросы экономических наук. Сборник материалов LVI Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией С. С. Чернова. Новосибирск, 2017. С. 85–89.

3. Статья 88 Глава 12 «Профицит бюджета и порядок его использования» Бюджетного кодекса Российской Федерации (исключена Федеральным законом от 05.08.2000 N 116-ФЗ «О внесении изменений и дополне-

ний в Бюджетный кодекс Российской Федерации») // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.11.2023).

4. Чумакова Е. А. Проблемы сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации / Е. А. Чумакова, О. В. Дарелина // Экономика и предпринимательство. 2023. № 8 (157). С. 639.

5. Чумакова Е. А., Дарелина О. В., Шамрай-Курбатова Л. В., Столярова А. Н. Управление доходами бюджета субъекта Российской Федерации в условиях экономической неопределенности // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 8. С. 2991–3006.

6. Шевченко М. В., Меликсетян С. Н. Проблема сбалансированности бюджетов // Вестник Науки и Творчества. 2017. № 2 (14). С. 193–199.

REFERENCES

1. Zlobin A. Neformal'naya zanyatost' v Rossii upala do minimuma za 11 let. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/486775-neformal-naa-zanatost-v-rossii-upala-do-minimuma-za-11-let> (data obrashcheniya 22.11.2023).
2. Kapitskaya O. V. Upravlenie sbalansirovannost'yu byudzhetrov sub»ektov Rossiyskoy Federatsii / O. V. Kapitskaya, E. V. Orlova, A. Yu. Ivanov // Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk. Sbornik materialov LVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Pod obshechey redaktsiey S. S. Chernova. Novosibirsk, 2017. S. 85–89.
3. Stat'ya 88 Glava 12 «Profitsit byudzhetna i poryadok ego ispol'zovaniya» Byudzhethnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (isklyuchena Federal'nym zakonom ot 05.08.2000 N 116-FZ «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Byudzhethnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii») // Ofitsial'nyy sayt kompanii «Konsul'tantPlyus». URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 22.11.2023).
4. Chumakova E. A. Problemy sbalansirovannosti byudzhetrov sub»ektov Rossiyskoy Federatsii / E. A. Chumakova, O. V. Darelina // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2023. № 8 (157). S. 639.
5. Chumakova E. A., Darelina O. V., Shamray-Kurbatova L. V., Stolyarova A. N. Upravlenie dokhodami byudzhetna sub»ekta Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh ekonomicheskoy neopredelennosti // Kreativnaya ekonomika. 2022. T. 16. № 8. S. 2991–3006.
6. Shevchenko M. V., Meliksetyan S. N. Problema sbalansirovannosti byudzhetrov // Vestnik Nauki i Tvorchestva. 2017. № 2 (14). S. 193–199.

Информация об авторе

Оксана Валерьевна Дарелина, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, darelina@yandex.ru, <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-3340-8929>, SPIN-код: 8689-6712

Information about the Author

Oksana V. Darelina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Finance, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400006 Volgograd, Russian Federation, darelina@yandex.ru, <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-3340-8929>, SPIN-код: 8689-6712

Для цитирования: Дарелина О. В. Направления обеспечения сбалансированности регионального бюджета // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 4 (10). С. 68–78. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N4.pdf

ПРАВО

LAW

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

PUBLIC LAW

УДК 346.26(470+571.1)

ПРАВОВОЙ СТАТУС САМОЗАНЯТОГО В РОССИИ И УЗБЕКИСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Светлана Михайловна Миронова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Леонид Борисович Хван

Ташкентский государственный юридический университет,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. Введение. В настоящее время во многих стран стоит вопрос о необходимости легализации граждан, занятых в теневом секторе экономики. Предлагаются разные способы такой легализации, включая самозанятость, которая используется как форма занятости как в России, так и в Узбекистане. В тоже время, данный правовой режим отличается в этих странах, включая установление самого понятия самозанятый, обязанности по уплате налога, перечня осуществляемых видов деятельности, ограничения и запреты, установленные для самозанятых лиц.

Методы. Авторы использовали сравнительно-правовой метод, анализа и синтеза, которые позволили обобщить результаты исследования и сделать выводы.

Анализ. На основе сравнительно-правового метода делается анализ правового статуса самозанятых в России и в Узбекистане, на основании таких критериев, как развитие института самозанятости в России и Узбекистане; понятие самозанятого; привлечение наемных работников; регистрация самозанятых; виды осуществляемой деятельности; уплата налога и других.

Заключение. Исследование правового статуса самозанятых в России и Узбекистане позволяет прийти к определенным выводам. Одна из основных целей введения налогового режима для самозанятых это вывод людей из тени, легализация их профессиональных доходов. С учетом статистики по регистрации самозанятых в России и Узбекистане можно сделать вывод о достижении данной цели. Одним из существенных отличий в статусе самозанятых лиц в России и Узбекистане является возможность в РФ быть плательщиком налога на профессиональный доход предпринимателю, тогда как в Узбекистане для данной категории лиц установлен запрет на применение статуса самозанятых. Тем самым в Узбекистане самозанятый по своему правовому положению ближе к наемному работнику, чем к предпринимателю.

Ключевые слова: гиг-экономика; самозанятые; неформальная занятость; налог на профессиональный доход; страховые взносы; социальный налог.

UDC 346.26(470+571.1)

LEGAL STATUS OF THE SELF-EMPLOYED IN RUSSIA AND UZBEKISTAN: COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

Svetlana M. Mironova

Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Leonid B. Khvan

Tashkent State Law University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. Introduction. Currently, in many countries there is a question about the need to legalize citizens employed in the shadow sector of the economy. Various methods of such legalization are proposed, including self-employment, which is used as a form of employment in both Russia and Uzbekistan. At the same time, this legal regime differs in these countries, including the establishment of the very concept of self-employed, the obligation to pay tax, the list of activities carried out, restrictions and prohibitions established for self-employed persons.

Methods. The authors used the comparative legal method, analysis and synthesis, which made it possible to summarize the results of the study and draw conclusions.

Analysis. Based on the comparative legal method, an analysis is made of the legal status of the self-employed in Russia and Uzbekistan, based on such criteria as the development of the institution of self-employment in Russia and Uzbekistan; concept of self-employed; attracting hired workers; registration of self-employed; types of activities performed; payment of taxes and others.

Conclusion. A study of the legal status of self-employed people in Russia and Uzbekistan allows us to come to certain conclusions. One of the main goals of introducing a tax regime for the self-employed is to bring people out of the shadows and legalize their professional income. Taking into account the statistics on registration of self-employed people in Russia and Uzbekistan, we can conclude that this goal has been achieved. One of the significant differences in the status of self-employed persons in Russia and Uzbekistan is the opportunity in the Russian Federation to be a taxpayer of professional income for an entrepreneur, while in Uzbekistan for this category of persons there is a ban on the use of self-employed status. Thus, in Uzbekistan, a self-employed person in his legal status is closer to an employee than to an entrepreneur.

Keywords: gig economy; self-employed; informal employment; professional income tax; insurance premiums; social tax.

Введение. В настоящее время во многих странах стоит вопрос о необходимости легализации граждан, занятых в теневом секторе экономики. Эти вопросы являются актуальными для многих государств, включая Россию и Узбекистан [2].

Предлагаются разные способы такой легализации, включая самозанятость, которая

используется как форма занятости как в России, так и в Узбекистане. В Российской Федерации пошли по пути введения специального налогового режима для самозанятых лиц – налога на профессиональный доход. В Узбекистане налогообложение самозанятых осуществляется через налогообложение доходов в рамках общей системы налогообложения, а также уплаты такими лицами социального

налога. Цель исследования заключается в проведении сравнительно-правового анализа правового статуса самозанятых лиц в России и Узбекистане. На основе сравнения отдельных элементов налогов для самозанятых граждан, требований к регистрации, ведению деятельности, ограничениям и преференциям для самозанятых, нормативно-правовому регулированию их статуса, будут выделены схожие и отличительные признаки правового статуса самозанятых в России и Узбекистане.

Методы. На основе заявленной цели авторы использовали сравнительно-правовой метод, анализа и синтеза, которые позволили обобщить результаты исследования и сделать выводы.

Анализ

Развитие института самозанятости в России и Узбекистане

В Российской Федерации был принят ряд попыток легализации граждан, работающих в теневом секторе. В 2016 году в Налоговый кодекс РФ была введена норма (п. 70 ст. 217 НК РФ) об освобождении от уплаты налога на доходы физических лиц в отношении доходов, полученных физическим лицом (не являющимся индивидуальным предпринимателем), оказывающим услуги населению для личных нужд (услуги по присмотру за детьми и больными лицами, услуги репетиторов, услуги по ведению домашнего хозяйства и уборке жилых помещений). Таких лиц стали называть самозанятыми, хотя это понятие и не было закреплено нормативно [3; 4]. Для освобождения от уплаты налога граждане должны были в особом порядке встать на учет в налоговый орган (уведомить налоговый орган об осуществлении своей деятельности). Такая возможность освобождения от налогообложения действовала в 2017–2019 годах.

В тоже время данное нововведение не

получило особого распространения среди населения. По итогам 2017 года ФНС зарегистрировало всего 936 лиц, вставших на учет в связи с осуществлением деятельности по оказанию услуг физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд, а всего по данным последней доступной статистики на 1 апреля 2022 года в России их насчитывалось 3932 человека¹. Следует признать, что идея легализовать труд граждан посредством освобождения их от уплаты НДФЛ не удалась. В связи с этим государство предложило другой способ вывести людей из тени – а специальный налоговый режим – налог на профессиональный доход, который был введен в порядке эксперимента на десять лет с 1 января 2019 года. Данный эксперимент следует признать успешным, поскольку показатель в 2 миллиона 100 тысяч самозанятых, запланированный национальным проектом «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» к 2024 году, был выполнен уже весной 2021 г.: по состоянию на 30 апреля 2021 г. зарегистрированных самозанятых было 2 миллиона 250 тысяч 5 человек [1].

В конце ноября 2023 года по данным ФНС России число плательщиков налога на профессиональный доход превысило 9 миллионов человек. Основными видами деятельности самозанятых являются услуги такси, по ремонту, маркетинговые услуги, услуги в сфере красоты, аренда квартир, доставка товаров и продажа продукции собственного производства.

В Узбекистане в 2017 году впервые президентом была принята стратегия действия по пяти приоритетам направления развития страны. Основной задачей в сфере экономическо-социального развития была выде-

¹ Статистика о представленных физическими лицами в налоговые органы уведомления об осуществлении деятельности по оказанию услуг физическим лицам для

личных, домашних и (или) иных подобных нужд // https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/ (дата обращения 12.11.2023).

лена такая, как обеспечение занятости населения и принятие решений на рынке труда именно в части снижения уровня безработицы и понижение доли неформальной занятости.

В 2019 году впервые было дано официальное поручение через Постановление Президента Министерству занятости и трудовых отношений Узбекистана вместе с налоговыми органами рассмотреть вопрос о введении специальных трудовых удостоверений для самозанятости, где было упомянуто два основных действующих ныне положения, о том, что трудовой стаж будет включаться в период работы, упомянутой, указанной в этом трудовом удостоверении. Был введен порядок назначения пенсий этим гражданам, самозанятым, на основе такого временного трудового удостоверения.

Впервые в 2019 году были проверены первые, так называемые, преференции, мотивы, стимулы для лиц, которые могли стать самозанятыми. Таким образом, в 2019 году впервые термин «самозанятые» появился.

По статистике на конец 2022 года число самозанятых в Узбекистане достигло почти 1 миллион 600 тысяч граждан. Это очень большая цифра, если исходить из статистики рынка труда, когда в стране по средней численности населения 36 миллионов, а трудовые ресурсы 19 миллионов человек. В Узбекистане экономически активное население 13 миллионов человек и неактивное население всего лишь 4,5 миллиона, то есть эти почти 15-19 миллионов – это существенная цифра, которая говорит о том, что государство смогло решить вопрос с неформальной экономикой. Самыми высокими показателями роста в просматриваемой нами сфере – это сельское хозяйство, информационно-коммуникационные технологии, далее идут такие

отрасли, как бытовое обслуживание, некоторые отрасли промышленности.

Таким образом, мы видим, что и в России, и в Узбекистане вопрос с легализацией самозанятых лиц начал решаться примерно в одно и то же время, и в целом число вовлеченных самозанятых граждан позволяет сделать вывод о том, что задачи, поставленные государством по снижению теневого сектора экономики, постепенно решаются.

Понятие самозанятого

Понятия «самозанятый», «самозанятость» широко распространены и в литературе, и в практическом обороте. В связи с этим необходимо выяснить, едино ли содержание данного термина в России и Узбекистане.

Модельный налоговый кодекс для государств – участников СНГ включает в себя раздел: Специальная часть. Глава 3.2. Специальный (особый) налоговый режим. Налог на профессиональный доход², в котором закреплены такие понятия как «самозанятость» и «самозанятые лица». Под самозанятостью понимается «обеспечение физическим лицом и (или) индивидуальным предпринимателем себя работой самостоятельно или при поддержке государства с целью получения дохода...», а самозанятым лицом называются «физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, и (или) индивидуальные предприниматели, не имеющие наемных работников, самостоятельно осуществляющие основанную на личном трудовом участии деятельность, направленную на получение дохода, не превышающего уровень, установленный национальным законодательством о налогах и сборах». Как видно из представленных терминов, основной критерий самозанятости это работа

² Принят 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-13 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ.

сам на себя, без привлечения наемных работников. При этом работать можно как в статусе индивидуального предпринимателя, так и без его регистрации.

В Российской Федерации, несмотря на активное вовлечение самозанятых в гражданский оборот, сам термин «самозанятый» на уровне закона до сих пор не закреплен. До принятия налога на профессиональный доход, под самозанятыми понимали, как правило, физического лица (в некоторых случаях индивидуального предпринимателя), который работал сам на себя и не имел наемных работников. С введением эксперимента термин «самозанятый» ассоциируется именно с плательщиком налога на профессиональный доход. И эти два термина используются как равнозначные. Хотя, безусловно, к самозанятым категориям граждан можно отнести и других лиц, например, тех, которые были упомянуты, как лица, освобожденные от уплаты НДФЛ. Плательщиками НПД в настоящее время могут быть, как физические лица не в статусе предпринимателя, так и зарегистрированные как индивидуальные предприниматели. При этом большая часть по статистике не имеет статус ИП, таких около 95 %.

В законопроекте «О занятости населения в Российской Федерации», принятом Государственной Думой РФ в первом чтении предлагалось под самозанятостью понимать «деятельность гражданина по личному производству товаров, выполнению работ и (или) оказанию услуг, направленная на систематическое получение дохода». Однако данное понятие не вошло в итоговый текст закона, поскольку правовой статус самозанятых лиц предполагается регулировать отдельным законом, который будет принят позже.

Таким образом введение понятия «самозанятый» в нормативное поле все еще остается актуальным для Российской Федерации.

В Узбекистане понятие самозанятые лица закреплено Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан № 806 от 23.12.2020 г., в соответствии с которым под ними понимаются «лица, самостоятельно осуществляющие деятельность, направленную на получение трудового дохода, оказание услуг физическим и юридическим лицам, основанную на участии в выполнении работ своим личным трудом, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, с правом принимать во внимание учет стажа работы и использование поощрительных льгот физических лиц, состоящих на учете в органах налоговой службы».

Как видно из представленного определения число лиц, которые могут быть самозанятыми, сужен, поскольку к ним не могут относиться индивидуальные предприниматели, а только физические лица. Дополнительным критерием установлено возможность учета статуса работы и использования поощрительных льгот. Представляется это важным фактором, поскольку решение вопроса со страхованием и последующим пенсионным обеспечением самозанятых граждан является одним из существенных. Также одними из определяющих критериев следует обратить внимание на такие слова, как «трудовые доходы», то есть доходы именно от использования труда. Это позволяет приблизить статус самозанятых к наемным работникам, что является одним из дискуссионных вопросов в исследованиях в мире относительно статуса самозанятых лиц.

Привлечение наемных работников

Одним из критериев самозанятости, как указывалось ранее, это отсутствие наемных работников и не состоять в трудовых отношениях с работодателем.

В Российской Федерации оба этих запрета установлены в отношении самозанятых

лиц. При этом есть положение, в соответствии с которым нельзя в течение двух лет заключать договор с самозанятым организации, в которой данное лицо работал по трудовому договору, с целью избегания риска перевода работников с трудовых договоров на гражданско-правовые. В тоже время в России большое распространение получила практика привлечения к работе самозанятых вместо трудовых договоров на первоначальном этапе, то есть фактически в некоторых случаях идет подмена трудовых отношений гражданско-правовыми. Таким образом ситуации находятся в поле зрения налоговых органов, которые осуществляют налоговый контроль за организациями, использующими труд самозанятых, и в соответствии с принятыми критериями может переqualифицировать договор с самозанятым в трудовой договор с доначислением страховых взносов.

Что касается запрета не привлекать работников, а также иметь работодателя в Узбекистане. Этот запрет действует с 2019 года, в феврале 2023 года отдельным решением Президента было решено, что некоторым лицам, которые осуществляют систему надомничества можно привлекать самозанятых в деятельности по производству товаров в качестве надомников. Однако это положение не доработано до конца, то есть был тезис в Постановлении Президента, а развития он не получил, поэтому надо понимать, что надомник и самозанятый – это разные статусы, хотя бы по налоговым последствиям. На сегодняшний день считается, что работодатели могут привлекать самозанятых, но есть самозанятые, которым отказано в подобного рода возможностям.

Регистрация самозанятых

Простота регистрации самозанятых является одним из основных преимуществ данного налогового режима, как в России, так и в Узбекистане.

В РФ регистрация плательщиков налога на профессиональный доход осуществляется через специальное мобильное приложение «Мой налог», где для регистрации достаточно только паспорта. Также возможна регистрация через личный кабинет банка (который являются уполномоченными для совершения таких операций). Вся процедура регистрации обычно занимает около 10 минут.

В Узбекистане сама регистрация самозанятых лиц по проведенным замерам занимает порядка 15–20 минут. Она автоматическая, то есть оцифрована. Заявитель проходит регистрацию на специальном портале ЕПИГУ и отправляет туда запрос. Организацией, формально, является регистрирующей налоговый комитет. Документов для получения такой цифровой услуги не требуется. Регистрация осуществляется бесплатно государством.

Таким образом быстрая и простая процедура регистрации самозанятых (осуществляемая в электронном виде и не требующая личного обращения в налоговый орган) является очевидным преимуществом для данных лиц, поскольку именно этот фактор зачастую способствует тому, что физическое лицо встает на учет.

Кто может стать самозанятым

Помимо вопроса о том, могут ли быть самозанятыми физические лица или и предприниматели тоже, актуальным также является вопрос, могут ли иностранные граждане становиться самозанятыми.

В России помимо граждан РФ стать плательщиком налога на профессиональный доход могут только граждане ЕАЭС – Беларуси, Армении, Казахстана и Кыргызстана. Такая регистрация требует получения российского ИНН, при его отсутствии он может быть получен в любой налоговой инспекции.

Таким образом граждане других государств, в том числе стран СНГ, не смогут зарегистрироваться в качестве самозанятых. В связи с этим предлагается расширить перечень государств, граждане которых могли бы получить статус самозанятого, включив в этот перечень другие страны.

В Узбекистане нет запрета иностранным гражданам стать самозанятыми. Есть два административных режима получить право на осуществления трудовой деятельности в Узбекистане и стать самозанятым. Первый режим – это административная процедура через агентство внешней трудовой миграции, там особые требования предъявляются для осуществления трудовой деятельности в Узбекистане. И второй режим – это через налоговые органы, здесь статус самозанятого не рассматривается как трудовая деятельность, скорее всего, предпринимательская деятельность. Таким образом можно говорить, что достаточно либерально подошли власти исполнительной власти к статусу самозанятого, как к гражданам, так и к лицам без гражданства и иностранным гражданам.

Виды осуществляемой деятельности

В Российской Федерации в целом открытый перечень видов деятельности по осуществлению налога на профессиональный доход. При этом есть ряд ограничений, какими видами деятельности заниматься нельзя. К ним относятся: перепродажа товаров не собственного производства; реализация подакцизных товаров и товаров, подлежащих маркировке; деятельность по добыче полезных ископаемых; а также деятельность на основании агентских договоров, договоров поручения и комиссии. При регистрации самозанятый указывает, какими видами деятельности он планирует заниматься. Но фактически это не отслеживается, поскольку при формирова-

нии чека можно просто указать «услуги самозанятого», не уточняя, какие именно услуги были оказаны. Отследить это не всегда возможно, тем более что в некоторых случаях кроме чека никак иных документов самозанятым не оформляется.

Обсуждаются вопросы о возможном разрешении самозанятым торговать чужими товарами, а также об иных вариантах расширения или ограничения перечня видов деятельности самозанятых лиц.

В Узбекистане есть перечень видов деятельности, которыми может заниматься самозанятый. Органы власти постоянно расширяют перечень видов работ и услуг, поскольку считают, что это будет стимулировать сокращение неформальной занятости. Такое расширение происходило в марте и ноябре 2023 года. Так в ноябре 2023 года перечень был дополнен 19 новыми видами деятельности, которыми могут заниматься самозанятые, в том числе, например, изготовление национальных украшений, сбор и выращивание в домашних условиях грибов и др. Представляется, что такой подход обусловлен тем фактом, что самозанятые не могут заниматься предпринимательской деятельностью. А это значит, что такие виды деятельности должны быть ограничены.

В тоже время подход РФ об открытом перечне видов деятельности самозанятых позволяет привлечь к данному налоговому режиму больше граждан.

Уплата налога

Одним из существенных отличий России и Узбекистана является сам факт уплаты налога самозанятым.

Как уже отмечалось, простое освобождение от уплаты НДФЛ в отношении ряда работающих граждан не стало популярным в России. Введенный налог на профессиональный доход предполагает уплату налога в размере 4 или 6 % в зависимости от категории

лиц, с которыми работают самозанятые (физические лица или организации). Самозанятые не уплачивают обязательные страховые взносы. В добровольном порядке они могут заключить договор с Социальным фондом РФ. Таких самозанятых только 258 тысяч человек, что составляет менее 3 % от числа всех зарегистрированных плательщиков НПД. Таким образом большая часть самозанятых страховые взносы не уплачивает, пенсию не накапливает, не имеет право на социальное страхование и выплаты по больничному листу.

В Узбекистане налогообложение самозанятых практически отсутствует. Никаких налогов, никаких обязательных платежей они не уплачивают. Никаких расчетов по налогам они не сдают. В частности, два основных налога, которые обычно упоминают по отношению к самозанятым – это налог на доходы физического лица (НДФЛ). Это Налоговый кодекс вывел и четко указал, что доходы, полученные от деятельности самозанятого, не рассматриваются как облагаемый налог с физического лица. В совокупном доходе он вообще не упоминается. Что касается социального налога, то самозанятые платят его на добровольной основе в размере не менее одного «БЛВ», это такая условная единица, она равна примерно 30 долларам. Налоговый кодекс опять-таки упомянул это только для целей исчисления трудового стажа самозанятыми лицами. Этот социальный налог, если он решил его добровольно платить, то он поступает во внебюджетный пенсионный фонд, и, конечно, из этой суммы будет определяться размер заработка для исчисления пенсии самозанятого лица. В 2022 году из 1 миллиона 600 тысяч самозанятых только 159 тысяч самозанятых решили уплатить социальный налог.

В представленных Министром экономики и финансов Узбекистана Основных

направлениях налогово-таможенной политики на 2024–2026 годы предлагается при превышении годового дохода самозанятых 100 миллионов сумов, установить для них порядок налогообложения по ставке 4 % (как для индивидуальных предпринимателей). Однако по состоянию на 1 ноября 2023 года данное положение не принято. С одной стороны, такое предложение обусловлено ростом числа самозанятых, легализацией их деятельности, что позволяет их контролировать. С другой стороны, принятие такой нормы, вызывает дискуссию. При введении налога все самозанятые уйдут сразу в тень, обратно в неформальную экономику. Государство должно понимать, что надо что-то оставить этим лицам, потому что для Узбекистана необходимо решать проблемы занятости и выезда на работу за пределы республики, в том числе в Российскую Федерацию, это огромное количество людей. Поскольку государство не может пока их обеспечить работой, при должной оплате труда, такой либеральный налоговый режим в отношении самозанятых направлен на легализацию теневого сектора и стабилизации рынка труда.

Заключение. Исследование правового статуса самозанятых в России и Узбекистане позволяет прийти к определенными выводами. Одна из основных целей введения налогового режима для самозанятых это вывод людей из тени, легализация их профессиональных доходов. С учетом статистики по регистрации самозанятых в России и Узбекистане можно сделать вывод о достижении данной цели.

В России самозанятые уплачивают налог на профессиональный доход. В Узбекистане самозанятые освобождены от уплаты налога на доходы. В обоих государствах уплата страховых взносов является добровольной, в целом число самозанятых, уплачивающих такие взносы, невелико.

В отличие от Узбекистана, где самозанятыми могут зарегистрироваться все иностранные граждане, в России стать самозанятыми могут помимо российских граждан только граждане ЕАЭС. Таким образом целесообразно расширить число государств, граждане которых могут также стать самозанятыми.

В России перечень видов деятельности для самозанятых является открытым (есть только ограничения на запрет в отношении отдельных видов деятельности), в отличие от Узбекистана, где установлен перечень видов

деятельности, которыми может заниматься самозанятый, виды деятельности регулярно обновляются и дополняются.

Одним из существенных отличий в статусе самозанятых лиц в России и Узбекистане является возможность в РФ быть плательщиком налога на профессиональный доход предпринимателю, тогда как в Узбекистане для данной категории лиц установлен запрет на применение статуса самозанятых. Тем самым в Узбекистане самозанятый по своему правовому положению ближе к наемному работнику, чем к предпринимателю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Миронова С. М. Налог на профессиональный доход – пять лет эксперимента: промежуточные итоги // Финансовое право. 2023. № 12. С. 10–14.

2. Пинская, М. Р. Управление рисками при сокращении неформальной экономики (на примере Республики Узбекистан) / М. Р. Пинская, С. Д. Шаталов, К. А. Пономарева // Управленческие науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 76–88. DOI 10.26794/2304-022X-

2022-12-4-76-88.

3. Ручкина Г. Ф. Новые специальные налоговые режимы в законодательстве Российской Федерации как реализация публичных интересов государства // Налоги. 2019. № 1. С. 28–33.

4. Ситник А. А. Самозанятые лица как субъекты налоговых правоотношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 31–35.

REFERENCES

1. Mironova S.M. Professional income tax – five years of experiment: interim results // Financial law. 2023. No. 12. P. 10–14.

2. Pinskaya, M. R. Risk management when reducing the informal economy (on the example of the Republic of Uzbekistan) / M. R. Pinskaya, S. D. Shatalov, K. A. Ponomareva // Management Sciences. 2022. T. 12. No. 4. P. 76–88.

DOI 10.26794/2304-022X-2022-12-4-76-88.

3. Ruchkina G.F. New special tax regimes in the legislation of the Russian Federation as the implementation of public interests of the state // Taxes. 2019. No. 1. P. 28–33.

4. Sitnik A.A. Self-employed persons as subjects of tax legal relations // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 3. P. 31–35.

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00914, <https://rscf.ru/project/22-28-00914/>»

Информация об авторах

Светлана Михайловна Миронова, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация,

smironova2019@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5288-2568>, SPIN-код: 5770-7809, AuthorID: 636773

Леонид Борисович Хван, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Ташкентский государственный юридический университет, ул. Сайилгох, 35, г. Ташкент, Узбекистан, 100047, lb2532@mail.ru, SPIN-код: 3914-6019, AuthorID: 710151

Information about Authors

Svetlana M. Mironova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department Department of Theory of Law and State Legal Disciplines of the Volgograd Institute of Management – a branch of the RANEPА, Gagarina st., 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, smironova2019@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5288-2568>, SPIN-код: 5770-7809, AuthorID: 636773

Leonid B. Khvan, candidate of legal sciences, associate professor of the department of administrative and financial law, Tashkent State University of Law, st. Sayilgokh, 35, Tashkent, Uzbekistan, 100047, lb2532@mail.ru, SPIN-код: 3914-6019, AuthorID: 710151

Для цитирования: Миронова С. М., Хван Л. Б. Правовой статус самозанятого в России и Узбекистане: сравнительно-правовое исследование // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 4 (10). С. 80–89. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N4.pdf

УДК 343.983.4

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАУЧНОГО СТАТУСА СУДЕБНОЙ МИКРООБЪЕКТОЛОГИИ

Андрей Владиславович Кочубей

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассмотрены основания выделения отдельных научных и научно-практических направлений в самостоятельные отрасли знания на уровне разделов или частных теорий в составе существующей науки. Обособление нового научного направления и даже целой науки от существующей научной системы определяется предметной частью материала, основанного на осмыслении эмпирического материала и его отчленении от даже схожих по смысловой нагрузке и практической направленности данных.

Методы. Используемые методы индукции и дедукции позволяют понять частный характер судебной микрообъектологии в рамках судебной экспертизы. Исследование ведется от общего к частному на основе сравнительного анализа предметов частных криминалистических теорий и отдельных научно-практических направлений, что позволяет избежать подмены понятий и обосновать полученные выводы.

Анализ. Анализ возможности выделения судебной микрообъектологии построен на сравнении представленных в научной литературе различных представлениях об уровне его дифференциации как отдельного направления, частной теории или самостоятельной отрасли знания, и дополнен практическими результатами судебно-экспертной деятельности.

Результаты. Уровень выделения отрасли знаний о микрообъектах соответствует самостоятельному учению, основанием чему могут служить рассмотренные формальные критерии. На сегодняшний день уровень всеобщности положений микрообъектологии недостаточен для определения ее как частной криминалистической теории, так как она не определяет основные положения разделов криминалистики, а только сама основывается на них.

Ключевые слова: Судебная микрообъектология, частное криминалистическое учение, частная криминалистическая теория, предмет судебной микрообъектологии.

UDC343.983.4

DETERMINATION OF THE SCIENTIFIC STATUS OF FORENSIC MICROOBJECTOLOGY

Andrey V. Kochubey

Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article considers the grounds for the allocation of individual scientific and scientific-practical directions into independent branches of knowledge at the level of

sections or particular theories as part of existing science. The separation of a new scientific direction and even an entire science from the existing scientific system is determined by the subject part of the material based on the understanding of empirical material and its separation from even similar semantic load and practical orientation of data.

Methods. The methods of induction and deduction used make it possible to understand the particular nature of forensic micro-objectology within the framework of forensic examination. The research is conducted from the general to the particular on the basis of a comparative analysis of the subjects of private forensic theories and individual scientific and practical directions, which avoids the substitution of concepts and substantiates the conclusions.

Analysis. The analysis of the possibility of distinguishing judicial micro-objectology is based on a comparison of various ideas presented in the scientific literature about the level of its differentiation as a separate direction, a private theory or an independent branch of knowledge, and supplemented with practical results of forensic expert activity.

Results. The level of separation of the branch of knowledge about micro-objects corresponds to an independent teaching, which can be based on the formal criteria considered. To date, the level of universality of the provisions of microobjectology is insufficient to define it as a private forensic theory, since it does not define the main provisions of the sections of criminology, but only itself is based on them.

Keywords: Forensic micro-objectology, private forensic teaching, private forensic theory, the subject of forensic micro-objectology.

Введение. Формирование любой научной теории сводится к формированию ее методологии, которая может быть общей и частной. Общая методология охватывает принципы материалистической диалектики, теории научного познания, частная методология основывается на законах отдельных наук. Методология конкретной научной дисциплины обладает системой основополагающих идей, взглядов и подходов в определенной или нескольких областях знаний. Методология частной теории или учения выражается через систему теоретических обобщений, принципов, специфических методов и методик исследований [8, с. 45–46].

Как правило, новое научное направление не появляется каким-либо «чудесным образом» на «голом месте». Обычно, это связано с закономерными процессами развития

«материнской науки», в недрах которой оно зарождается, развивается и, наконец, формируется в одной из форм – вначале как отдельное теоретическое построение, далее научное направление, учение, частная теория и, наконец, самостоятельная наука.

Методы. Согласно одной из концепций развития науки, формирование нового ее элемента, в различной степени обобщения, происходит революционным путем, проходя стадии развития (нормального и аномального состояния), кризиса и, наконец революции.

Нормальная стадия в развитии науки – период аккумуляции имеющихся знаний в пределах существующей парадигмы³. Этот период с неизбежностью заканчивается переходом к аномальному состоянию, когда полученная совокупность научных данных не мо-

³ Существенный момент в понятии парадигмы заключается в специфической структуре, включающей раз-

личные по характеру и содержанию вариации представлений о предмете науки, ее основополагающей теории и специфических методах исследования.

жет быть объяснена с точки зрения существующей парадигмы. Наступает кризис, который приводит к научной революции. Старая парадигма отбрасывается, и на смену ей приходит другая, способная объяснить новую систему научных фактов, теорий, методов [10, с. 68–69].

Обособление нового научного направления и даже целой науки от существующей научной системы определяется предметной частью материала, основанного на осмыслении эмпирического материала и его отчленении от даже схожих по смысловой нагрузке и практической направленности данных.

Помимо предметной части новая наука должна дифференцировать еще и свой парадигмальный статус. При его отсутствии статус новой науки какое-либо научное направление, даже новое, самостоятельной наукой считаться не может.

Анализ. Однако, говоря о возможном выделении научного знания о микрообъектах в отдельное учение (в рамках существующей структуры), мы отдаем себе отчет в том, что возможно сложится ситуация «парадигмального дуализма», когда новая парадигма примет одну часть научной общественности, но другая ее часть будет использовать старую парадигму, либо не выделит таковой вообще (отрицая самостоятельное научное значение микрообъектов).

Другая теория развития науки основана на принципах диалектики, признанных общеметодологической основой науки, в том числе криминалистики и судебной экспертизы. Эти принципы указывают на бесконечный характер развития знания, развития «по спирали». Новый «виток», определяющийся суммой знания в определенной области и степенью его обобщения, и определяет, в конечном итоге, уровень выделения и место в иерархии построения общей или частной системы.

Сама криминалистика, в недрах которой зародилась и развивалась микрообъектология, стала считаться самостоятельной наукой лишь после возникновения и становления ее частных теорий. Обоснованность постановки вопроса о выделении системы научного знания (учение или частная теория) о микрообъектах выражается в следующих положениях:

1. Рост научных публикаций, посвященных микрообъектам, и практическая значимость их исследований в рамках расследования уголовных дел определяют актуальность этого направления;

2. Разработанные методики исследования микрообъектов позволяют неоднократно воспроизводить полученный результат, что должно рассматриваться как стабильность;

3. Новые практические результаты находят свое научное объяснение, а это критерий обоснованности;

4. Анализ наблюдений и экспериментов дает возможность прогнозирования;

5. Развитие теоретических основ микрообъектологии и разработка новых технических средств исследования микрообъектов позволяет говорить о перспективности – планирования и решения новых текущих и долгосрочных научных задач [8, с. 45–46].

Все это позволяет объединить отдельные теоретические построения в самостоятельную область знания, учитывая их органическую связь между собой.

Нет сомнения, что к сегодняшнему дню сформировалась самостоятельная область знания о микрообъектах, но какова степень ее выделения в научной иерархии? Может ли она быть определена как самостоятельное учение, отдельное научное направление или только лишь теоретико-практическое построение? При этом имеет значение и ее место в существующей структуре науки. Это

может быть место в криминалистике или какой-либо ее частной теории. Постановка вопроса в обозначенной плоскости только на первый взгляд имеет сугубо теоретическое значение.

На основе систематизации существующих мнений об уровне выделения научно-практической области знания о микрообъектах он может быть определен в одном из двух вариантов – учении о микрообъектах либо частной теории, что, несомненно, является более высокой ступенью в научной иерархии. Отличие между ними заключается в степени вовлечения их положений в смежные области.

Весьма показательна в этом отношении ситуация с взрывотехникой. В. К. Лисиченко в своей монографии «Теоретические и правовые проблемы криминалистической микрологии» отмечает, что В. М. Плескачевский рассматривает криминалистическое взрывоведение в качестве раздела криминалистического оружейноведения, которое, в свою очередь, является отраслью криминалистической техники; И. Д. Моторный указанную проблематику выделяет в рамках криминалистической техники; С. М. Колотушкин – как частную криминалистическую теорию [9, с. 22].

Общая теория криминалистики сводится к четырем разделам (криминалистическим учениям), связанным с возникновением и использованием информации о преступлении и преступнике и основанным на криминалистических закономерностях.

Модель общей теории судебной экспертизы, которая сегодня хотя еще и не принята безоговорочно всеми учеными, но отражает мнение ведущих в этой области специалистов, это:

- мировоззренческие и праксеологические принципы как самой теории, так и ее объекта – экспертной деятельности;

- частные теоретические построения в этой области научного знания;

- методы развития теории и осуществления экспертных исследований [1, с. 43].

С уверенностью можно констатировать, что современная микрообъектология имеет синтетический характер – она органически объединяет положения криминалистики и судебной экспертизы. Расширение использования микрообъектов всегда было связано с интеграцией достижений естественных и технических наук. Междисциплинарный характер микрообъектологии определяется существенными связями предметных наук, которые замыкаются на микрообъектах.

Попытаемся лишь штрихами, тезисно обозначить эти связи.

Во-первых, микрообъекты, относящиеся к предмету нашего исследования, должны быть связаны с событием преступления, т.е. существуют определенные закономерности возникновения особого рода материальных объектов в результате подготовки, совершения преступления или сокрытия его результатов. По этому основанию в полной мере определяется связь микрообъектов с криминалистикой вообще.

Во-вторых, для микрообъектов разрабатываются специальные приемы обнаружения, фиксации и изъятия, что определяет связь с одним из разделов криминалистики (криминалистической техникой). Основой же для разработки эффективных приемов и методов работы с микрообъектами в ходе производства следственного действия выступает определенная совокупность свойств микрообъектов, выявление которых позволяет их обнаруживать, описание – фиксировать, учет – изымать (упаковывать). Выявление этого комплекса свойств различных по природе микрообъектов прерогатива судебной экспертизы.

Непосредственный процесс поиска и обнаружения микрообъектов осуществляется в строгом соответствии с общим тактическим замыслом проведения следственного действия, а, следовательно, определяется положениями криминалистической тактики.

В-третьих, использование микрообъектов в качестве вещественных доказательств возможно только после проведения соответствующего экспертного исследования, то есть, и в данном случае присутствует тесная связь с судебной экспертизой.

В-четвертых, в рамках оперативно-розыскных мероприятий микрообъекты могут быть исследованы с целью получения ориентирующей информации. Такие исследования носят название предварительных и проводятся вне следственных действий, а их результаты не имеют доказательственного значения, что подчеркивает тесную связь микрообъектологии с ОРД. Вопросы предварительного исследования материальных следов рассматриваются в криминалистике, но методы всегда заимствованы из соответствующих родов и видов судебных экспертиз. Из этого следует, что предварительные исследования микрообъектов подчиняются общим криминалистическим требованиям и отражают принципы судебно-экспертной деятельности.

В-пятых, вовлечение микрообъектов в уголовное судопроизводство осуществляется в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом, чем выражается связь с уголовным процессом.

И, наконец, последнее – микрообъекты служат целям получения фактических данных о расследуемом событии только в качестве объектов экспертных исследований, разрабатываемых в судебной экспертизе. Сами же методы во многих случаях заимствованы в неизменном или видоизмененном виде из

естественных и технических наук. Это физические, физико-химические и химические методы анализа.

Такая тесная взаимосвязь микрообъектологии с естественными, техническими и юридическими науками привела к различному определению разными учеными ее статуса.

Рассматривая микробиологическое направление как структурную часть криминалистики и судебной экспертизы, М. Б. Вандер определил его как развивающееся поисковое научное направление, которому присущ междисциплинарный характер. Междисциплинарность выражается прежде всего в том, что микрообъекты изучаются специалистами в области медицины, химии, физики, прикладной математики и других наук, интегрируя все накопленные знания в микрообъектологию [4, с. 30].

С одной стороны, термин «междисциплинарность» не вызывает никаких возражений. Вполне очевидно, что к разработке проблем микрообъектологии должны привлекаться ученые различных специальностей. Однако, с другой стороны, одна из задач и криминалистики, и судебной экспертизы заключается в разработке на основе естественных и технических наук специальных приемов и средств. Естественно, что без привлечения специалистов в области естественных и технических наук, это невозможно. Таким образом, специальное выделение междисциплинарного характера микрообъектологии не требуется.

По нашему мнению, и определение микрообъектологии как *поискового развивающегося* направления сегодня неоправданно – этим принижается уровень научного знания о микрообъектах и степень его разработанности как в теоретическом плане, так и в плане практического использования – это уже полностью сформировавшаяся теория. Очевидна

и несостоятельность термина «развивающеся» направление. Под это определение попадают абсолютно все науки – и давно сформировавшиеся, такие как математика, химия, физика, так и появившиеся в недалеком прошлом (генетика) и совсем молодые (ИТ-технологии). То есть, любая наука, пополняясь новыми данными, анализируя их и формируя новые знания, находится в постоянном развитии. Соответственно, специального указания на развитие научного знания не требуется – это очевидно.

Диаметрально противоположная точка зрения на статус микрообъектологии высказана П. Д. Биленчуком [7, с. 100–101]. Он определяет криминалистическую микрологию как раздел криминалистики. В рамках криминалистической науки криминалистическая микрология существует в виде пятого раздела наряду с четырьмя иными: «Методологией криминалистики», «Криминалистической техникой», «Криминалистической тактикой», «Криминалистической методикой» и занимает особое положение. В силу взаимосвязанности всех микрологических проблем между собой и с каждым из перечисленных разделов криминалистики микрологические знания в рамках монографического исследования следует излагать комплексно в виде отдельного раздела, а в рамках криминалистики как учебной дисциплины – распределять в соответствующей части по всем перечисленным разделам криминалистики [3, с. 24–25].

Такое предложение, относительно придания криминалистической микрообъектологии статуса раздела криминалистической науки, кажется нам преувеличивающим значимость этой отрасли знания и не отвечающим сложившимся представлениям о структуре криминалистики.

Наличие таких разнополярных мнений дает повод к дискуссии по вопросу – что же такое отрасль знания о микрообъектах?

Нам представляется, что уровень выделения отрасли знаний о микрообъектах соответствует криминалистическому учению, основанием чему могут служить рассмотренные формальные критерии. На сегодняшний день уровень всеобщности положений микрообъектологии недостаточен для определения ее как частной криминалистической теории, так как она не определяет основные положения разделов криминалистики, а только сама основывается на них.

Необходимо особо подчеркнуть, что учение о микрообъектах не есть какой-либо определенный вид или род экспертизы – это междисциплинарное учение, включающее, соответственно, в свой предмет положения и судебной экспертизы как базовой науки, и криминалистики, и уголовно-процессуального права, и естественных наук. Несмотря на то, что судебная микрообъектология функционирует в рамках судебной экспертизы, ее методология базируется на принципах методологии последней, но отражает свою собственную специфику.

Первое определение учения о микрообъектах, на котором хотелось бы остановиться, принадлежит М. Б. Вандеру: «предметом изучения судебной микрологии являются процессуально-правовые, организационные, тактические, технические и другие проблемы обнаружения, фиксации, исследования и использования микрочастиц в процессе дознания, предварительного расследования и судебного рассмотрения дела» [4, с. 30].

Нам кажется, что предложенное определение содержит некоторые тезисы, вызывающие, с нашей точки зрения, принципиальные возражения. Во-первых, предметом ни науки, ни частной теории, ни учения не могут быть проблемы, так как наука призвана их решать, причем решать на основе изучения комплекса закономерностей. Соответственно, в

определение предмета необходимо включение не перечня проблем, а тех закономерностей, изучение и анализ которых приводит к наиболее эффективному достижению конечного результата как в выработке теоретических построений, так и в их практической реализации.

Во-вторых, выделение в предмете судебной микрообъектологии (микрологии по М. Б. Вандеру) процессуально-правовых и организационных «проблем» также нам кажется не совсем оправданным. Следует заметить, что организационные и процессуальные основы экспертной деятельности как элементы судебной экспертологии или общей теории судебной экспертизы первоначально были предложены А. И. Винбергом, Н. Т. Малаховской и А. Р. Шляховым и подвергнуты критике Р. С. Белкиным [2, с. 305–307].

Правовые основы судебной экспертизы разрабатываются правовой наукой, и исследование закономерностей функционирования этого института, «тенденции их развития, цели и пределы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве» есть прерогатива права. «Теория экспертизы должна принимать эти закономерности ... как законоположения и не включать их в свое содержание» [2, с. 306]. Можно лишь добавить, что мы не отказываемся от связи судебной микрообъектологии с правовыми дисциплинами, так как использование микрообъектов происходит в правовом поле, но основы этого формируются в закономерностях процессуальной науки. Судебная микрообъектология лишь использует их с учетом особенностей своего объекта.

Те же аргументы можно использовать и по отношению невозможности включения в предмет судебной микрообъектологии организационных элементов, так как организационные основы – это область науки управления.

А. А. Кириченко рассматривал судебную микрообъектологию как раздел криминалистики, предметом изучения которого являются теоретические основы и методы использования микрообъектов для правильного разрешения уголовных дел [6, с. 52]. В криминалистической микрологии, по его мнению, «...на основе познания закономерностей возникновения, собирания, исследования, оценки и использования при помощи микрообъектов информации, имеющей значение для правильного разрешения уголовных дел, разрабатываются гласные технические средства, тактические приемы и методические рекомендации по борьбе с преступностью» [6, с. 15].

Представленное определение предмета микрообъектологии (по А. А. Кириченко криминалистической), с нашей точки зрения, неудачно, в первую очередь, семантически, так как возникают, «собираются» и исследуются сами микрообъекты, но не информация. Кроме того, информация используется не при помощи микрообъектов, а полученная на основе их исследования. Вызывает сомнение и оправданность указания на разработку в рамках микрообъектологии только «гласных технических средств тактических приемов...». Микрообъекты используются не только в следственной практике, но и в оперативно-розыскной деятельности, в рамках которой проводится, например, негласный отбор образцов для сравнительного исследования. При этом тактические приемы могут существенно отличаться от проводимых при производстве следственных действий.

Научные сведения о сущности, систематизации, методах выявления и исследования, принципах оценки микроэлементов (микрообъектов, включающих в себя следы наложений микрочастиц) составляют, по определению В. Л. Попова, предмет судебно-

медицинской микробиологии. (Принимая во внимание тот факт, что одним из источников возникновения микробиологического направления является судебная медицина, и развивалась она параллельно с расширением использования микробиологических объектов в судебной медицине, мы посчитали необходимым в перечень определений предмета криминалистической микробиологии включить и данное определение).

Подвергать детальному анализу определение предмета микробиологии Л. В. Попова, наверное, нет особой необходимости, так как указание в предмете лишь на наличие научных сведений не может считаться основанием выделения в самостоятельное научное построение не только на уровне учения, но и даже отдельного научного направления.

По мнению В. К. Лисиченко, положения «криминалистической микробиологии» представляют собой преимущественно технические знания о видах и свойствах микробиологических объектов, их роли как источников информации, которая может иметь значение в расследовании преступлений, о методах, приемах и технических средствах работы с ними [9, с. 80].

Однако, с этим также вряд ли можно согласиться, поскольку к микробиологическим знаниям относятся не только технические, но и методологические, и тактические, и методические, и правовые. Так, например, общетеоретические положения микробиологии разрабатываются с учетом методологических положений науковедения; вопросы экспертного исследования микробиологических объектов согласуются с теорией судебной экспертизы;

тактические приемы обнаружения микробиологических объектов, их предварительного и лабораторного исследования, тактические вопросы подготовки материалов и назначение экспертиз разрабатываются на основе общих рекомендаций криминалистической тактики; оценка результатов экспертиз микробиологических объектов и их использование при расследовании должны согласовываться с методикой расследования отдельных видов преступлений. Принимает микробиология, о чем уже упоминалось, и положения смежных с криминалистикой научных и практических областей – оперативно-розыскной деятельности, уголовного процесса и др.

Результаты. Подводя итог всем приведенным рассуждениям, судебную микробиологию можно определить как:

Микробиология – это самостоятельное учение, зародившееся, сформировавшееся и развивающееся на стыке криминалистики и судебной экспертизы, предназначение которого заключается в разработке теоретических положений и основанных на них практических рекомендациях, направленных на совершенствование использования криминалистически значимой информации, заключенной в микробиологических объектах, в целях раскрытия и расследования преступлений.

Кроме того, теоретическое объединение положений судебной микробиологии должно осуществляться на фундаменте всех материнских наук (криминалистики, судебной экспертизы, естественных и технических наук) через трансформацию их положений применительно к целям и задачам последней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М., 2006. 480 с.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3-х т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М., 1997. 464 с.
3. Биленчук П. Д., Кириченко А. А. Курс судебной микрологии: учеб. пособие: В 7 ч. Днепропетровск, 1994. Ч. 4: Проблемы судебной одорологии. 268 с.
4. Вандер М. Б. Проблемы совершенствования научно-технических средств и их применение в процессе доказывания по уголовным делам: дис... д.ю.н. в форме научного доклада, выполняющего также функцию автореферата. М., 1994. 66 с.
5. Кириченко А. А. Классификация микрообъектов и их значение при расследовании преступлений против личности: дис...к.ю.н. К., 1992. 432 с.
6. Кириченко А. А. Криминалистическая микрология: монография. Днепропетровск, 1993. 280 с.
7. Кириченко А. А. Проблемы судебной микрологии: монография. В 2-х ч. Днепропетровск, 1995. 196 с.
8. Колотушкин С. М. Криминалистическая взрывотехника как частная криминалистическая теория // дис... д.ю.н. Волгоград, 2003. 384 с.
9. Лисиченко В. К. Теоретические и правовые проблемы криминалистической микрологии: монография. Харьков, 1997. 436 с.
10. Осипов Г. В., Москвичев Л. Н., Кабыща А. В. и др. Социология. Основы общей теории: учебное пособие / Г. В. Осипов [и др.]; под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева. М., 1996. 175 с.

REFERENCES

1. Aver'yanova T. V. Sudebnaya ekspertiza: kurs obshchey teorii. M., 2006. 480 s.
2. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki v 3-kh t. T. 2: Chastnye kriminalisticheskie teorii. M., 1997. 464 s.
3. Bilenchuk P. D., Kirichenko A. A. Kurs sudebnoy mikrologii: Ucheb. posobie: V 7 ch. Dnepropetrovsk, 1994. Ch. 4: Problemy sudebnoy odorologii. 268 s.
4. Vander M. B. Problemy sovershenstvovaniya nauchno-tekhnicheskikh sredstv i ikh primeneniye v protsesse dokazyvaniya po ugolovnym delam: Dis... d.yu.n. v forme nauchnogo doklada, vpolnyayushchego takzhe funktsiyu avtoreferata. M., 1994. 66 s.
5. Kirichenko A. A. Klassifikatsiya mikroob»ektov i ikh znachenie pri rassledovanii prestupleniy protiv lichnosti: Dis... k.yu.n. K., 1992. 432 s.
6. Kirichenko A. A. Kriminalisticheskaya mikrologiya: Monografiya. Dnepropetrovsk, 1993. 280 s.
7. Kirichenko A. A. Problemy sudebnoy mikrologii: Monografiya. V. 2-kh ch. Dnepropetrovsk, 1995. 196 s.
8. Kolotushkin S. M. Kriminalisticheskaya vzryvotekhnika kak chastnaya kriminalisticheskaya telriya // Dis... d.yu.n. Volgograd, 2003. 384 s.
9. Lisichenko V. K. Teoreticheskie i pravovye problemy kriminalisticheskoy mikrologii: Monografiya. Khar'kov, 1997. 436 s.
10. Osipov G. V., Moskvichev L. N., Kabyscha A. V. i dr. Sotsiologiya. Osnovy obshchey teorii: uchebnoe posobie / G. V. Osipov [i dr.]; pod red. G. V. Osipova, L. N. Moskvicheva. M., 1996. 175 s.

Информация об авторе

Андрей Владиславович Кочубей кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия Адрес: 400066, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, krimtehnika@mail.ru, SPIN-код: 7758-0314, AutorID: 668232

Information about the Author

Andrey V. Kochubey Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia Address: 8, Gagarina str., Volgograd, 400066, Russian Federation, krimtehnika@mail.ru, SPIN-код: 7758-0314, AutorID: 668232

Для цитирования: Кочубей А. В. Определение научного статуса судебной микрообъектологии // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 4 (10). С. 90–99. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N4.pdf

УДК 343.985

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДАЛЬНОСТИ ВЫСТРЕЛА ИЗ ПИСТОЛЕТА МАКАРОВА КАЛИБРА 9 ММ ПО ГЛУБИНЕ ВНЕДРЕНИЯ ПУЛИ В ДЕРЕВЯННУЮ ПРЕГРАДУ

Владимир Александрович Федоренко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Владимир Михайлович Юрин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Арстангали Амангалиевич Нурушев

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Ильяс Ермекович Асанов

Волгоградское ЛУ МВД России на транспорте, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация: *Введение.* Расследование преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, это сложная многоуровневая задача, которая стоит перед следователями и криминалистами. В рамках проведения осмотра по делам указанных категорий выясняется обстановка на месте происшествия, в частности, имело ли место событие, связанное с единичным применением оружия с производством нескольких выстрелов и прочее.

Методы. Главной целью осмотра является обнаружение, фиксация и изъятие следов применением стрелкового оружия, а именно гильз, пуль, дроби, картечи и других возможных компонентов патрона. Повышение эффективности и качества расследования такого рода преступлений во многом предопределяется эффективностью осмотра места происшествия и реконструкцией события на месте преступления. Одной из важнейших задач осмотра места применения огнестрельного оружия является определение направления и дистанции выстрела по огнестрельному повреждению.

Анализ. Этой тематике посвящена данная научная статья, а именно определение дальности выстрела из пистолета Макарова калибра 9 мм по глубине внедрения пули в деревянную преграду. В работе предпринята попытка синтеза научного и учебно-методического стиля изложения материала. Решения рассматриваемых вопросов излагаются, по возможности, ясным и простым языком без потери научной содержательности, при необходимости дополнены пояснением математической составляющей метода наименьших квадратов.

Результаты. Криминалистические исследования в области определения дальности выстрела из пистолета Макарова калибра 9 мм по глубине внедрения пули в деревянную преграду, позволит экспертам - криминалистам успешно устанавливать направление и дистанцию выстрела по огнестрельному повреждению.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, дальность выстрела, расследование, скорость снаряда, деревянная преграда.

UDC 343.985

DETERMINING THE SHOT RANGE FROM MAKAROV PISTOL 9 MM CALIBER FOR THE DEPTH OF BULLET INTEGRATION INTO A WOODEN OBSTACLE

Vladimir A. Fedorenko

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov,
Russian Federation

Vladimir M. Yurin

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov,
Russian Federation

Arstangali A. Nurushev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Ilyas E. Asanov

Volgograd LU of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Transport, Volgograd,
Russian Federation

Abstract. Introduction. The investigation of crimes involving the use of firearms is a complex multi-level task that investigators and criminologists face. As part of the inspection in cases of these categories, the situation at the scene of the incident is clarified, in particular, whether there was an event associated with a single use of a weapon with the firing of several shots, etc.

Methods. The main purpose of the inspection is to detect, record and remove traces of the use of small arms, namely cartridges, bullets, shot, buckshot and other possible components of the cartridge. Increasing the efficiency and quality of the investigation of this type of crime is largely determined by the effectiveness of the inspection of the crime scene and the reconstruction of the event at the crime scene. One of the most important tasks of inspecting the place where a firearm was used is to determine the direction and distance of the shot based on gunshot damage.

Analysis. This scientific article is devoted to the topic, namely, determining the firing range of a 9 mm Makarov pistol based on the depth of penetration of the bullet into a wooden barrier. The work makes an attempt to synthesize the scientific and educational methodological style of presenting the material. Solutions to the issues under consideration are presented, if possible, in a clear and simple language without loss of scientific content, and, if necessary, supplemented by an explanation of the mathematical component of the least squares method.

Results. Forensic research in the field of determining the range of a shot from a 9 mm Makarov pistol based on the depth of penetration of the bullet into a wooden barrier will allow forensic experts to successfully determine the direction and distance of the shot based on gunshot damage.

Keywords: inspection of the scene, shot range, investigation, projectile speed, wooden barrier.

Введение. В судебной баллистике иногда приходится решать задачу оценки дальности выстрела по глубине внедрения пули в преграду [2; 8; 9], представляющую собой, например, деревянный брус, грунтовую

насыпь и т.п. Определив скорость пули в момент столкновения с преградой по глубине пулевого повреждения и зная начальную скорость пули, можно оценить с помощью основного баллистического уравнения дистанцию

прямого выстрела. Прицельная стрельба при криминальном применении огнестрельного оружия в абсолютном большинстве случаев ведется с дистанций прямого выстрела, т.е. когда высота траектории не превышает высоту мишени, а траектория близка к прямой линии прицеливания [8]. При реконструкции места применения огнестрельного оружия начальной задачей может быть определение скорости соударения пули с преградой.

Исходными данными здесь являются: мишень с пулевым повреждением, пуля, информация или предположение о начальной скорости пули исходя из применявшейся модели оружия, а также глубина пулевого повреждения на преграде, например, из соснового бруса ($L_{\text{прон}}$). В криминалистической литературе можно найти табличные данные о глубине пробития различных преград в зависимости от скорости пули [2]. Однако они имеют больше ориентирующий характер, чем справочный. Одним из их недостатков является отсутствие данных о разбросе результатов измерения глубины проникновения пули в преграду. Например, один и тот же деревянный брус характеризуется разной твердостью и прочностью на различных участках в зависимости от присутствия на них сучков, трещин и т.п. Поэтому при оценке скорости пули по глубине пулевого повреждения важно знать доверительный интервал значений ее скорости при формировании повреждения с такой глубиной. Это позволит корректно определить интервал дистанций, с которого был произведен выстрел.

Методы. Методика оценки скорости снаряда по глубине его внедрения в преграду заключается в следующем. На рисунке 1 представлена схема экспериментальной установки для определения скорости столкновения снаряда с исследуемой преградой.

Мишень, изготовлена из того же материала, что и исследуемая преграда. Методика определения скорости следующая. Берется оружие и патроны, аналогичные тем, которые использовались на месте происшествия. В патронах навеска пороха уменьшается примерно на 10 %, 20 %, 30 %, 40 % и 50 %. После этого патроны отстреливаются в мишень через регистратора скорости. При каждом выстреле фиксируется значение скорости снаряда и глубина проникновения в мишень. При половинной навеске пороха начальная скорость пули уменьшается примерно в 2.5–3.5 раза. При этом разряжать патроны более чем на 50 % не рекомендуется, т.к. пуля может застрять в канале ствола. Для измерения глубины проникновения в преграду при малых скоростях перед установкой «Скорость» рекомендуется установить дополнительную преграду, например, из деревянных досок. Непосредственно перед установкой «Скорость» следует установить экран, при пробитии которого пуля практически не изменит свою скорость (энергию), но который отсекает мелкие отколы от пробиваемых досок, которые могут привести к ошибкам в измерениях временных интервалов и механическим ударам по самой установке. Таким образом удастся дополнительно уменьшить скорость пули за счет пробития ими первой преграды.

Затем по результатам измерений строится графическая зависимость глубины пробития материала мишени (преграды) от скорости пули (Рис. 2). Зная глубину проникновения снаряда в преграду $L_{\text{иссл}}$ на месте происшествия, по зависимости $L = f(V)$ представленной на рисунке 2 а, можно решить обратную задачу, а именно определить искомую скорость столкновения пули с преградой V_c (рис. 2 б).

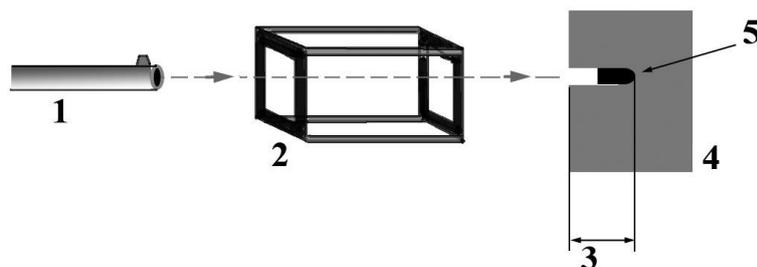

Рис. 1. Экспериментальная установка для определения скорости столкновения пули с преградой по глубине ее проникновения в преграду: 1 – оружие; 2 – регистратор скорости снаряда; 3 – глубина проникновения снаряда в мишень; 4 – мишень, изготовленная из того же материала, что и преграда на месте происшествия; 5 – пуля.

Анализ. По примеру одного из наших исследований при оценке скорости пули при столкновении с преградой следует помнить о двух моментах:

1. Глубина проникновения снаряда в преграду пропорциональна его скорости только до определенных значений. Как только скорость столкновения достигает такой величины, при которой начинается деформация или разрушение пули, пробивное действие резко падает и, соответственно, уменьшается глубина проникновения снаряда в преграду. На рисунке 9 показана характеристика пробивного действия 7.62 мм легкой винтовочной пули при стрельбе по песку и дереву [2]. Из графиков видно, что при стрельбе по песку при скорости около 400 м/с пробивное действие максимальное и далее с увели-

чением скорости падает. При стрельбе по деревянной преграде пробивное действие начинает падать при скоростях пуль 720–740 м/с. Поэтому, при исследовании на месте происшествия преграды с пулевым каналом, следует измерить диаметр пули (для оценки деформации пули), чтобы определить по какой части функции $L = f(V)$ (левой или правой, рис. 3) следует определять скорость соударения. Если пуля не имеет явных признаков деформации, то оценку скорости проводят по левой части графика. При соударении с некоторыми видами прочных преград (камень, сталь и т.п.) пули всегда деформируются и даже фрагментируются [3; 4; 7; 10]. В этом случае скорость соударения можно оценить приблизительно по степени деформации или фрагментации пуль.

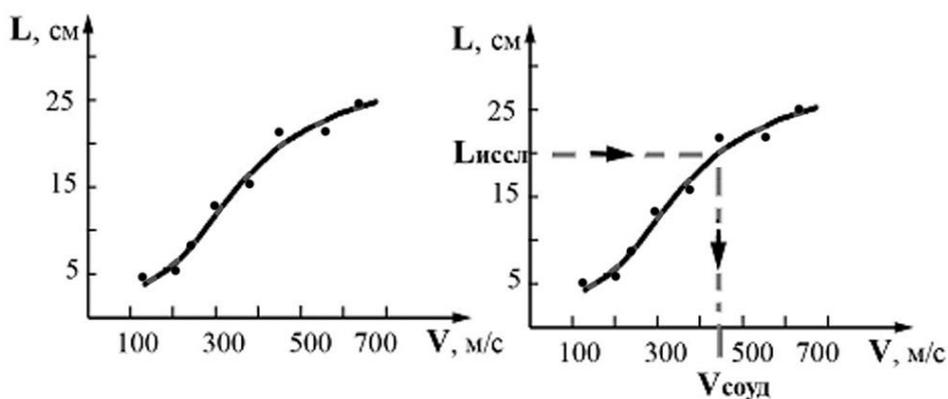

Рис. 2. Определение скорости столкновения пули с преградой по глубине ее проникновения: а – глубина проникновения пули в преграду в зависимости от ее скорости; б – определение скорости столкновения снаряда с преградой по глубине пулевого канала на месте происшествия

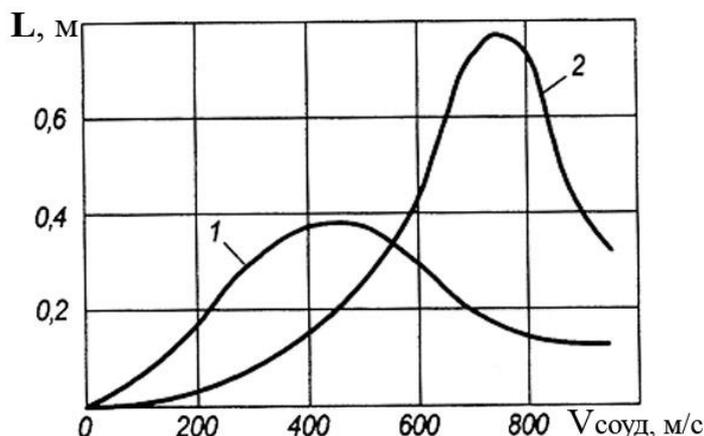

Рис. 3. Характеристика пробивного действия 7.62 мм легкой винтовочной пули при стрельбе по песку (1) и дереву (2) [8]

2. В реальности экспериментальные точки ложатся не строго на кривую зависимости $L = f(V)$, а с некоторым разбросом, обусловленным различными прочностными характеристиками преграды, погрешностью измерений и т.д. (рис. 2). Прежде всего это относится к экспериментам с пробитием деревянной преграды. Во-первых, разные породы дерева имеют разную твердость. Во-вторых, глубина проникновения в деревянную преграду будет зависеть от природных неоднородностей, таких, как сучки, трещины и т.п. Поэтому следует ожидать достаточно большой разброс по глубине проникновения пули с одной и той же скоростью в одну и ту же преграду в зависимости от неоднородностей на пути пулевого повреждения. Поэтому при исследовании глубины внедрения пули в деревянную преграду следует провести большее число экспериментальных выстрелов, чем при исследовании другой более однородной преграды. В противном случае не корректно могут быть определены аппроксимирующая функция $L = f(V)$ и стандартное отклонение σ .

Исходя из общих соображений можно предположить, что разброс результатов измерений носит случайный характер и он близок к нормальному распределению. Разумным условием построения аппроксимирующей

функции является требование, чтобы сумма квадратов расстояний от экспериментальных точек до кривой $L = f(V)$ являлась минимальной [1; 6]. Метод построения такой кривой по табличным данным называется методом наименьших квадратов. Аппроксимирующая кривая была построена с помощью программного обеспечения MatLab, имеющегося в открытом доступе [5].

Результаты. Целью эксперимента являлось исследование глубины пробития сплошной деревянной преграды в зависимости от скорости пули, оценка стандартного отклонения глубины проникновения пули в преграду. В качестве преграды использовался пакет соснового бруса толщиной 40 мм каждый, жестко скрепленный с помощью саморезов. Общая толщина набора бруса достигала 440 мм. Эксперимент проводился по схеме, представленной на рисунке 1. Экспериментальная стрельба проводилась патронами 9 мм с обыкновенной оболочечной пулей. Пистолет Макарова фиксировался на расстоянии 1.5 метра от дульного среза до измерителя скорости индукционного типа. Патроны отстреливались в одиночном режиме огня, брус ориентировался волокнами вертикально. Измерения глубины пулевого канала производились с помощью стальной спицы с учетом длины пули.

Данные результатов измерений представлены в таблице 1. Также были рассчитаны кривые проникновения 9 мм пули в деревянную преграду в зависимости от скорости. Расчеты показали, что наименьшая

ошибка возникает при описании аппроксимирующей кривой с помощью квадратичной зависимости. На рисунке 4 и 5 представлены аппроксимирующая кривая и результаты измерений (черные точки).

Таблица 1

**Глубина пулевого канала (L) в преграде
в зависимости от скорости пули (V)**

L, см	6.9	6.8	6.9	6.8	6.9	6.7	6.9	6.9	6.8	7.0	4.7	4.5	4.4	4.6	4.5	4.7
V, м/с	310	315	320	315	320	310	310	315	315	320	215	210	205	215	210	215
L, см	4.6	4.6	4.7	4.5	4.7	2.9	3.0	3.0	2.9	2.8	2.8	2.9	3.0	2.9	33.0	
V, м/с	210	210	220	210	215	170	175	170	165	170	170	175	175	170	175	

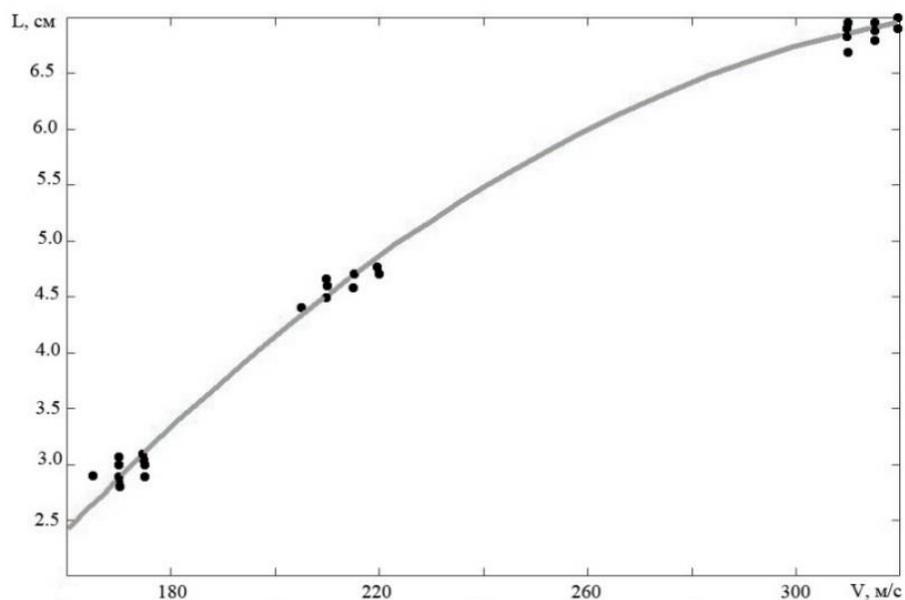

Рис. 4. Квадратичная аппроксимация (серая линия) $L = f(V)$

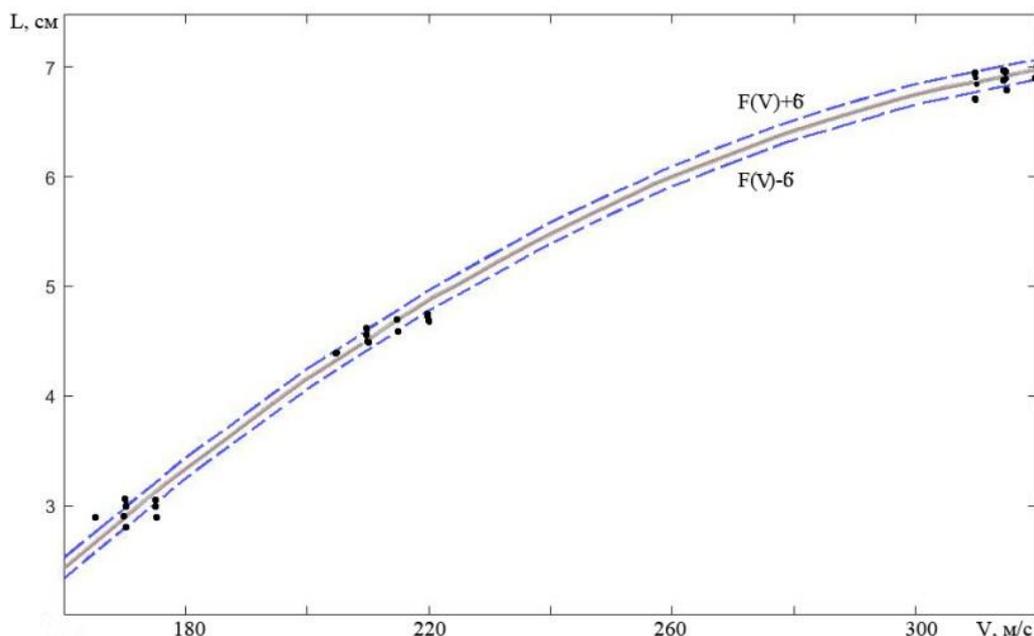

Рис. 5. Аппроксимирующая функция $L = F(V)$ (сплошная серая линия) и ее копии, сдвинутые на величину $\pm \sigma$ (пунктирные линии)

Результаты исследований глубины пробития пакета сосновых брусков пулями, выстрелянных из пистолета Макарова, в зависимости от скорости пули представляет интерес для специалистов-криминалистов, специализирующихся на осмотре мест применения оружия.

Авторы надеются, что криминалистические исследования в области определения

дальности выстрела из пистолета Макарова калибра 9 мм по глубине внедрения пули в деревянную преграду, изложенные в нашей работе, в скором времени найдут широкое применение для эффективного проведения осмотра места происшествия со следами использования данного стрелкового оружия, поиска и задержания преступника по горячим следам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аппроксимация в Matlab. URL: https://docs.exponenta.ru/matlab/data_analysis (дата обращения 10.11.2023).
2. Данилин Г. А., Огородников В. П., Заволокин А. Б. Основы проектирования патронов к стрелковому оружию. СПб., 2005. 374 с.
3. Зукас, Дж. А. Динамика удара. М.: Наука, 1985. 296 с.
4. Калашников В. В. Исследование влияния конструкции пули на процесс пробивания стальной преграды / В. В. Калашников, С. Е. Алексенцева // Вестник СамГТУ. Серия «Технические науки». 2009. № 2 (24). С. 99–104.
5. МАТЛАБ Онлайн. URL: <https://www.mathworks.com/products/matlab-online.html> (дата обращения 13.11.2023).
6. Основы линейной регрессии. URL: <https://habr.com/ru/articles/514818> (дата обращения 13.11.2023).
7. Планка Б. Деформация пули при ударе по прочной преграде // Журнал АФТЕ. 2011. Том. 43. № 3. С. 218–229.
8. Федоренко В. А. Актуальные проблемы судебной экспертизы. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2011. 208 с.

9. Федоренко В. А., Нурушев А. А., Юрин В. М., Балтабаев С. А., Великородный П. Г., Едресов С. А. Определение дальности выстрела по глубине внедрения пули в деревянную преграду: учебное пособие. Алматы (Казахстан): ТОО Лантар Трейд, 2021. 51 с.

10. Хааг Л. С., Джейсон А. Где пули? Объяснение отсутствия сравнения пуль или значительных фрагментов пуль на определенных сценах стрельбы // Журнал АФТЕ. 2012. Том. 44. № 3. С. 196–207.

REFERENCES

1. Approksimatsiya v Matlab. URL: https://docs.exponenta.ru/matlab/data_analysis (data obrashcheniya 10.11.2023).

2. Danilin G. A., Ogorodnikov V. P., Zavolokin A. B. Osnovy proektirovaniya patronov k strelkovomu oruzhiyu. SPb., 2005. 374 s.

3. Zukas, Dzh. A. Dinamika udara. M.: Nauka, 1985. 296 s.

4. Kalashnikov V. V. Issledovanie vliyaniya konstruksii puli na protsess probivaniya stal'noy pregrady / V. V. Kalashnikov, S. E. Aleksentseva // Vestnik SamGTU. Seriya «Tekhnicheskie nauki». 2009. N 2 (24). С. 99–104.

5. MATLAB Onlayn. URL: <https://www.mathworks.com/products/matlab-online.html> (data obrashcheniya 13.11.2023).

6. Osnovy lineynoy regressii. URL: <https://habr.com/ru/articles/514818> (data obrashcheniya 13.11.2023).

7. Planka B. Deformatsiya puli pri udare po prochnoy pregrade // Zhurnal AFTE. 2011. Tom. 43. № 3. S. 218–229.

8. Fedorenko V. A. Aktual'nye problemy sudebnoy ekspertizy. M.: Izdatel'stvo «Yurlitinform», 2011. 208 s.

9. Fedorenko V. A., Nurushhev A. A., Yurin V. M., Baltabaev S. A., Velikorodnyy P. G., Edresov S. A. Opredelenie dal'nosti vystrela po glubine vnedreniya puli v derevyannuyu pregradu / Uchebnoe posobie, Almaty (Kazakhstan): TOO Lantar Treyd, 2021. 51 s.

10. Khaag L. S., Dzheyson A. Gde puli? Ob»yasnenie otsutstviya sravneniya pul' ili znachitel'nykh fragmentov pul' na opredelennykh stsenakh strel'by // Zhurnal AFTE. 2012. Tom. 44. № 3. S. 196–207.

Информация об авторах

Владимир Александрович Федоренко, кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий учебно-научной лабораторией криминалистического материаловедения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Российская Федерация, fed77@yandex.ru, SPIN-код: 7946-5646

Владимир Михайлович Юрин, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Российская Федерация, yurin55@list.ru, SPIN-код: 5067-3412

Арстангали Амангалиевич Нурушев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трасологии и баллистики УНК ЭКД, Волгоградская академия МВД России, полковник полиции, 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130, Российская Федерация, arsik.nur@yandex.ru, SPIN-код: 2679-6261

Ильяс Ермекович Асанов, оперуполномоченный Волгоградского МВД России на транспорте, майор полиции, 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130, Российская Федерация, asanow.ul@yandex.ru, SPIN-код: 10001-55

Information about Authors

Vladimir A. Fedorenko, candidate of physical and mathematical sciences, associate professor, head of the educational and scientific laboratory of forensic materials science, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, 410012, Saratov, st. Astrakhanskaya, 83, Russian Federation, fed77@yandex.ru, SPIN code: 7946-5646

Vladimir M. Yurin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Expertise, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, 410012, Saratov, st. Astrakhanskaya, 83, Russian Federation, yurin55@list.ru, SPIN code: 5067-3412

Arstangali A. Nurushev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Traceology and Ballistics, UNK EKD, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel, 400075, Volgograd, st. Istoricheskaya, 130, Russian Federation, arsik.nur@yandex.ru, SPIN code: 2679-6261

Ильяс Е. Асанов, detective officer of the Volgograd Ministry of Internal Affairs of Russia for transport, police major, 400075, Volgograd, st. Istoricheskaya, 130, Russian Federation, asanow.ul@yandex.ru, SPIN code: 10001-55

Для цитирования: Федоренко В. А., Юрин В. А., Нурушев А. А., Асанов И. Е. Определение дальности выстрела из пистолета Макарова калибра 9 мм по глубине внедрения пули в деревянную преграду // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 4 (10). С. 100–108.
URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N4.pdf

Сетевое издание

**ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

№ 4(10) 2023

Дата выхода в свет:
21 декабря 2023 года

Периодичность выпуска 4 номера в год.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена, 10